П. И. Бригадин, А. М. Лукашевич

МЯТЕЖНЫЙ КОРПУС: ИЗ ИСТОРИИ АЛЕКСАНДРОВСКОГО БРЕСТСКОГО КАДЕТСКОГО КОРПУСА (1842–1863)

Минск
ГИУСТ БГУ
2007

УДК 355.231.1(476.7)(091)«1842/1863»
ББК 68.49(4Беи)
Б 87

Р е к о м е н д о в а н о
Ученым советом Государственного института управления
и социальных технологий БГУ

Р е ц е н з е н т ы:
доктор исторических наук, профессор *В. В. Швед;*
кандидат исторических наук, доцент *О. В. Горбачева*

Бригадин, П. И.
Б 87 Мятежный корпус: из истории Александровского Брестского кадетского корпуса (1842–1863) / П. И. Бригадин, А. М. Лукашевич. – Минск : ГИУСТ БГУ, 2007. – 183 с.

ISBN 978-985-6739-74-6.

История Александровского Брестского кадетского корпуса оказалась поистине удивительной. Его создание не было предусмотрено ни в каких планах, а ликвидация произошла в драматичный для Беларуси период – во время восстания 1863–1864 гг. О деятельности кадетского корпуса, его воспитанниках рассказывается в этой книге.

Для всех интересующихся отечественной историей.

УДК 355.231.1(476.7)(091)«1842/1863»
ББК 68.49(4Беи)

Все права защищены. Никакая часть данного издания не может быть воспроизведена в каком бы то ни было виде без письменного разрешения владельца авторских прав, за исключением краткого цитирования с обязательным указанием первоисточника.

© Бригадин П. И., Лукашевич А. М., 2007
© ГИУСТ БГУ, 2007

ISBN 978-985-6739-74-6

СОДЕРЖАНИЕ

Введение..... 4

Раздел 1. Управление военным образованием..... 11

Раздел 2. Подготовка к открытию Брестского кадетского корпуса..... 25

Раздел 3. Кадровое обеспечение..... 44

Раздел 4. «Поселять и укреплять …чувства чести и долга»... 51

Раздел 5. Учебный процесс..... 74

Раздел 6. «Косметический ремонт»..... 91

Раздел 7. Вхождение в столичную жизнь..... 99

Раздел 8. Смена эпох..... 115

Заключение..... 136

Источники..... 138

Приложения..... 151

ВВЕДЕНИЕ

Представленная читателю книга является продолжением вышедшей в 2004 г. монографии «Военная школа в Беларуси (XVIII – первая четверть XIX в.)», посвященной истории первых военных учебных заведений на белорусских землях. Что касается истории Александровского Брестского кадетского корпуса, то она весьма своеобразна и поучительна. Поэтому и было принято решение издать отдельную книгу и рассказать о событиях середины XIX столетия, связанных с открытием, деятельностью, обстоятельствами расформирования военного учебного заведения.

Необходимо отметить, что в последние годы в белорусской историографии значительно возрос интерес к проблемам политической, социальной истории XIX в. Появились публикации по военной истории, в том числе отражающие деятельность Александровского Брестского кадетского корпуса[1]. Среди них можно назвать статью С. Куль-Сельверстовой, посвященную проблемам создания Брестского кадетского корпуса, организации в нем учебно-воспитательного процесса[2]. В 2003 г. опубликована статья А. Ильина «Брестский заговор 1846 года»[3]. В ней высказывается предположение о связи кадетов Брестского корпуса с тайной организацией Л. Мерославского, существовавшей в 40-х гг. XIX в.

Отдельные аспекты, связанные с деятельностью Александровского Брестского корпуса, нашли отражение в работах В.А. Дьякова[4]. Особую ценность представляют собранные им биографические сведения об участниках национально-освободительного движения в российской армии, опубликованные в специальном издании[5]. В нем приводятся данные о многих воспитанниках Брестского и некоторых других кадетских корпусов.

Заслуживает внимания статья Т.Г. Снытко, которая опубликована в сборнике «Восстание 1863 г. и русско-польские революционные связи 60-х годов»[6]. В ней прослеживаются связи воспитанников военных учебных заведений со студенческой молодежью.

В архивах России и Беларуси сохранилось значительное количество документальных материалов по истории военных учебных

заведений. Наибольший интерес представляют официальные документы высших органов власти Российской империи, нормативные акты ведомства военных учебных заведений и директивные документы, определяющие основы деятельности и штатную структуру кадетских корпусов. Они преимущественно собраны в «Полном собрании законов Российской империи»[7]. Законодательные акты о прохождении службы офицерами армии, чинопроизводстве, наградах, пенсиях и т. д. собраны в «Своде военных постановлений». Впервые он был издан в 1838–1839 гг. в пяти частях, каждая из которых состояла из нескольких книг. Подготовке офицерских кадров в военных учебных заведениях посвящена 3-я книга I части Свода[8]. Кроме того, ежегодно с 1809 г. издавались хронологические своды приказов по военному ведомству. Обзор важнейших законодательных актов содержится также в многотомном труде Н.Н. Мельницкого «Сборник сведений о военно-учебных заведениях в России (сухопутного ведомства)»[9]. В нем наиболее полно собраны все нормативные акты, относящиеся к военным учебным заведениям России от начала XVIII в. и до момента составления сборника.

Важную роль играют ведомственные акты: постановления, инструкции, уставы и другие документы, которые определяли социально-политическую направленность учебного процесса. Начиная с 30-х гг. XIX в., большое количество ведомственных документов, относящихся к военным учебным заведениям, публиковалось в официальных отделах периодических изданий: газете «Русский инвалид», журналах «Военный сборник», «Педагогический сборник», «Военный журнал».

Некоторый интерес представляет официальная переписка между различными ведомствами и их должностными лицами о деятельности военных учебных заведений. Так, переписка между виленским генерал-губернатором и министрами во время восстания 1863–1864 гг. частично опубликована в сборнике документов «Восстание в Литве и Белоруссии 1863–1864 гг.»[10]. В нем содержатся материалы, отражающие влияние событий национально-освободительного движения на воспитанников Брестского кадетского корпуса.

Большинство документов о деятельности военных учебных заведений хранится в архивах. В Национальном историческом архиве Беларуси (НИАБ) официальная переписка сосредоточена в фондах

Полоцкого кадетского корпуса (Ф. 2613), минского губернского предводителя дворянства (Ф. 320), могилевского, витебского и смоленского генерал-губернатора (Ф. 1297), канцелярии витебского гражданского губернатора (Ф. 1430) и некоторых других. Среди документов Российского государственного военно-исторического архива (РГВИА) наибольший интерес представляют дела фонда Александровского Брестского кадетского корпуса (Ф. 345).

Сохранились многочисленные документы делопроизводства кадетских корпусов. Среди них можно выделить три основных блока. К первому блоку относятся материалы, касающиеся внутреннего состояния кадетского корпуса. В «Годовом рапорте о прибытии и убытии людей и лошадей в корпусе»[11] содержатся сведения о численном составе учебного заведения; о переменах (прибытии, убытии, переводах), произошедших в составе служащих корпуса и в служительской роте, а также данные о количестве лошадей. К этой же группе относится «Ведомость о числе воспитанников и кандидатов в кадетском корпусе»[12]. В ней указывалось количество воспитанников и стипендиатов различных губерний, замещение этих вакансий, а также количество кандидатов данного корпуса. Все эти документы составлялись директором корпуса.

Существовавшее в кадетских корпусах единоначалие не исключало функционирование коллективных органов управления. Первоначально в корпусе существовал хозяйственный комитет, состоящий из директора, батальонного командира, младшего штаб-офицера и полицмейстера. Комитет контролировал использование финансовых средств, распределение заказов подрядчикам, производство торгов и т. д. Решения данного комитета записывались в хозяйственные журналы. В 1835 г. в состав хозяйственного комитета был введен инспектор классов, а комитет стал рассматривать также воспитательные проблемы. Комитет ежегодно составлял «Рапорт о состоянии кадетского корпуса»[13]. В нем давалась характеристика всех сфер управления, что позволяло получить полное представление о фактическом положении дел в учебном заведении. Более детальная (текущая) информация о положении дел в кадетском корпусе содержалась в «Книгах приказов по корпусу»[14] и «Журналах воспитательного комитета»[15]. В журналы заседаний постоянно заносились данные об аттестации воспитанников, которая проводилась один раз в месяц в присутствии ротных

командиров, сведения о поощрениях и наказаниях, производстве в унтер-офицеры, выпуске, а также об утверждении воспитателей. Решения комитета, которые заносились в журнал, принимались большинством голосов. В случае несогласия одного из членов комитета к журналу прилагалось особое мнение.

Ко второму блоку относятся документы, характеризующие прохождение учебы в кадетском корпусе. Они отличаются разнообразием. Уже при поступлении в военное учебное заведение кандидаты предоставляли ряд документов, подтверждающих право на зачисление. Это свидетельства о дворянском происхождении, времени рождения и крещения, о состоянии здоровья. Все эти документы объединялись в «Дело о дворянском происхождении»[16] и после зачисления кандидата хранились в корпусе.

До середины 1830-х годов в кадетских корпусах накопилось множество текущей документации (еженедельной и ежемесячной). К ее числу относились: кондуитные списки кадетского корпуса (они составлялись поротно и содержали сведения о знании фронтовой службы кадетами), списки успеваемости, которые велись ежемесячно для каждого класса по каждому предмету и содержали сведения о способностях, прилежании и успеваемости воспитанников. Кроме того, в корпусах составлялось множество других документов. Например, «Список кадет, удостоенных отпуска к родственникам», списки провинившихся кадет и т. п.

В конце учебного года в кадетских корпусах составлялась годовая «Табель успеваемости». В ней содержались сводные сведения обо всех учащихся курса и их успеваемости по всем предметам. Табель формировалась в порядке убывания итоговой суммы баллов воспитанников. После сдачи выпускных экзаменов в каждом учебном заведении составлялся итоговый «Список воспитанников, удостоенных к выпуску…». В нем содержались краткие сведения о каждом воспитаннике, а также оценки, полученные на выпускных экзаменах по всем предметам. При этом данный документ составлялся отдельно для лиц, выпускаемых с офицерским чином, и для лиц, определяемых на гражданскую службу[17].

Очень важным документом, характеризующим воспитанника, являлась введенная в 1835 г. аттестационная тетрадь. Она заполнялась на протяжении всего времени пребывания кадета в учебном

заведении и содержала самые разные сведения о воспитаннике. Сразу после зачисления в нее заносилась информация о происхождении, вероисповедании и уровне подготовки воспитанника к моменту поступления в корпус, а также сведения об отце кадета и его имущественном положении. В дальнейшем в аттестационную тетрадь заносились данные о прохождении учебы (переходы по классам и ротам, присвоение унтер-офицерских званий, выпуск) и баллы, полученные на ежегодных экзаменах по всем предметам. Кроме того, в тетради содержались сведения обо всех проступках воспитанника; мерах поощрения и наказания, которые применялись к нему; баллы за поведение, а также замечания о характере, наклонностях и способностях кадета. Аттестационные тетради заполнял ротный командир, при этом в документе не допускались исправления. В аттестационные тетради заносились мнения преподавателей как согласных с общей оценкой поведения воспитанника, так и отличные от них. После выпуска кадетов из корпуса тетради передавались в канцелярию или высшему начальству.

К третьему блоку относятся документы о личном составе служащих кадетских корпусов. Основным документом, характеризующим прохождение службы офицерами, был формулярный список[18]. Этот документ, форма которого была установлена в XVIII в. и изменена только в 1860-х годах, является весьма ценным источником. В нем содержатся сведения о происхождении, вероисповедании, образовании, сословной принадлежности, имущественном состоянии и семейном положении офицера. В формулярном списке указывались все изменения, произошедшие во время службы офицера – переводы из одной части в другую, присвоение очередных званий, награждение орденами и медалями, сведения о штрафах, нахождение в отпусках, а также данные об участии в военных действиях. В отдельной графе послужного списка содержались мнения командиров об офицере. В кадетских корпусах формулярные списки всех офицеров заверялись директором. Требования, предъявляемые к оформлению послужных списков, были чрезвычайно высоки. Этот документ был не только служебным, но и определял положение офицера и его семьи в обществе (право на дворянство, поступление в казенное учебное заведение и т. д.). В связи с этим за подделки в послужном списке можно было не только лишиться службы, но и понести более суровое наказание. Формулярные списки обычно представлялись один раз в год,

а начиная с 1849 г. – раз в 5 лет (ежегодно – сокращенный вариант). В случае перевода или отставки послужные списки представлялись в обязательном порядке.

При переводе офицера, назначении на новую должность или увольнении в отпуск руководство учебного заведения готовило «Краткую записку о службе», в которой указывались основные сведения о служащем.

Помимо формулярных списков, руководство корпуса составляло аттестационные (о службе строевых офицеров) и кондуитные (о службе строевых и не строевых офицеров) списки[19]. Так, в кондуитном списке содержались сведения о прохождении службы, участии в военных действиях, поведении на службе, умственных и хозяйственных способностях, знании иностранных языков. В данном документе указывалось также, служил ли офицер в иностранной армии и не склонен ли он к пьянству и азартным играм. Эти списки представлялись ежегодно к 1 июля и использовались для аттестации офицеров.

Кроме того, директор составлял общий список всех служащих корпуса – т. н. «Список генералам, штаб- и обер-офицерам, медицинским чиновникам, учителям, лицам духовного звания и чиновникам гражданским, состоящим на службе при … кадетском корпусе»[20]. В этом документе содержались сведения о должностном положении, звании и знаках отличия служащих. Все документы кадетских корпусов представлялись в штаб военных учебных заведений.

При увольнении в отставку офицеру выдавался указ об отставке. Он содержал изложение данных послужного списка, считался видом на жительство и выполнял функции паспорта. Этот документ выдавался с последнего места службы.

Представленные документы дают возможность проследить общую эволюцию политики правительства в области военного образования, внутренние изменения, которые происходили в военных учебных заведениях, изучить организацию учебного и воспитательного процесса.

Вторую группу источников составляют статистические и социологические материалы. Они содержатся в ряде юбилейных изданий, справочниках и периодических отчетах[21]. Особо необходимо отметить «Краткий отчет о положении и ходе военно-учебных заведений»[22], изданный в 1850 г. В нем собраны сведения о состоянии всех военных учебных заведений за 25 лет царствования Николая I.

Большую ценность представляют работы, содержащие списки офицеров. Как правило, это исторические очерки учебных заведений, которые издавались к различным юбилеям и содержали сведения о воспитанниках и преподавателях[23].

К числу статистических материалов можно отнести и сведения, содержащиеся в «Адрес-календарях»[24]. В этих справочниках приводятся данные не только по структуре ведомства военных учебных заведений, но также сведения о персональном составе служащих всех кадетских корпусов. Данные адрес-календарей позволяют проследить динамику движения служащих в кадетских корпусах.

Важнейшим источником являются мемуары и записки. Большинство из них принадлежит бывшим кадетам или служащим военных учебных заведений. Наибольший интерес представляют мемуары О. Еленского, Д. Кайгородова, Ю. Ягмина и некоторых других[25]. В этих воспоминаниях описан быт, порядки, существовавшие в кадетских корпусах, взаимоотношения между служащими и воспитанниками военных учебных заведений. В мемуарах также прослеживается отношение авторов к происходившим в обществе изменениям.

Особую ценность представляют официальные документы и дневниковые записи виленского генерал-губернатора (1840–1850), члена Совета, инспектора военных учебных заведений (1850–1863) Ф.Я. Мирковича, подготовленные к печати в 1889 г. его родственниками[26]. В этом издании собраны отчеты об управлении краем, аналитические записки генерал-губернатора, в которых прослеживается политика царизма в Беларуси в области образования. Кроме того, в нем содержатся документы и воспоминания о создании Александровского Брестского кадетского корпуса.

Изученные документы позволяют провести достаточно полную реконструкцию исторических событий, связанных с деятельностью Александровского Брестского корпуса.

Раздел 1

УПРАВЛЕНИЕ ВОЕННЫМ ОБРАЗОВАНИЕМ

Развитие образования на территории Беларуси во второй четверти XIX в. проходило в сложных условиях. После восстания декабристов (1825) и восстания 1830–1831 гг. в Польше, Литве и Беларуси система просвещения была реорганизована. С принятием в 1828 г. «Устава гимназий и училищ уездных и приходских» в России был закреплен сословный принцип образования. В 1832 г. на территории Беларуси была закончена реформа гражданского образования. Ее сущность была изложена в двух записках могилевского губернатора М.Н. Муравьева. В первой, датированной 22 декабря 1830 г., Муравьев указывал на необходимость отстранения католического духовенства от участия в образовании. Он предлагал немедленно закрыть духовные училища при монастырях[1]. В записке от 29 августа 1831 г. могилевский губернатор настаивал на немедленном закрытии Виленского университета. Он, в частности, писал: «Необходимо решительно уничтожить гнездилище литовского вольнодумства распассированием Виленского университета по разным училищам во внутрь Империи, преобразовав постепенно всю учебную часть на основании российских заведений и отняв у духовенства право заниматься образованием юношества»[2].

Муравьев Михаил Николаевич *(1796–1866) – генерал от инфантерии (1863), граф (1865), почетный член Петербургской АН (1857). В 1857–1861 гг. министр государственных имуществ. В 1863–1865 гг. виленский, ковенский, гродненский, минский генерал-губернатор, главный начальник Витебской и Могилевской губерний и командующий войсками Виленского военного округа.*

В скором времени предложения М.Н. Муравьева были воплощены в жизнь. В 1832 г. Виленский университет закрыт. Остался медицинский факультет, который просуществовал под названием Виленской медико-хирургической академии до 1839 г. Был ликвидирован Виленский учебный округ. Монастырские учебные заведения изымались из подчинения католического духовенства, а вместо польского языка обучения стал вводиться русский[3].

После закрытия университета на территории Беларуси осталось только шесть средних учебных заведений: Минская, Гродненская, Свислочская, Могилевская, Жировическая и Слуцкая гимназии. Они были переданы во вновь образованный Белорусский учебный округ (1829–1850). Вместо ликвидированных Виленского университета и Волынского лицея царское правительство планировало открыть лицей в Орше. На эти цели было выделено 209,5 тыс. руб. серебром и 3,5 тыс. руб. ассигнациями. Однако в 1834 г. власти отказались от своей затеи, мотивируя тем, что потребности края смогут удовлетворить университет св. Владимира в Киеве, который открыт в 1834 г., а также кадетские корпуса[4]. Для подготовки педагогических кадров в 1834 г. была открыта Витебская учительская семинария.

Российский император ***Николай I*** *(1825–1855)*

Таким образом, одним из приоритетных направлений в развитии образования на белорусских землях явилось создание военных учебных заведений закрытого типа – кадетских корпусов.

Вступление на российский престол Николая I существенно повлияло на дальнейшее развитие системы образования. После восстания декабристов император решил поставить учебный процесс под свой личный

контроль. Он подчеркивал, что организация воспитания юношества является важнейшим государственным делом. Поэтому в начале 1826 г., приняв военные учебные заведения под свое личное покровительство, Николай I пожелал, чтобы они были обновлены по всем частям устройства и связаны в одну отдельную отрасль государственного управления[5].

11 мая 1826 г. император подписал указ об образовании особого комитета, состоящего из директоров столичных военных учебных заведений. Председателем комитета был назначен инженер-генерал К.И. Опперман[6]. Данный комитет, действуя одновременно со специальным комитетом министра народного просвещения А.С. Шишкова, должен был унифицировать и поставить под государственный контроль всю систему образования в России[7].

Опперман Карл Иванович *(1766–1831) – граф (1829), инженер-генерал (1823). В 1783 г. перешел из гессендармштадской службы в российскую; зачислен в инженерный корпус. В 1805 г. генерал-квартирмейстер русских, английских и неаполитанских войск, действовавших в Италии против французов. В 1807 г. направлен в Кронштадт. В 1810 г. заложил крепость Бобруйск, в 1812 г. занимался вооружением крепостей от Риги до Киева, в 1813 г. был начальником штаба армии Л.Л. Беннигсена, участвовал в битве под Лейпцигом. С 1818 г. помощник великого князя Николая Павловича по управлению инженерной частью. Один из инициаторов создания Главного инженерного училища. При Николае I был членом комитета для организации строительной части и председателем комитета для улучшения воспитательной части в кадетских корпусах; управлял Морским строительным департаментом и Артиллерийским училищем.*

1 февраля 1830 г. по предложению комитета Оппермана было утверждено «Положение о губернских кадетских корпусах». Предполагалось в шести городах империи (Новгород, Тула, Тамбов, Полоцк,

Полтава и Елисаветград) открыть кадетские корпуса по 400 воспитанников в каждом. Право на определение своих детей в данные учебные заведения получили дворяне тех губерний, на деньги которых учреждались и должны были содержаться кадетские корпуса[8].

К началу 1830 г. общая сумма пожертвований от дворянства 27 губерний империи превысила 2,5 млн руб. ассигнациями. Кроме того, для нужд кадетских корпусов передавалось около 180 тыс. руб. ассигнациями, которые раньше шли на содержание подпрапорщиков в пяти пехотных корпусах[9].

Обязанности по непосредственному учреждению и управлению кадетскими корпусами были возложены на существовавший с 1805 г. «Совет о военных училищах» во главе с цесаревичем Константином Павловичем. 6 апреля 1830 г. он был переименован в «Совет о военно-учебных заведениях». Данный Совет, наделенный правом контрольных функций, возглавил генерал П.А. Толстой.

Толстой Петр Александрович *(1761 – 28.9.1844) – военный и государственный деятель, дипломат. Граф, генерал от инфантерии (1814). Участник русско-турецкой войны 1787–1791 гг. В 1803–1805 гг. петербургский военный губернатор. В 1805–1807 гг. командовал отрядом русских войск, был личным представителем Александра I в ставке Фридриха Вильгельма III, а затем в штабе главнокомандующего русской армией Л.Л. Беннигсена. Выступал против российско-французского сближения, но был назначен послом во Францию (10.1807 – 09.1808). Во время войны 1812 г. – главнокомандующий резервными войсками в волжских губерниях. В 1813 г. командовал корпусом, который участвовал в осаде Дрездена. С 1823 г. член Государственного совета. В 1825 г. член Верховного суда над декабристами. В 1828–1829 гг. главнокомандующий в Петербурге и Кронштадте. В апреле 1831 г. назначен главнокомандующим 3-й резервной армией, участвовал в подавлении восстания на территории Беларуси. В 1830–1844 гг. председатель Совета о военных учебных заведениях.*

Совет обязан был «охранять благосостояние и благоустройство» военных учебных заведений, а также следить за точным исполнением существующих уставов, положений и высочайших повелений. Кроме того, он должен был собирать все необходимые сведения о военных учебных заведениях, проводить осмотры столичных и губернских кадетских корпусов, следить за сдачей экзаменов в подведомственных ему учебных заведениях. С момента учреждения «Совета о военно-учебных заведениях» все изменения в программах и методике преподавания предметов должны были согласовываться. После одобрения Советом окончательное утверждение изменений производилось высочайшим повелением.

Совет контролировал и хозяйственные вопросы. Он рассматривал годовые сметы заведений, распределял ассигнованные по сметам суммы, следил за правильным их использованием. В конце каждого года Совет собирал полные данные о деятельности подведомственных заведений, проверял их и составлял общий отчет по всем военным учебным заведениям. Свои властные полномочия Совет осуществлял через главного директора Пажеского корпуса, всех сухопутных кадетских корпусов и Дворянского полка, а также через Штаб главного начальника. Для выполнения технической работы при Совете действовала канцелярия.

В апреле 1830 г. Николай I утвердил разработанные комитетом Оппермана «Общее положение» и «Устав для военно-учебных заведений 2-го класса». Согласно Положению все военные учебные заведения были разделены на три класса. К первому относились губернские кадетские корпуса, Дворянский полк и Александровский кадетский корпус для малолетних; ко второму – столичные – Пажеский корпус, 1-й, 2-й, Павловский и Московский кадетские корпуса, Школа гвардейских подпрапорщиков и юнкеров; к третьему – Артиллерийское и Инженерное училища, а также Морской кадетский корпус.

Новое законоположение о военных учебных заведениях определяло, что кадетские корпуса «учреждены с тою целью, чтобы юному российскому дворянству дать приличное званию сему воспитание в том направлении, как ему быть должно, дабы, укоренив в воспитанниках правила благочестия и чистой нравственности и обучив их всему, что в предопределенном для них военном звании знать необходимо нужно, соделать их способными с пользою и честью служить

Государю и благосостояние всей жизни их основать на непоколебимой приверженности Престолу»[10].

В Уставе содержалась подробная регламентация процесса воспитания и обучения в кадетских корпусах. В его основу были положены господствовавшие в Европе идеи И.Г. Песталоцци (1746–1827). Согласно его работам важнейшая задача обучения заключалась в гармоническом развитии физических и духовных сил юношества. На это и должен быть направлен учебный процесс.

Изданный в 1830 г. Устав стал основанием всего дальнейшего законодательства о военных учебных заведениях. Он представлял собой первую попытку систематизации руководящих указаний по устройству учебно-воспитательных интернатов.

В 30-е годы XIX в. окончательно сформировались органы центрального управления. Во главе военных учебных заведений стоял главный начальник Пажеского, всех сухопутных кадетских корпусов и Дворянского полка, назначаемый императором. После смерти цесаревича Константина Павловича (15 июня 1831 г.) ведомство военных учебных заведений возглавил великий князь Михаил Павлович (1831–1849). При главном начальнике находились назначаемые императором генералы, штаб-офицеры и классные чиновники для особых поручений, а также адъютанты. В подчинении главного начальника находился «Совет о военно-учебных заведениях». В 1832 г. был учрежден «Штаб управления главного начальника Пажеского, всех сухопутных кадетских корпусов и Дворянского полка», где сосредоточивались все дела по управлению военными учебными заведениями[11]. Начальником штаба был назначен генерал-лейтенант А.И. Кривцов (с 7 апреля 1835 г. – полковник Я.И. Ростовцев).

Личный надзор за военными учебными заведениями, подведомственными главному начальнику, осуществлял назначаемый императором главный директор. Он должен был следить за исполнением в военных учебных заведениях распоряжений высшего начальства, но без права издания письменных предписаний.

В 40-х гг. XIX в. органы центрального управления военными учебными заведениями претерпели некоторые изменения. Они были вызваны ростом числа учебных заведений, увеличением объема выполняемых работ и реорганизацией министерств и ведомств. 25 марта l843 г. было утверждено новое положение, согласно которому вводилась должность главного начальника с правами министров

Михаил Павлович (Романов) *(28.1.1798 – 28.8.1849) – великий князь, четвертый сын императора Павла I и его второй супруги Марии Федоровны. С 1814 г. находился в действующей армии. В 1817–1819 гг. по предложению императрицы Марии Федоровны совершил путешествие по России и Западной Европе. С воцарением Николая I стал его политическим соратником. С 1831 г. главный начальник военных учебных заведений. При нем было основано 14 кадетских корпусов. Под его наблюдением были построены и модернизированы существующие крепости на российской границе. Смерть двух старших дочерей в 1845 и 1846 гг. вызвали у великого князя сильное душевное потрясение. В 1849 г. он отправился в Варшаву на военные сборы, а 11 августа во время учений потерял сознание. Начавшийся инсульт быстро прогрессировал. 28 августа он скончался.*

и главноуправляющего. В обязанности главного начальника входило общее руководство военными учебными заведениями, подбор, расстановка и подготовка кадров, инспектирование и контроль за ходом выполнения принятых постановлений.

В непосредственном подчинении главного начальника находился «Совет о военно-учебных заведениях», которому были предоставлены распорядительная власть и права в хозяйственной области. По вопросам, связанным с учебным процессом, Совет выполнял наблюдательную функцию с правом совещательного голоса. С этого времени в состав Совета входили лица двух категорий – члены Совета и инспекторы военных учебных заведений, которые принадлежали исключительно к ведомству военных учебных заведений и назначались императорскими приказами. Члены Совета из лиц, занимающих государственные посты, назначались императором и не выполняли инспекторских функций. Всем членам Совета и инспекторам военных учебных заведений предоставлялось право посещать в любое время подведомственные учебные заведения. Они должны были

присутствовать на занятиях и экзаменах, производить осмотры помещений и осуществлять ревизию документации. По итогам инспекции члены Совета и инспекторы составляли подробный отчет и лично докладывали главному начальнику о состоянии учебных заведений.

Все дела по управлению военными учебными заведениями сосредоточивались в соответствующем штабе. На него же возлагались и обязанности по подготовке дел к заседаниям «Совета о военно-учебных заведениях». Начальник штаба следил за своевременным доведением до учебных заведений принимаемых решений и за точным их исполнением, осуществлял личный контроль за постановкой учебно-воспитательного процесса в кадетских корпусах и предлагал меры по его совершенствованию, а также отвечал за делопроизводство в штабе.

Орлов Алексей Федорович *(8.10.1786 – 9.5.1861) – военный и государственный деятель, дипломат. Генерал от кавалерии, князь. В 1801 г. поступил на службу в Коллегию иностранных дел. В 1804 г. перешел юнкером в л.-гв. Гусарский полк. Участник войн с Францией и заграничных походов 1813–1814 гг. Возглавлял российские делегации при заключении мирных договоров: Адрианопольского (1829), Ункяр-Искелесийского (1833), Парижского (1856). Член Государственного совета (1836). В 1831 г. подавлял холерные бунты в Петербурге и восстания в военных поселениях. С 1839 г. попечитель цесаревича Александра Николаевича. В 1844–1856 гг. командующий Императорской Главной квартирой, шеф жандармов и начальник III отделения Собственной е.и.в. канцелярии, председатель Совета о военных учебных заведениях. В 1856–1861 гг. председатель Государственного совета. Председатель Негласного (1856) и Главного (1858) комитетов по крестьянскому делу.*

Установленная в 1843 г. структура центрального управления военными учебными заведениями впоследствии практически не изменялась и просуществовала до середины XIX в. В это время ведомство военных учебных заведений возглавляли великий князь Михаил Павлович (1831–1849 гг.; его заменяли принц П.Г. Ольденбургский в 1835 и 1837 гг. и генерал К.Ф. Клингенберг в 1836, 1843, 1846 и 1849 гг.) и наследник престола Александр Николаевич (1849–1860).

Председателями Совета о военных учебных заведениях являлись П.А. Толстой (до 1844 г.) и генерал-адъютант граф А.Ф. Орлов (1844–1856). Должность главного директора исполняли генералы Н.И. Демидов (1826–1833), И.О. Сухозанет (1833–1835) и К.Ф. Клингенберг (1835–1849)[12].

В 30–40-х гг. XIX в. существенно расширилась сеть военных учебных заведений. С 1828 г. Московский кадетский корпус состоял из 4 строевых и 1 нестроевой рот по 110 человек для детей 10–12 лет, а также малолетнего отделения для детей до 10 лет численностью 100 человек.

Обер-офицер и кадет
Павловского кадетского корпуса, 1829–1833 гг.

В 1829 г. Императорский военно-сиротский дом был преобразован в Павловский кадетский корпус. Этот корпус состоял из 5 рот численностью по 100 человек каждая.

Несколько большей была численность кадетов в 1-м и 2-м кадетских корпусах: 5 рот по 120 человек.

В 1830 г. был открыт Александровский корпус для малолетних сирот в Царском Селе с целью подготовки их к поступлению в кадетские корпуса. С 1832 г. штат Александровского корпуса составлял 400 учеников в возрасте 7–10 лет. Они были разделены на

***Кадеты** 1-го и 2-го кадетских корпусов и **воспитанник** Дворянского полка, 1826–1828 гг.*

4 роты, в т. ч. одна морская, с пятилетним сроком обучения. В 1836 г. срок уменьшили до 3 лет. В том же году в кадетские корпуса были преобразованы Тульское и Тамбовское военные училища. В 1840-е годы с открытием кадетских корпусов в Орле и Воронеже училища были преобразованы в малолетние роты этих корпусов. Новое положение о Финляндском кадетском корпусе определило его штат в 90 учеников. Туда принимались по экзамену дети 12–17 лет, а курс обучения был рассчитан на 6 лет. В 1845 г. штат увеличен до 105 казеннокоштных и 15 своекоштных, а курс обучения продлен до 7 лет[13].

Согласно «Положению о губернских кадетских корпусах» от 1 февраля 1830 г. для дворянства Витебской, Могилевской, Смоленской, Минской, Виленской и Гродненской губерний, а также Белостокской области предполагалось учредить кадетский корпус в Полоцке. Помимо стипендиатов приписанных губерний, право на поступление в корпус получали дети генералов, штаб- и обер-офицеров

***Кадеты** Александровского малолетнего кадетского корпуса, 1832–1846 гг.*

Кадеты
Оренбургского Неплюевского кадетского корпуса, 1844–1855 гг.

военного поселения Могилевской и Витебской губерний[14].

Для создания кадетского корпуса дворянством приписанных губерний было пожертвовано более 154818 руб. ассигнациями. Виленская губерния и Белостокская область к моменту открытия корпуса были исключены из числа приписанных губерний в связи с тем, что от них не поступили финансы. При этом каждая губерния получила право присылать в корпус столько кандидатов, сколько получалось на проценты с пожертвованной суммы, из расчета 644,56 руб. ассигнациями на одного воспитанника.

В 1832 г. было учреждено Уральское войсковое училище с программой гражданских уездных училищ для обучения сыновей офицеров Уральского казачьего войска. Еще в 1826 г. в Омске открылось такое же училище Сибирского линейного казачьего войска. Оренбургское Неплюевское военное училище с 1834 г. в строевом отношении составляло роту, разделенную на два отделения (европейское и азиатское) с 6-летним курсом обучения. Выпускники его были обязаны служить в войсках не менее 6 лет, причем дворяне могли производиться в офицеры сразу при выпуске. В 1844 г. училище было преобразовано в Оренбургский Неплюевский кадетский корпус.

В 1834 г. все кадетские корпуса, как уже существовавшие, так и вновь учреждаемые, были разделены на три (с 1836 г. – на четыре) разряда. В 1841 г. разряды были ликвидированы, а вместо них вводились военно-учебные округа: Петербургский (в него входили 1-й, 2-й, Павловский, Финляндский, Новгородский графа Аракчеева и Александровский кадетские корпуса, Пажеский корпус и Дворянский полк); Московский (1-й и 2-й Московские, Орловский Бахтина, Тульский, Михайловский Воронежский, Тамбовский и Оренбургский

Неплюевский кадетские корпуса) и Западный. К Западному округу были причислены: Полоцкий, Петровский Полтавский, Александровский Брестский и Владимирский Киевский кадетские корпуса.

В 30–40-е годы на пожертвования дворянских губернских обществ и частных лиц (графа Аракчеева, полковника Бахтина и других) был открыт целый ряд новых кадетских корпусов. В 1834 г. был сформирован Новгородский графа Аракчеева кадетский корпус из 4 рот по 100 человек в каждой и позже еще пять корпусов с таким же штатом: в 1835 г. – Полоцкий, 1840 г. – Петровский Полтавский, 1842 г. – Александровский Брестский, 1843 г. – Орловский Бахтина и в 1845 г. – Михайловский Воронежский. В 1849 г. открылся 2-й Московский кадетский корпус (4 роты), а вслед за этим имевшийся в Москве Александринский Сиротский институт был преобразован в Александринский Сиротский кадетский корпус на 400 офицерских детей-сирот. Наконец, 1 января 1852 г. был сформирован Неранжированный Владимирский Киевский корпус (из 2 рот по 100 человек) для малолетних воспитанников. Кроме того, в 1831 г. в ведение главного начальника был передан и Царскосельский лицей[15].

Кадет
Новгородского графа Аракчеева кадетского корпуса. 31 марта 1855 г. (в парадной форме)

Согласно существовавшим правилам приема, в каждом кадетском корпусе велся список кандидатов, устанавливающий очередность приема. Кандидаты от белорусских губерний первоначально были внесены в общие списки уже существовавших учебных заведений. Предельным возрастом для кандидатов считалось 14 лет. Это приводило к тому, что

многие кандидаты годами ждали своей очереди и поступали уже переростками. Поэтому в одном классе рядом с 10-летними мальчиками зачастую можно было увидеть 14–15-летних юношей. Это обстоятельство в дальнейшем отрицательно сказывалось на учебном и воспитательном процессе: создавались трудности в изучении программы, комплектовании рот, проведении военных и физических занятий. В 1828 г. предельный возраст для кандидатов был понижен до 12 лет. Кандидаты, не поступившие до указанного возраста в военные учебные заведения, исключались из общих списков.

После принятия «Общего положения» и «Устава для военно-учебных заведений 2-го класса» (1830) условия приема в кадетские корпуса были значительно ужесточены. Так, в 1833 г. Николай I запретил зачислять в кандидатские списки детей не дворянского происхождения[16].

Первым из кадетских корпусов, образованных при Николае I на территории Беларуси, стал Полоцкий корпус, открытый 25 июня 1835 г. Он предназначался для широкого круга лиц и должен был воспитывать преданных российскому самодержавию офицеров. Об этом недвусмысленно говорил во время празднования 50-летия учебного заведения действительный статский советник Петров: «Прошу всех иметь в виду, что Полоцкий кадетский корпус волею императора Николая Павловича учрежден для проведения в Западном крае идеи русского просвещения, русского патриотизма и русского дела. Западный край историческими обстоятельствами был оторван от России, и в нем едва не был забыт русский язык, и едва не было уничтожено древнее православие. Но мы, получившие образование в Полоцком корпусе, ... должны всеми силами стремиться поднять в крае русское дело и заботиться об окончательном воссоединении этого искони русского края с православною Россиею»[17].

Помимо общих правил, для дворянства белорусских губерний были установлены и некоторые ограничения: в Полоцкий корпус не принимали тех дворянских детей, родители которых участвовали в восстании 1830–1831 гг. Таких дворян определяли в учебные заведения, расположенные внутри России[18].

Для дворян Царства Польского, желающих обучать своих детей в российских кадетских корпусах, была установлена определенная квота. В каждом кадетском корпусе для них было предусмотрено ежегодно по четыре вакансии. Остальные желающие зачислялись

в общий кандидатский список. Кандидаты, превысившие предельный возраст для поступления в кадетские корпуса, отправлялись в Дворянский полк без ограничений. При этом плата за обучение отчислялась из сумм доходов Царства Польского.

В 1834 г. были уточнены правила приема в губернские кадетские корпуса. Право определения дворянских детей к поступлению в кадетские корпуса было предоставлено губернским предводителям дворянства. В первую очередь принимались дети офицеров, чиновников, учителей и служащих данных корпусов[19]; генералов, штаб- и обер-офицеров военных поселений, приписанных к кадетским корпусам; чиновников комиссариатского и провиантского ведомств, состоящих при частях военных поселений; гражданских чиновников, находящихся на действительной службе. В последнюю очередь вакансии в губернских кадетских корпусах замещались дворянами, состоящими в общих списках столичных и губернских кадетских корпусов. При этом преимущество получали дети-сироты генералов, штаб- и обер-офицеров, дети офицеров, причисленных к Александровскому комитету о раненых, а также дети заслуженных военных и гражданских чиновников, даже если они и не были уроженцами ни одной из приписанных к корпусу губерний.

Учеба в кадетском корпусе в первой половине XIX в. считалась престижной в дворянских кругах. Вот что писал по этому поводу директор Пажеского корпуса генерал Г.Д. Щербачев: «Все молодые дворяне 40-х годов стремились служить в военной службе, как потому, что служба эта доставляла некоторый почет в обществе, так и потому, что служебную карьеру можно было составить себе почти исключительно служа в войсках. Все высшие государственные должности министров, сенаторов, губернаторов давались военным, которые были более на виду у Государя, чем чиновники гражданского ведомства»[20]. Поэтому, несмотря на учреждение новых кадетских корпусов, число кандидатов не уменьшалось. Общее же количество кандидатов к 1845 г. составляло около 7 тыс. человек[21].

В 1845 г. все кандидатские списки были упразднены. Прием стал вестись по 26 разрядам. В первую очередь в кадетские корпуса зачислялись юноши из числа сдавших вступительные экзамены – сыновья генералов и офицеров, погибших на войне, а также гражданских лиц, имеющих высшие классные чины. Возраст кандидатов колебался от 9,5 до 11,5 лет[22].

Раздел 2

ПОДГОТОВКА К ОТКРЫТИЮ БРЕСТСКОГО КАДЕТСКОГО КОРПУСА

Первоначально Брест-Литовск не входил в число городов, где предполагалось учредить военное учебное заведение. Вопрос об открытии еще одного кадетского корпуса встал в конце 1830-х годов. Несмотря на сделанные пожертвования в пользу Полоцкого кадетского корпуса, дворянство западных белорусских губерний, а также Белостокской области настойчиво ходатайствовало об учреждении «своего» кадетского корпуса. Оно стремилось расширить возможности для образования и просвещения дворянских детей. Была и другая цель: избавить своих старших сыновей от обременительной повинности – воинской.

Согласно действовавшему законодательству, «дворяне Царства Польского, поступившие в военную службу по очередной обязанности, должны непременно прослужить в войсках 10 лет». Однако было установлено, что «по прибытии в войска они опрашиваются, могут ли выдержать экзамен по программе, установленной для экзамена в науках при приеме в военную службу недорослей из дворян. Те из них, которые объявят, что могут выдержать экзамен, немедленно отправляются в дивизионные штабы и, по выдержании ими удовлетворительного экзамена, зачисляются унтер-офицерами со дня поступления на службу в полки и команды». Разумеется, что такие дворяне дослуживали свой 10-летний срок уже в офицерском звании. Однако, чтобы выдержать установленный экзамен, необходимо было иметь среднее образование, дать которое не все родители могли своим детям[1].

Вот как вспоминал о преимуществах учебы в Брестском кадетском корпусе уроженец Минской губернии О. Еленский: «Ближайшая причина, побудившая родителей моих избрать для меня военную карьеру, заключалась в желании избавить меня от необходимости служить простым рядовым, т. к. по закону,… который император Николай I считал к тому же привилегией, оставленной полякам, старшие сыновья польских дворян, а я был таковым, обязаны были служить в военной службе, начиная с рядового, с правом, впрочем, выслуги, что при тогдашних строгих военных порядках было крайне тяжело»[2].

Идею создания кадетского корпуса в западных белорусских губерниях поддержал назначенный в 1840 г. виленский военный губернатор и руководитель гражданской части, гродненский, минский и белостокский генерал-губернатор, генерал-лейтенант Ф.Я. Миркович. До этого своего назначения Ф.Я. Миркович являлся директором 2-го кадетского корпуса в Петербурге. Ознакомившись с положением дел в учебных заведениях края, генерал-губернатор высказал ряд принципиальных предложений, касавшихся образования. Он считал, что после раскрытия ряда тайных обществ, восстания 1830–1831 гг. правительство должно было «взять в свои руки дело воспитания и оным решительно управлять». В этом Миркович солидаризировался с бывшим могилевским губернатором М.Н. Муравьевым. «Министерство народного просвещения сделало величайшие усилия для здешнего края, обставило свои заведения отличными людьми, ввело русский язык основательно, – говорил Ф.Я. Миркович императору, – но далее ничего не может сделать в нравственном отношении: ибо то, что юношеству внушается в классах, уничтожается в родительских домах, и мы остаемся на той же точке». Поэтому генерал-губернатор настаивал на создании в подведомственном ему крае закрытых учебных заведений, от которых «только должно ожидать образования нового поколения людей»[3].

Ф.Я. Миркович

Император поддерживал идею создания еще одного кадетского корпуса на территории Беларуси. Он уже не раз убеждался в том, что учебные заведения закрытого типа отличаются от других дисциплиной и порядком, а обучение в них ведется в соответствии с его требованиями. Примером служил Полоцкий кадетский корпус. Во время инспекторской проверки в 1840 г. Николай I нашел этот корпус

в прекрасном состоянии и остался очень доволен качеством подготовки воспитанников. Но реализация проекта Мирковича по созданию кадетского корпуса в западных белорусских губерниях требовала финансовых средств. Однако уже в 1840 г. вопрос об учреждении военного учебного заведения был решен принципиально. Правда, происходило это в несколько забавной форме.

В августе 1840 г. Николай I направлялся в Варшаву. Проездом он остановился в Бресте, чтобы ознакомиться со строительными работами в крепости. В то время Брест-Литовск был небольшим приграничным городком, населенным преимущественно евреями. Общее количество жителей не превышало 18 тыс. человек. Он вырос на месте одного из древнейших славянских поселений, основанном у слияния двух рек – Западного Буга и Муховца. В конце XVIII в. Брест-Литовск после третьего раздела Речи Посполитой отошел к Российской империи. В городе было две православные церкви, одна синагога и несколько зданий закрытых католических и униатских монастырей. Город насчитывал 250 лавок и 7 винных погребов. По воскресеньям, средам и пятницам в Брест-Литовске проходили торги, а дважды в год – ярмарки. Но несмотря на это, «торговля города по бедности жителей» была незначительна и заключалась в «обыкновенной продаже контрабандных товаров, купленных на аукционах в Брестской таможне»[4].

***Крепость Брест-Литовск**. М. Залесский, 1840 г.*

Начиная с 20-х годов XIX в., началась реконструкция города. Проводилось выравнивание улиц, определялись новые места для рынков, а монументальные постройки старинных костелов и церквей приспосабливались к потребностям российской армии. Существовавшая напряженность, не прекращавшееся политическое противостояние, война 1812 г. и, наконец, восстание 1830–1831 гг. навели Николая I на мысль о приспособлении Брест-Литовска под мощную крепость. Именно с этого времени началась работа по обмерам монументальных строений города[5]. Крепость было решено разместить на четырех островах, которые были образованы реками Западный Буг и Муховец, а также их рукавами и системой каналов. Ее строительство осуществлялось по утвержденному в 1830 г. проекту генералов Малецкого, Оппермана и полковника Фельдмана. В 1832 г. по поручению Николая I надзор за строительством был возложен на генерал-фельдмаршала И.Ф. Паскевича.

Паскевич Иван Федорович *(18.5.1782 – 20.1.1856) – военный и государственный деятель, граф Эриванский (1828), светлейший князь Варшавский (1831), генерал-фельдмаршал (1829), генерал-адъютант (1825). Участник русско-турецкой войны 1806–1812 гг., войны 1812 г. и заграничных походов 1813–1814 гг. Начальник 1-й гвардейской дивизии, бригадами в которой командовали великие князья Николай и Михаил Павловичи. В 1827–1830 гг. командир отдельного Кавказского корпуса и главноуправляющий в Грузии во время русско-персидской и русско-турецкой войн, с 1831 г. наместник Царства Польского. Руководил подавлением восстания 1830–1831 гг. в Польше, Литве и Беларуси и Венгерской революции 1848–1849 гг. Во время Крымской войны 1853–1856 гг. главнокомандующий войсками на западных границах и на Дунае. Владелец Гомеля.*

В июне 1833 г. на территории островов были начаты массовые земляные работы. В связи с этим городская черта была перенесена на три километра на восток. Через три года земляные работы в основном были закончены и 1 июня 1836 г. состоялась торжественная закладка первого камня.

По плану крепость состояла из четырех укреплений: Центрального (Цитадели), Волынского (Южного), Тереспольского (Западного) и Кобринского (Северного). По наружной линии крепости проходил земляной вал высотой до 10 метров с каменными казематами внутри и заполненным водой рвом перед ним. Длина главной крепостной линии составляла 6,4 км. С прилегающей к крепости территорией предмостные укрепления соединялись через Александровские (Северные), Северо-Западные, Михайловские (Восточные), Николаевские (Южные) ворота и Варшавский проезд. Цитадель была расположена на острове на месте древнего торгово-ремесленного центра города. По периметру она была окружена замкнутой пятиугольной оборонительной двухэтажной казармой с 500 казематами, в которых могло разместиться 12 тыс. солдат с необходимым для боевых действий оснащением и запасом продовольствия. Длина этой казармы составляла 1,8 км, а ее наружные стены, достигавшие двух метров толщины, имели бойницы и амбразуры для стрельбы из ружей и пушек.

На территории Цитадели в здании бывшего иезуитского монастыря разместились канцелярия коменданта крепости, а в здании базилианского монастыря, известного впоследствии под названием Белый дворец, было открыто офицерское казино.

Тереспольское укрепление было построено на левом берегу Западного Буга и имело четыре земляные люнета, соединенные рвом. С Цитаделью данное укрепление соединялось через Тереспольские ворота и с помощью канатного моста через Западный Буг (самого большого в то время в России). Над въездным проемом Тереспольских ворот было расположено четыре яруса узких окон-бойниц.

Кобринское укрепление было создано на месте бывшего Кобринского предместья. Оно состояло из четырех бастионных фортов с тремя равелинами. С Цитаделью оно соединялось Брестскими и Белостокскими (Бригитскими) воротами и с помощью мостов через реку Муховец.

План Брестской крепости

Волынское укрепление было построено на месте Брестского замка и состояло из двух бастионных фортов с двумя равелинами. Соединялось оно с Цитаделью Холмскими воротами и подъемным мостом через Муховец. Здесь же располагался бывший бернардинский монастырь, который было решено переоборудовать под госпиталь, а потом – под кадетский корпус[6].

Бернардинский монастырь имел древнюю историю. Он был основан в 1605 г. бискупом луцким М. Шишковским в Волынском предместье Бреста при впадении Муховца в Западный Буг. Первоначально монастырь и костел были деревянными и только каплица Св. Дороты – из камня. После пожара в 1617 г. монастырь был отстроен на деньги воеводы мстиславского и старосты брестского И. Ходкевича. В последующие годы он постоянно перестраивался при финансовой помощи различных магнатов. Во время войны 1654–1667 гг. между Россией и Речью Посполитой монастырь был полностью разрушен. После войны он был восстановлен при помощи П. Сапеги, который завещал похоронить его в этом храме, короля

Речи Посполитой Яна Казимира и многих других шляхтичей. После включения Бреста в состав Российской империи при монастыре была открыта школа[7]. Первоначально здания монастыря предполагалось использовать под военный госпиталь. К началу 1840 г. соответствующие работы были завершены.

Николай I прибыл в Брест-Литовск вместе с наследником вечером 13 августа 1840 г. 14 августа император утром приехал в крепость, где его встречал виленский генерал-губернатор Ф.Я. Миркович. Николай Павлович вместе с фельдмаршалом И.Ф. Паскевичем проследовал во дворец, который вместе осмотрели. Затем высокий гость позвал начальника инженеров армии генерала И.И. Дена – строителя укреплений и инженерного полковника. Император долго расспрашивал о строительных работах, рассматривал планы крепостных сооружений. Затем Николай I отпустил князя и прошел в кабинет. Практически все лица свиты разошлись. Собирался было уже уходить и Миркович, как вдруг вернулся наследник и пригласил его к императору. Когда генерал-губернатор вошел в кабинет, император предложил Федору Яковлевичу чай, во время которого и состоялся исторически важный разговор.

– Ну, рассказывай, что у тебя делается? – спросил Николай Павлович.

– Слава Богу, Государь, все благополучно, – отвечал Миркович.

– Я уже объехал и осмотрел всю Минскую губернию и большую часть Гродненской и везде нашел все спокойно, в чем получил удостоверение губернаторов. Следственная комиссия с величайшим вниманием преследует свое дело, но до сего времени ни одно замечательное лицо не подверглось сомнению: кроме студентов и молодежи, никто тут не замечен, и кажется, что все это окончится школьническим замыслом. Дух этих лиц весьма нехорош, но следов заговора или тайного общества никаких не усматривается [речь шла о так называемом деле последователей Ш. Конарского – Авт.].

– Слава Богу!

– По моему мнению, Ваше Величество, нам заговоров страшиться нечего. Поляки слишком научены, к какому результату они ведут, и, при всей легкомысленности их, не легко будет их к тому подбить. Пропаганда ограничивается ныне распространением своих правил между молодежью, которую легче соблазнить и обмануть; но настоящие

замыслы поляков хитрее и опаснее: они решились, особенно женщины, питать в детях ненависть к нам и поддерживать мечты своей национальности. Я считаю, что теперь более чем когда-либо правительство должно взять в свои руки дело воспитания и оным решительно управлять. Открытые заведения не принесут плода. Здесь необходимы закрытые заведения, от которых только должно ожидать образования нового поколения людей.

– Я с тобою совершенно согласен; но где мне взять денег? Я этого не могу никак сделать, средства не позволяют. Пусть они дадут денег, я буду очень рад им кадетский корпус устроить.

– Я желал только знать мнение Вашего Величества. В согласии дворянства я почти уверен, ибо из разговоров с ними видел, что они от этого не откажутся, и ежели позволите мне действовать, я надеюсь с успехом исполнить Ваше намерение.

– Прошу тебя. Я уверен, что это принесет пользу. Я ныне видел Полоцкий корпус. Прекрасный!

– Вы изволили быть довольны, Государь? – с удовольствием поинтересовался генерал-губернатор.

– Весьма и весьма доволен. Да ведь и ты, кажется, там был. Как ты туда попал? – в свою очередь спросил Николай I.

– Я был в Дисне, в 30 верстах от Полоцка, и не утерпел, Государь, любопытство меня взяло посмотреть на это заведение. Я туда приехал неожиданно и нашел все в совершенном порядке.

– Да, действительно, корпус очень хорош[8].

Затем разговор пошел о ликвидации Литовского статута, об увеличении штата чиновников и т. д. В конце беседы император сказал: «Прощай, я долго не спал, мне немного надо отдохнуть. А кадетский корпус постарайся устроить».

На следующий день, 15 августа, император вышел в 8 часов и принял рапорт Мирковича. Затем он обратился к коменданту и сказал: «Вчера твой вечерний рапорт был наполнен ошибками и вздором и даже, вместо от 1-го батальона у тебя написано от 6-го эшелона; откуда ты это взял? Это доказывает, что ты подписываешь, не читавши». Потом вместе с фельдмаршалом И.Ф. Паскевичем Николай I пошел к экипажу для осмотра крепости.

«Сперва мы отправились в новый редюит, – вспоминал генерал-губернатор Миркович. – Государь изволил осматривать оный и часть зданий сам определил для хранения пороха. Обратившись в мою

сторону, Государь сказал: «Где мой военный губернатор? Тебе надо смотреть, чтобы комендант не ставил лишних часовых. Комендант здесь довольно бестолков. И чтобы он не смел прибавлять посты без сношения твоего с генералом Деном; а то у нас все так: где надо двоих поставить, там не пожалеют десятка». Николай Павлович похвалил постройку и оттуда пешком проследовал к главному валу. Внимательно осматривая работы, он останавливался несколько раз, чтобы проверить правильность линий, указывал на сильные и на слабые места крепости и хвалил чистоту и отделку земляных работ. Потом император обратил внимание на оборонительные казармы и изъявил свое удовольствие за все, что было сделано со времени последнего его пребывания в Бресте. Обратившись к генералу Дену, он сказал, что сожалеет о нехватке денег на строительство крепости в следующем году. Потом, вспомнив о разговоре с генерал-губернатором, он обратился к нему:

– Да, вот прекрасная мысль! Миркович, давай мне денег, а я тебе приготовлю здание для корпуса. Одним камнем сделаю два удара: на твои деньги я построю оборонительную казарму и в ней размещу корпус. Как ты думаешь, согласятся они?

– Не смею уверить, Государь; но буду стараться. Я полагаю, что желанием Литовских жителей было бы сохранить за Вильною значение главного центра образования в крае, так как несколько столетий Вильна этим славилась.

– Однако это было бы хорошо, – продолжал император.

Шефу жандармов графу А.Х. Бенкендорфу, шедшему поодаль, мысль императора не очень понравилась. По его мнению, это не соответствует ни характеру императора, ни его щедрости[9].

После этого Николай I проследовал по валу крепости, а затем отправился к оборонительной казарме, в одной из частей которой была расположена инвалидная рота. Вторая часть еще не была отделана. Император похвалил постройку. Он обратился к Мирковичу и сказал: «Ну, посмотри: разве тут не хорошо разместить корпус? Прекрасно, и всё готово». Затем Николай I прошел в расположенный в той же казарме комиссариат. Комиссариатом император остался чрезвычайно доволен. И не случайно. Управляющий комиссией Нейдгарт очень удачно разместил склады и канцелярию. Осмотрев арсенал, предназначенный на 20 тыс. человек, Николай I поблагодарил

фельдмаршала Паскевича. Император сказал: «Теперь, ежели понадобится войско, я дам приказание Мирковичу собрать бессрочных, и он мне выведет 20 тысяч готового войска вмиг».

Бенкендорф Александр Христофорович *(1781 или 1783–1844) – государственный деятель, генерал от кавалерии (1829), генерал-адъютант (1819), граф (1832). Окончил иезуитский пансион в Петербурге (1798). С 1798 г. офицер гвардии; флигель-адъютант Павла I. Участник войн с Францией в 1805, 1806–1807 и 1812 гг., заграничных походов русской армии 1813–1814 гг., русско-турецких войн 1806–1812 и 1828–1829 гг. С 1819 г. начальник штаба Гвардейского корпуса, с 1821 г. – начальник 1-й кирасирской дивизии. Участник подавления восстания декабристов. В январе 1826 г. подал императору Николаю I проект «Об устройстве внешней полиции», на основе которого созданы Корпус жандармов и III отделение. С 1826 г. сенатор, шеф Корпуса жандармов и главный начальник III отделения Собственной е.и.в. канцелярии, командующий Императорской Главной квартирой. С 1829 г. член Государственного совета. Почетный член Петербургской АН (1827).*

Из арсенала император проследовал в новый госпиталь, почти не занятый еще больными. Это здание настолько ему понравилось, что проходя по палатам, он сказал Мирковичу: «Любезный мой, вот наше дело! Уже лучше этого ничего нельзя желать для корпуса. Посмотри, что за залы! Я думаю, у тебя сердце радуется». Потом он обратился к фельдмаршалу: «Иван Федорович, знаешь ли? Ведь он успел слетать в Полоцк. Вот кадетская кровь! За то я уверен, – сказал император, повернувшись к Мирковичу, – что к 1-му мая 1841 г. у меня здесь будет сотня кадетиков. Не правда ли? Ты видишь, как у меня это уже воспламенилось; я чувствую, что это уже закипело. Посмотри, в этих

трех залах верно разместятся роты, и для четырех рот здесь будет достаточно места. И все принадлежности, все уже готово. Доверши мне это. Правда, что я буду считать по-аптекарски; но ты можешь хорошо мне заплатить за постройку казармы, куда я помещу больных». Миркович заверил императора, что он приложит все усилия, чтобы выполнить его пожелание. К 11 часам объезд крепости, во время которого был решен вопрос о судьбе Брестского корпуса, закончился. В 12 часов, после обеда, Николай I выехал из Бреста в Варшаву[10].

После принятия принципиального решения об учреждении кадетского корпуса вопрос об его открытии обсуждался на дворянских собраниях Минской (28 сентября), Виленской (10 октября) и Гродненской (25 октября) губерний[11]. Идея создания кадетского корпуса была поддержана. По этому поводу Миркович сообщал императору: «Дворянство трех вверенных мне губерний и области, по предложению моему, изъявило немедленно совершенную готовность принять на свой счет учреждение и содержание в Бресте кадетского корпуса…»[12]. Более того, дворянство Минской губернии готово было, в случае отказа дворянства Виленской, Гродненской губерний и Белостокской области, пожертвовать средства на учреждение в этой губернии отдельного закрытого заведения – «корпуса ли в небольшом объеме, или благородного как в Вильне пансиона»[13].

В декабре 1840 г. виленский генерал-губернатор Миркович сообщил гражданским губернаторам о том, что получено разрешение на проведение в Минской, Виленской, Гродненской губерниях и Белостокской области чрезвычайных собраний. Они должны были принять окончательное решение.

На состоявшихся в феврале 1841 г. чрезвычайных собраниях, единогласно высказавшихся за создание нового учебного заведения, было решено жертвовать на содержание воспитанников по 6 коп. серебром с каждой ревизской дворянской души. Данное решение было принято в связи с тем, что для дворянства Минской, Виленской, Гродненской губерний и Белостокской области предполагалось предоставить 300 вакансий. Содержание одного воспитанника в военном учебном заведении по штатам Полоцкого кадетского корпуса обходилось в 185,52 руб. серебром. Таким образом, общая сумма на содержание воспитанников составляла 55656 руб. серебром в год. Каждая из трех губерний и область должны были вносить пожертвования от количества душ в помещичьих имениях. В связи с большим налоговым

сбором в 1841 г. на чрезвычайном собрании дворянства Виленской губернии было решено: «произвести пожертвование на содержание воспитанников посредством сбора с владельческих доходов, помещичьих, поэзуитских, скультетских и ленных имений, а также просить о прекращении взносов для Полоцкого кадетского корпуса»[14]. Дворянство Минской губернии также решило перевести свои пожертвования из Полоцкого корпуса во вновь учреждаемый.

Желая заслужить расположение Николая I, на чрезвычайных собраниях было решено попросить императора наименовать кадетский корпус Александровским, в честь предстоящего бракосочетания наследника престола Александра Николаевича[15].

Дворянство Виленской, Гродненской и Минской губерний, а также Белостокской области сдержало свое обещание. Общий сбор составил более 60 тыс. руб. серебром. В 1841 г. эта сумма пошла на строительство зданий для кадетского корпуса (точнее для строительства зданий Брестской крепости). В связи с этим Николай I направил дворянству вышеуказанных губерний монаршее благоволение в особых грамотах. Так, в грамоте от 22 марта 1841 г., адресованной дворянству Минской губернии, говорилось:

Цесаревич Александр Николаевич – *шеф Брестского кадетского корпуса*

«Нашему Благородному Дворянству Минской Губернии.

В постоянном попечении о благе Наших верноподданных, Мы предположили учредить и в Брест-Литовске Кадетский корпус, где дети Дворян, под кровом и надзором Правительства, могли бы получить образование для служения Престолу и Отечеству.

Благородное Дворянство Минской Губернии, постигая благие намерения Наши, единогласно постановило вносить, отныне навсегда, из собственных своих доходов, особую сумму на содержание воспитанников сего Корпуса.

Одобряя таковой, достойный благородного сословия и намерениям Нашим соответствующий подвиг усердия к общей пользе, Мы изъявляем любезному Нам Дворянству Минской Губернии совершенное Наше Монаршее благоволение и признательность»[16].

Российский император поддержал и ходатайство дворянства наименовать корпус Александровским. Более того, он назначил наследника Александра Николаевича шефом Брестского кадетского корпуса и повелел днем учреждения данного военного учебного заведения считать 16 апреля 1841 г. – день бракосочетания цесаревича.

В конце марта 1841 г. император приказал передать корпусу здания бывшего военного госпиталя, назначить директора и командировать его в Брест-Литовск для осмотра выделенных строений. Для увеличения капитала Александровского Брестского кадетского корпуса было решено: пожертвованные ранее дворянством Минской губернии 36724 руб. серебром, на проценты с которых в Полоцком корпусе содержалось 8 воспитанников, по окончании ими курса, передать во вновь учреждаемый корпус; производимый дворянством Виленской губернии взнос в размере 7150 руб. ассигнациями в год на содержание в Полоцком корпусе 10 воспитанников после окончания ими курса наук прекратить; пожертвования дворянства Белостокской области в пользу Полоцкого корпуса в размере 2 тыс. руб. ассигнациями в год отменить[17].

Кандидаты на замещение вакантных должностей в военных учебных заведениях должны были представить документы о своем дворянском происхождении. Это обстоятельство существенно осложняло процесс зачисления в кадетские корпуса уроженцев белорусских губерний. В связи с продолжавшимся долгие годы «разбором шляхты» многие выходцы из Беларуси не могли представить документы, подтверждающие дворянское происхождение. Особенно остро этот вопрос встал накануне открытия Брестского кадетского корпуса, поскольку отведенный в законе от 5 июля 1838 г. трехлетний срок истекал 13 сентября 1841 г. Дворянство белорусских губерний ходатайствовало перед генерал-губернатором Мирковичем о продлении на 3 года

срока, отводимого на доказательства дворянского происхождения[18]. Более того, дворянство Виленской губернии просило даже о разрешении приема в кадетский корпус детей дворян по определениям дворянских депутатских собраний, но не утвержденных еще Герольдиею.

Местное начальство неуклонно следило за исполнением законов. При формировании Александровского Брестского кадетского корпуса виленский генерал-губернатор Ф.Я. Миркович писал минскому губернскому предводителю дворянства: «Управляющий Военным министерством, от 13-го сего апреля, сообщил мне, что государь император, высочайше повелеть соизволил: в число воспитанников Александровского Брестского кадетского корпуса предоставить губернским предводителям дворянства избрать тех только малолетних уроженцев приписанных к оному губерний: Виленской, Гродненской, Минской и области Белостокской, коих документы о дворянстве окончательно рассмотрены и не подлежат никакому сомнению, с моим о том засвидетельствованием»[19].

Таким образом, к приему в кадетские корпуса допускались лишь те представители дворянства западных губерний, документы которых о дворянском происхождении не подлежали сомнению и были засвидетельствованы местным генерал-губернатором.

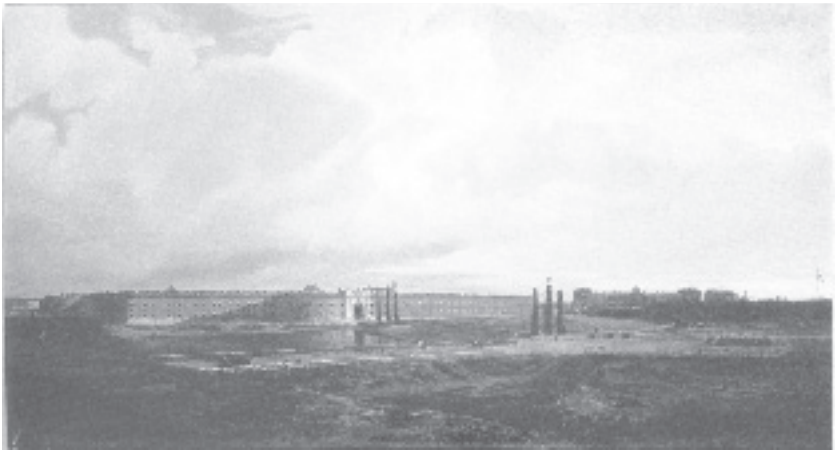
В апреле 1841 г. в Брест-Литовск для принятия на баланс зданий бывшего бернардинского монастыря, где было решено разместить корпус, был направлен командир роты гвардейских подпрапорщиков, полковник л.-гв. Семеновского полка Александр Петрович Гельмерсен. Он был назначен директором корпуса и произведен в генерал-майоры[20].

Гельмерсен Александр Петрович *(1797–1851) – генерал-лейтенант (1849). Из дворян. Окончил 1-й кадетский корпус (1813). Службу начал прапорщиком в Таврическом гренадерском полку. Участник заграничного похода русской армии 1815 г., русско-турецкой войны 1828–1829 гг. и подавления восстания 1830–1831 гг. Впоследствии полковник л.-гв. Семеновского полка. В 1841–1851 гг. директор Александровского Брестского кадетского корпуса.*

К началу 1842 г. основные работы в Брестской крепости были завершены. С 26 апреля она стала функционировать как крепость 1-го класса. К этому же времени были окончены работы в кадетском

корпусе. По воспоминаниям современников, прекрасное, обширное здание с красивым куполом располагалось на берегу Муховца. Оно было окружено крепостными валами и постройками, из амбразур которых выглядывали пушки. Своим фасадом здание корпуса выходило на «искусственную высокую гору с укрепленной башней, на которой в торжественные дни и во время пребывания Высочайших особ вывешивали огромной величины Императорский штандарт, желтый с черным двуглавым орлом»[21].

По сохранившимся планам здания можно восстановить картину кадетского корпуса. Широкие ступеньки главного входа в вестибюль, где слева располагалась комната дежурного офицера, а справа – швейцарская. Затем шел длинный коридор, на противоположной стороне которого, прямо против вестибюля располагались цейхгаузы, справа от них – классные комнаты, а слева – учительская, буфет, кухня и кладовая. В левом конце коридора располагались, с одной стороны, гимнастический и танцевальный залы, а с другой – столовая, корпусной музей, библиотека и физический кабинет. Правое крыло этажа занимали рекреационный зал, спальня гренадерской роты с умывальной комнатой и так называемым резервом, занятым шкафами для редко используемых вещей. На втором этаже над цейхгаузами располагалась корпусная церковь, над библиотекой – читальный



Крепость Брест-Литовск. *М. Залесский, 1840 г.*

зал, а все остальные комнаты были оборудованы под классы, спальни, умывальные комнаты и резервы: в правом крыле – для 1-й, а в левом – для 2-й мушкетерской роты. На третьем этаже все левое крыло занимал лазарет, а в правом располагалась неранжированная рота, в которую определялись все вновь прибывшие воспитанники[22]. Позади главного здания располагались каменные флигели, в которых были оборудованы квартиры директора, инспектора, офицеров и учителей, а также казармы служительской роты, состоявшей при корпусе. Во дворе, окруженном флигелями, был разбит сквер, а перед главным зданием располагался корпусной плац[23].

Проект положения и временный штат Александровского Брестского кадетского корпуса был разработан по образцу уже существовавших Новгородского и Полоцкого корпусов. Согласно выработанным условиям прием в 1842 г. ограничивался 100 воспитанниками. В последующие годы состав корпуса должен был укомплектовываться также по 100 человек. Возраст кандидатов в Александровский корпус устанавливался следующим образом: в первый год – от 11 до 12,5 лет, в 1843 г. – от 10 до 12, в 1844 г. – от 10 до 11,5, и в 1845 г. – от 9 до 10,5 лет. Зачисление должно было производиться в августе каждого года.

Общий штат Брестского кадетского корпуса был определен в 400 человек. Из них 300 вакансий предоставлялось сыновьям дворян Виленской, Гродненской и Минской губерний, Белостокской области и Царства Польского[24], 100 вакансий предназначалось для дворян внутренних российских и прибалтийских губерний (таблица 1).

В связи с тем, что пожертвованная сумма превысила количество предоставленных в Александровском Брестском корпусе вакансий для приписанных губерний, было разрешено на эти средства содержать в Полоцком кадетском корпусе 47 воспитанников. Для Виленской губернии было предоставлено 13 вакансий, для Гродненской – 10, Минской – 13, Белостокской области – 1, Царству Польскому – 10. Кроме того, дворянство Виленской и Гродненской губерний получило право замещать невостребованные вакансии от Царства Польского.

Представленные проекты положения, штата и табели для Александровского Брестского корпуса в феврале 1842 г. были утверждены на два года. Это было сделано для того, чтобы в окончательном варианте документов были учтены возможные замечания. Согласно штату и табели, ежегодное содержание Александровского Брестского

кадетского корпуса исчислялось 86331 руб. 70 коп. серебром. В последующие годы пожертвования в пользу Александровского Брестского кадетского корпуса продолжались. Так, в 1852 г. после упразднения Щебржешинского училища (на территории современной Польши) ежегодный взнос графа Замойского в размере 6 тыс. руб. серебром был переведен в Александровский корпус[25]. В 1853 г. после смерти Иосифа Ждановича в пользу Александровского Брестского кадетского корпуса было передано 15 тыс. руб. серебром на содержание в этом учебном заведении его родственников и других бедных дворянских детей[26].

30 августа 1842 г. состоялось торжественное открытие Александровского Брестского кадетского корпуса. Церемония началась в 11 часов утра церковным парадом, молебном и литургией, в которых принял участие архиепископ литовский Иосиф Семашко. На торжественное открытие корпуса были приглашены родители первых

Семашко Иосиф *(25.12.1798 – 23.11.1868) – церковный деятель. Сын униатского священника. Окончил Немировскую гимназию и Главную Духовную семинарию при Виленском университете. В 1821 г. посвящен в священники в Луцке, стал членом Луцкой духовной консистории. С 1822 г. присутствовал в униатском департаменте Римско-католической духовной академии в Петербурге. Составил записку о воссоединении униатов, которая стала программным документом в деле объединения униатов с православными. По его инициативе учреждена Греко-униатская духовная коллегия (1828). С 1829 г. епископ Мстиславский, викарий Белорусской епархии, председатель белорусской консистории. С 1832 г. епископ Литовский. Добился подчинения униатской церкви обер-прокурору Св. Синода. Подготовил Полоцкий церковный собор 1839 г., который ликвидировал унию. С 1840 г. архиепископ Литовский и Виленский. В 1844 г. переселился из Петербурга в Жировичи; перевел в Вильну Литовское епархиальное управление вместе с семинарией.*

воспитанников. На момент открытия присутствовало 68 из 100 кадетов первого приема.

К обеду, данному в рекреационном зале, были приглашены все почетные особы, штаб-офицеры, находившиеся на службе в Бресте, гражданские чиновники, командиры отдельных частей и некоторые другие – всего около 80 человек. Во время обеда начальник штаба Главного начальника военных учебных заведений генерал-майор Я.И. Ростовцев передал сожаление Николая I о том, что он не смог лично присутствовать на церемонии открытия Александровского Брестского корпуса, а от имени шефа корпуса благословил новое учебное заведение и передал директору образ Св. Александра Невского.

В ответ на высочайшие приветствия гродненский губернский предводитель дворянства просил заверить венценосных особ, что «все усилия их будут неослабно направлены, чтобы заслужить такие доказательства милостивого внимания к ним государя императора и его высочества, и что образ этот пребудет на вечные времена памятником благоволения его высочества к их краю». Предводитель добавил, что наследник «исполнен к Александровскому Брестскому кадетскому корпусу радушия и участия; что все, что они уже здесь видели и что впредь увидят, по всем частям внутреннего устройства и воспитания, есть следствие повелений и постановлений его высочества, что никакое нововведение, никакая перемена, хотя бы самые мелочные, не делаются без непосредственного обсуждения и указания его высочества». Торжества, приуроченные к открытию Брестского корпуса, продолжались до полуночи, сопровождаемые иллюминацией зданий. 2 сентября начались занятия.

Виленский генерал-губернатор Ф.Я. Миркович придавал особое значение Брестскому кадетскому корпусу. В своем донесении императору от 6 апреля 1841 г. он писал: «В будущих судьбах ее [империи] заведение это послужит основанием важного перевеса. В нем краевое дворянство будет получать нравственное воспитание в духе приверженности к Престолу и России; оно будет служить рассадником русских чувств, мыслей и действий, наполнит край людьми обруселыми, которые, окончив служебное поприще в рядах наших и внутри России, возвратятся на родину не с превратными о ней понятиями; они будут говорить не о буйных сеймах старых лет, но уже о святой Руси и ее могуществе, и каждый в своем кругу будет незаметно содействовать видам правительства»[27].

Однако уже через несколько лет Миркович осознал, что поддержка его начинаний со стороны белорусского, польского и литовского дворянства не совсем искренна. В 1845 г., анализируя стремление дворянства угождать требованиям правительства, он сообщал Николаю I, что эта готовность «проистекает не от чувства преданности, но от желания заставить забыть прошедшие события и смыть с себя пятно преступного участия, принятого столь многими лицами, в крамольных замыслах против законной власти»[28]. Поэтому генерал-губернатор предостерегал не доверять дворянству. По его мнению, «похвальное стремление в людях с характером твердым всегда бы внушало полную доверенность и к будущим их действиям», но в подведомственном Мирковичу крае «легкомыслие и шаткость мнений местных уроженцев, к сожалению, не допускают убеждений, что на теперешний их образ мыслей можно вполне положиться»[29].

В 1844 и 1849 гг. Александровский Брестский кадетский корпус подвергся значительной реорганизации. Еще в 1842 г. в Полоцком кадетском корпусе было предусмотрено 47 вакансий для дворянства западных белорусских губерний, но к 1844 г. было замещено только 13 вакансий (Царством Польским – 6, Виленской губернией – 3, Гродненской – 1, Минской – 2, Белостокской областью – 1)[30]. Однако через несколько лет ситуация изменилась.

В 1844 и 1849 гг. состоялось перераспределение вакансий для уроженцев западных губерний в Александровском Брестском и Полоцком кадетских корпусах, в результате чего количество воспитанников от западных губерний и Царства Польского в них уравнивалось. Произошли изменения и в приписанных губерниях. К Полоцкому кадетскому корпусу были отнесены Виленская, Ковенская, Витебская, Смоленская и Могилевская губернии. За Александровским Брестским кадетским корпусом закреплялась лишь Гродненская губерния. Минская губерния и Царство Польское приписывались к обоим учебным заведениям (таблица 2). Официально данное изменение было принято с целью размещения кандидатов в близлежащих корпусах. На самом же деле – с целью перераспределения уроженцев католического вероисповедания, поскольку в Полоцком корпусе воспитанников от западных белорусских губерний было немного. После осуществления этой реорганизации правительство более спокойно наблюдало за деятельностью кадетских корпусов, расположенных на территории Беларуси.

Раздел 3

КАДРОВОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ

Во главе кадетского корпуса стоял директор, который назначался на должность императором. При назначении не всегда принималось во внимание, насколько тот или другой кандидат подготовлен к занятию этой должности. Отсутствие педагогического опыта не являлось препятствием. Важно было другое – доверие императора.

Первым директором Брестского кадетского корпуса был боевой генерал Александр Петрович Гельмерсен. Он занимался исключительно организационными делами. В учебные проблемы директор не вмешивался, а предоставил их в полное самостоятельное управление инспектору классов В.Б. Чистякову. Несмотря на довольно жесткие порядки, которые существовали в корпусе при генерале Гельмерсене, он оставил о себе хорошую память. После его смерти (1851) служащими и учащимися корпуса на его могиле был установлен памятник с надписью «Соизволением и милостивым участием Его Императорского Высочества Наследника Цесаревича. Любимому и уважаемому начальнику от признательных подчиненных».

Генерал-лейтенанта А.П. Гельмерсена на посту директора корпуса сменил генерал-майор Мейнандер. Он пробыл в этой должности несколько месяцев, почти не оставив о себе какой-либо информации.

Из директоров Брестского кадетского корпуса колоритной фигурой был генерал Владимир Николаевич Назимов, который был назначен в 1853 г. и проработал в корпусе два года. Это был добрый, сердечный и чрезвычайно набожный человек, искренне любивший своих подопечных. Первоначально до воспитанников дошли слухи, что это чрезвычайно строгий начальник, что он усилит наказание розгами. В действительности новый директор «просто очаровал» кадетов. Вот как его описал О. Еленский: «В то время Назимову было лет за пятьдесят: среднего роста, седой, несколько сутуловатый и без той военной выправки, которою отличались все военные того времени. Лицо у него было типично русское… Но такого выражения глаз, какое было у Назимова, удавалось мне встречать редко. Если бы все глаза так смотрели, то добрых людей на свете было бы много больше»[1].

Назимов ***Владимир Николаевич*** *(29.4.1806 – 22.4.1887), генерал от инфантерии (1869). Из дворян Московской губ. Окончил Московский университетский пансион (1823) и Школу гвардейских подпрапорщиков (1825). Во время русско-турецкой войны 1828–1829 гг. в составе Гвардейского корпуса совершил переход из Петербурга на театр военных действий; участвовал в осаде Варны (1828). Принимал участие в подавлении Венгерской революции 1848–1849 гг. В 1849–1852 гг. начальник штаба Гренадерского корпуса. С 9.6.1852 по 25.3.1854 г. директор Александровского Брестского кадетского корпуса. В 1854 г. назначен генерал-кригс-комиссаром (начальником Комиссариатского департамента) Военного министерства. С 1857 г. – член Военного совета.*

Назимов более гуманно, чем его предшественники, относился к воспитанникам. Это не могло не отразиться на общем состоянии дел в корпусе. Наибольшей популярностью в то время пользовались гуманные и образованные учителя. Преподаватели же, известные своими жесткими приемами в обращении с кадетами, солдафоны отошли на второй план. Телесные наказания, хотя и не были отменены, применялись только в чрезвычайных ситуациях и только по личному разрешению Назимова. Значительно улучшилось питание кадетов. Двухлетнее директорство этого генерала «дало воспитанникам корпуса много доброго и полезного».

Директор постоянно представлял в штаб военных учебных заведений рапорты о состоянии вверенного ему корпуса. В случае болезни или временного отсутствия директора военного учебного заведения его обязанности исполнял батальонный командир, как правило, в чине подполковника или полковника. В обычное время батальонный командир отвечал за нравственное воспитание, строевую подготовку и ведение хозяйства в кадетских ротах, а также за общий порядок в военном учебном заведении. Помощником батальонного командира являлся младший штаб-офицер.

Батальонным командиром с 1841 г. по 1854 г. был полковник Ф.В. Устругов, а с 1854 г. – полковник А.К. Ольдерогге. Однако он не играл практически никакой роли в учебном процессе, поскольку занимался исключительно фронтовой подготовкой. Последнюю он довел до совершенства. На высочайших смотрах кадеты всегда отличались безукоризненным выполнением ружейных приемов и всех сложных перестроений. Церемониальным же маршем и «тихим шагом» они ходили так стройно, что, по воспоминанию Еленского, «все четыреста

кадет батальона подымали ноги на одну и ту же высоту, а весь батальон, по фронту, представлял прямую линию, не только без изгибов, но даже без малейших неровностей. Равнение было доведено до идеально прямой линии…»[2].

Устругов Федор Васильевич, *из дворян С.-Петербургской губ. Родился в 1808 г. Окончил 1-й кадетский корпус. Участник подавления восстания 1830–1831 гг. В 1834–1849 гг. служил во 2-м кадетском корпусе. В 1849 г. переведен в Александровский Брестский кадетский корпус. С 1850 г. батальонный командир.*

Ольдерогге Александр Карлович, *из дворян Лифляндской губ. Родился в 1817 г. Окончил Павловский кадетский корпус (1834). Служил в л.-гв. Финляндском полку. В 1844 г. был прикомандирован к Дворянскому полку, а затем переведен в Александровский Брестский кадетский корпус. С 1851 г. командир неранжированной роты, с 1854 г. – батальонный командир.*

«Обучение в кадетских корпусах, – писал О. Еленский, – состояло в вытягивании носка, держании круче ружейного приклада, маршировке до того плавной, чтобы не проливать стаканы с водою, поставленные на плечи, и в ружейных приемах, до того отчетливых, что когда делали их четыреста человек, то казалось, что это делал один. Перед смотрами мы, обыкновенно, ослабляли винты у ружей, отчего, при ружейных приемах, в ловких руках наших, звук, издаваемый ружьями, походил на щелканье орехов и на какой-то лязг. Выходило это чрезвычайно эффектно. Во время смотров император Николай особенно любил ружейные приемы и, действительно, отчетливость, шик и даже изящество доведено было в Брестском корпусе до совершенства»[3].

В Брестском кадетском корпусе служило трое офицеров по фамилии Ольдерогге. Еленский называет их братьями. Старший из них – В. Ольдерогге – был наиболее жестоким. За малейшую провинность он наказывал воспитанников без всякой пощады, а количество назначенных розог всегда сообщал только перед самой экзекуцией. Средний, как уже известно, заменил Устругова на должности батальонного командира. Третий брат – Е. Ольдерогге – был добрый по характеру, но не очень образованный офицер.

Каждый кадетский корпус в строевом отношении представлял собой батальон, который делился на 4 роты. До 1835 г. роты

в корпусах комплектовались не по возрасту, а по росту. Поэтому в одной роте были воспитанники разных возрастов и классов, что отрицательно сказывалось на дисциплине и физической подготовке. С 1835 г. в кадетских корпусах устанавливалась новая система подбора воспитанников в роты – по возрасту, с некоторым приближением их к классам. Воспитанники младших возрастов составляли неранжированную роту, а старшие делились на гренадеров и мушкетеров. В гренадерскую роту зачислялись отличники, а в мушкетерские – все остальные. Однако такая организация просуществовала недолго. В 1844 г. гренадерская и мушкетерская роты стали комплектоваться по росту из воспитанников старшего возраста. При этом отличники больше не выделялись.

Во главе каждой роты стоял ротный командир, который подчинялся в строевом отношении батальонному командиру. Ему помогали наставники-наблюдатели и 4 командира отделений. Воспитательная работа проводилась 12 офицерами-воспитателями.

Во главе каждой роты стояли командиры в звании капитана. Им помогали ротные офицеры – штабс-капитан и три поручика на каждую роту. Они возглавляли отделения. Замещение должности ротного командира в военных учебных заведениях осуществлялось старшим офицером при появлении вакансии. Это приводило к тому, что некоторые офицеры долгое время не могли получить повышения. В 1852 г. в правила прохождения военной службы в военных учебных заведениях были внесены изменения, существенно повлиявшие на дальнейшую судьбу многих офицеров. Дело в том, что должность ротного командира соответствовала званию капитана. Ротные офицеры получали чин капитана только в случае освобождения вакансии ротного командира. На практике же получалось так, что штабс-капитан производился за выслугу лет в капитаны, но роты не получал и поступал под начало ротного штабс-капитана. Поэтому в целях укрепления дисциплины было решено производить таких офицеров в майоры и переводить в армейские полки[4].

Для занятия должности воспитателя в кадетских корпусах не существовало каких-либо ограничений. Любой офицер, прослуживший в строю не менее трех лет, мог быть выбран для прохождения дальнейшей службы в военных учебных заведениях. Такие офицеры прикомандировывались к кадетским корпусам и проходили в течение

года испытание. В случае положительной аттестации они зачислялись в штат.

Многие из офицеров, избранные директорами военных учебных заведений для службы в качестве воспитателей, не были знакомы с правилами внутреннего распорядка и обязанностями воспитателя в кадетских корпусах. Поэтому в ноябре 1837 г. было решено таких офицеров прикомандировывать на первые шесть месяцев к одному из военных учебных заведений в Петербурге, обычно, к Дворянскому полку. После аттестации директором учебного заведения офицер на остальные шесть месяцев прикомандировывался к губернскому кадетскому корпусу в качестве воспитателя.

В 1845 г. такой порядок прикомандирования офицеров, направляемых в губернские кадетские корпуса, был отменен. Это было вызвано тем, что длительное время офицер отсутствовал в своем учебном заведении. Поэтому правило о прикомандировании на 6 месяцев к Дворянскому полку было сохранено только для формирующихся кадетских корпусов, а директорам полностью сформированных учебных заведений разрешалось принимать на службу офицеров на тех же основаниях, что и в столичные корпуса.

В 1842 г. была составлена специальная программа, по которой проводилась проверка всех офицеров, поступавших на службу в военные учебные заведения. Испытание проводилось руководством учебного заведения. Среди офицеров-воспитателей была большая текучесть. Пополнение этой категории служащих осуществлялось за счет переводов офицеров из воинских частей[5].

Так, неранжированной ротой в Брестском корпусе долгое время командовал капитан Карманов Петр Александрович. Ротными офицерами были штабс-капитаны Шостаков Николай Федорович, Жуков Николай Иванович, Эрнрот Карл Карлович, Зайковский Александр Владимирович, поручики Васильев Михаил Сергеевич и Прейс Казимир Эрастович, подпоручик Гильбих Генрих Каэтанович. В корпусе служили офицеры М.Г. Паприц, Д.И. Неверовский, Ф.И. Гренквист, Д.Я. Длотовский, Н.А. Голубь. Все эти лица считались проходящими строевую службу в военных учебных заведениях. Ее условия мало чем отличались от прохождения службы в строевых частях армии: чинопроизводство зависело от выслуги лет, а повышение по службе – от наличия вакансий[6].

Ведомство военных учебных заведений находилось под постоянным контролем императора. Материальное положение лиц, проходящих службу в этом ведомстве, неоднократно улучшалось. В 1834 г. великий князь Михаил Павлович исходатайствовал для строевых штаб- и обер-офицеров военных учебных заведений повышенное жалование. Как говорилось в указе, это было сделано «в воздаяние особых обязанностей, кои от службы в военно-учебных заведениях требуются». Отныне жалование офицерам этого ведомства стали производить по окладам, определенным для офицеров полевой пешей артиллерии, что несколько улучшило их материальное положение. В 1838 г. Николай I подписал указ, по которому с 1 января 1839 г. директорам и всем штаб- и обер-офицерам военных учебных заведений (Пажеского корпуса, кадетских корпусов, Дворянского полка, Главного инженерного училища, Артиллерийского училища и Школы гвардейских подпрапорщиков и юнкеров), прослужившим в этом ведомстве пять лет, устанавливалось полуторное, а десять лет – двойное по их чинам жалование.

Кроме офицеров, проходивших строевую службу в кадетских корпусах, были и гражданские чиновники. В военных учебных заведениях к лицам, находящимся на гражданской службе, относились медицинские чиновники, правитель дел, бухгалтер, эконом, помощники бухгалтера и эконома, архивариус, а также духовные лица. Что касается преподавательского состава корпуса, то они состояли на службе по учебной части, особенности прохождения которой были закреплены в специальном положении.

Кроме того, для обслуживания нужд воспитанников, корпусу была придана служительская рота (160 рядовых, 10 унтер-офицеров, каптенармус и фельдфебель) под командой особого офицера и его помощника[7].

Более подробно офицерский состав Брестского корпуса можно проиллюстрировать на основе анализа документов о прохождении службы. Анализ формулярных или послужных списков 31 офицера Александровского Брестского кадетского корпуса в 1852 г. свидетельствует о том, что абсолютное большинство служащих происходило из потомственных дворян – 28 (90,3 %). Двое офицеров были из семей обер-офицеров, один – из почетных граждан Царства Финляндского. По вероисповеданию офицеры корпуса распределялись следующим

образом: 17 православных, 13 лютеран, 1 евангелист. В корпусе не было ни одного местного уроженца. Большинство офицеров происходило из прибалтийских губерний и Финляндии (15 человек или 48,4 %), из центральных российских – 9 (29 %) и левобережных украинских губерний – 7 (22,6 %) человек.

Что касается образования офицеров, то большинство (25 человек или 80,6 %) окончило военные учебные заведения. Остальные учились либо в частных учебных заведениях, либо начинали службу рядовыми, не имея среднего образования.

При анализе продолжительности службы офицеров в корпусе выяснилось, что 16 человек (51,6 %) прослужили от 1 года до 3 лет, трое (9,7 %) – от 3 до 5 лет, 11 (35,5 %) – от 5 до 10 лет и один (директор) – более 10 лет. При этом оказалось, что до поступления в Александровский Брестский кадетский корпус только четверо (12,9 %) имели опыт педагогической работы в военных учебных заведениях[8].

В 50-х гг. XIX в. состав Александровского Брестского корпуса почти полностью стабилизировался. За 1850–1854 гг. он обновился всего на 10 %[9]. Во второй половине 50-х – начале 60-х гг. XIX в. текучесть офицерского состава в кадетских корпусах снова возросла. Это было связано с Крымской войной (1853–1856), а также с попытками руководства учебных заведений привлекать на педагогическую работу более молодых офицеров. Что касается текучести преподавательского состава, то она в корпусах была значительно ниже, чем среди офицеров. Нередко преподаватели всю жизнь работали на одном месте.

Раздел 4

«ПОСЕЛЯТЬ И УКОРЕНЯТЬ…ЧУВСТВА ЧЕСТИ И ДОЛГА»

Особое внимание в подготовке будущих офицеров отводилось воспитательному процессу. «Поселять и укоренять в воспитанниках страх божий, преданность государю императору, почтительность и беспрекословное повиновение начальству, чувства чести и долга, дружбы и товарищества», – такие задачи были первостепенными в организации воспитания кадетов.

В 1848 г. было принято «Наставление для образования воспитанников военных учебных заведений», составленное генералом Я.И. Ростовцевым. В нем была конкретизирована главная цель воспитания, которая определялась следующим образом: «Христианин,

Ростовцев Яков Иванович *(28.12.1803 – 6.2.1860) – государственный деятель, генерал от инфантерии (1859), генерал-адъютант (1849). Воспитывался в Пажеском корпусе. Писал стихи, переводил драмы и печатался в журналах. Член Северного общества декабристов (1825). В письме от 12.12.1825 г. донес великому князю Николаю Павловичу о готовившемся восстании. С 1828 г. адъютант великого князя Михаила Павловича. С 23.12.1831 г. дежурный штаб-офицер по управлению главного начальника военных учебных заведений. С 7.4.1835 г. начальник штаба военных учебных заведений. Член Государственного совета (1855). В 1857 г. член Секретного, а потом Главного комитета по крестьянскому делу; с мая 1858 г. – председатель Комитета.*

верноподданный, русский, добрый сын, надежный товарищ, скромный и образованный юноша, исполнительный, терпеливый и расторопный офицер – вот качества, с которыми воспитанник военно-учебных заведений должен переходить со школьной скамьи в ряды императорских армий, с чистым желанием отплатить государю за его благодеяние честною службою, честною жизнью и честною смертью»[1].

В целях реализации поставленных задач в 1835 г. в кадетских корпусах были созданы воспитательные комитеты. Они состояли из директора, батальонного командира, младшего штаб-офицера, полицмейстера и инспектора классов. Воспитательные комитеты следили за строгим исполнением предписаний вышестоящего начальства, рассматривали меры по совершенствованию воспитательного процесса и предотвращению нарушений в корпусе. Раз в месяц на заседания комитета приглашались ротные командиры для проведения аттестации кадетов.

В том же 1835 г. на каждого воспитанника военных учебных заведений стали заводить аттестационную тетрадь. К ведению аттестационных тетрадей предъявлялись высокие требования. О важности этого документа свидетельствует тот факт, что периодически проверку аттестационных тетрадей всех кадетских корпусов производил сам начальник штаба военных учебных заведений генерал Я.И. Ростовцев[2].

Для оценки нравственных качеств воспитанников с 1842 г. в кадетских корпусах вместо словесной стала применяться 12-балльная система. С этого времени баллом оценивалось поведение кадета, его умственные и нравственные качества. Отличными воспитанниками считались только те, которые по поведению имели 12 баллов. Баллы за поведение ежемесячно выставлял воспитательный комитет, который в своей практике руководствовался специальной инструкцией. Кроме того, по отношению к воспитанникам применялись различные формы поощрения: от повышения балла за поведение до выпуска офицером. Наказание могло быть от замечания до телесных наказаний и исключения из корпуса.

Вся жизнь кадетов регламентировалась особым расписанием, программу которого на зимнее и летнее время составлял штаб главного начальника военных учебных заведений. Вот какой распорядок был установлен в Полоцком кадетском корпусе в 1835 г. Подъем

в 6 часов утра. До 7 часов туалет, молитва и завтрак. С 7 до 8 кадеты повторяли уроки, а с 8 до 11 находились на занятиях в классах с перерывом в четверть часа для прогулки. С 11 до 13 часов кадеты занимались «фронтом», гимнастикой, фехтованием, танцами и пением. В час дня воспитанники обедали, после чего до трех часов отдыхали. С 15 до 18 часов кадеты снова садились за парты, а затем до 20 занимались подготовкой уроков. В 20 вечера учащиеся ужинали и после вечерней прогулки и туалета в 21.30 ложились спать[3].

Военно-физическое воспитание составляло одну из важнейших задач кадетских корпусов. Заботились о сохранении здоровья кадетов, чистоте в помещениях, личной гигиене. Военные занятия проводились и зимой, и летом в период лагерей, продолжавшихся до полутора месяцев.

За военной подготовкой лично наблюдал Николай I. При посещении кадетских корпусов император всегда обращал внимание на выправку воспитанников, умение ходить в строю и выполнять ружейные приемы. На эту же сторону подготовки обращал особое внимание и штаб главного начальника.

Особое место в кадетских корпусах отводилось религии. Согласно «Наставлению», воспитание в военных учебных заведениях основывалось исключительно на «любви к Богу, на благоговении к постановлениям святой Его Церкви, на сыновьей преданности Престолу, на бескорыстной любви к Отечеству...»[4]. По указанию главного начальника во всех кадетских корпусах необходимо было «подчинить все умственное образование одному общему началу, началу нравственному». Этому должна была способствовать религия. Она ставилась во главе учебного и воспитательного процесса. Чтобы укрепить нравственные начала в кадетских корпусах любое дело начиналось с молитвы. При этом были введены специальные молитвы об императоре, царской фамилии, о христианах и т. п. В дни церковных праздников кадетов водили в церковь. Более того, корпусное духовенство ежедневно посещало воспитанников в свободное от занятий время, особенно после ужина. В этих же целях преподаватели читали рассказы о великих личностях, преданно служивших императорам.

В Брестском корпусе обучались одновременно 400 воспитанников. Вновь прибывшие сначала попадали в неранжированную роту. Затем воспитанников переводили в строевые роты, среди которых

первое место занимала гренадерская рота «его императорского высочества наследника цесаревича», названная так в честь будущего императора Александра II. Этой ротой командовал штабс-капитан М. Фишер. Поступавшие в корпус новички были разного возраста и неодинакового уровня знаний; да и последующие их успехи были разными. Переводы из одного подразделения в другое были частым явлением.

Для многих подростков знакомство с кадетской жизнью начиналось с не очень приятных впечатлений. Нравы того времени не способствовали формированию положительного мнения об этих учебных заведениях. Новичкам приходилось пережить период неизбежных потасовок, придирок и насмешек со стороны старших товарищей. Вот что вспоминал Н.А. Крылов о наставлениях, данных ему своими товарищами накануне зачисления в корпус. «Мне говорили, что сначала ко мне, как к новичку, будут приставать и бить меня, но чтобы я отнюдь не жаловался, а всегда сам расправлялся: “прямо в нос кулаком, чтобы кровь пошла!” Учили меня и тому, что если кто передо мной нашалит и меня начальник будет спрашивать, кто это сделал, то говорить: “не знаю”. Если будут сечь или морить голодом, то все-таки никогда “не выдавай товарища”. Крепко засели мне эти уроки в памяти, и я поступил в корпус с хорошей подготовкой»[5].

Если кадет спокойно переносил все тяготы первых дней и не жаловался начальству, то придирки обычно прекращались. Хотя и среди кадетов встречались разные лица. Вот что вспоминал О. Еленский: «Правда, иные кадеты-”старички” позволяли себе и ходить без подтяжек, с всклоченными волосами, и размять по случаю мускулы… Но о проделках, выходящих за границы детской шалости, в корпусе не было и речи. Кадеты, большей частью широкие натуры, мечтали поскорее вырваться на свободу – и потому учились через пень-колоду, то и дело рискуя получить наказание. Иные таким образом достигали своей цели: их либо исключали в юнкера, либо назначали по выпуску офицерами в гарнизонные батальоны»[6].

Однако не взаимоотношения с товарищами доставляли кадетам наибольшие хлопоты. Дело в том, что порядки, существовавшие во всех кадетских корпусах, были жесткими. Воспитатели не могли оказать на детей сколько-нибудь сильного морального воздействия. В кадетский корпус они обычно направлялись из воинских частей. Педагогической подготовки не имели. Многие давно забыли науку и хорошо знали только строевые занятия.

Первой и главной обязанностью офицеров-воспитателей являлось наблюдение за поведением кадетов. Всякий замеченный проступок воспитанника неизменно влек за собой наказание. Подавляющее большинство проступков, как показывает изучение журналов воспитательных комитетов, относились к нарушению дисциплины и порядка. Они проявлялись в ослушании, грубых шалостях, драках, иногда в пьянстве, воровстве, побегах из корпуса. Чаще всего проступки совершались в старших классах. К числу проступков относились также лень, отказ отвечать учителю по заданному на дом материалу. Всякое нарушение дисциплины воспитательные комитеты относили на счет учащихся, не обращая внимание на качество работы учителя. Воспитатель следил за тем, чтобы подросток имел опрятный вид, подтянутую фигуру, правильно пользовался столовым прибором. Умение вести себя в обществе считалось непременным условием воспитания кадетов, и за соблюдением хорошего тона наблюдали учителя и воспитатели.

Для помощи офицерам-воспитателям из числа лучших воспитанников выделялись фельдфебели, унтер-офицеры и ефрейторы, которые следили за поведением своих товарищей. Они имели право приказывать своим товарищам и даже назначать легкие наказания. На них возлагались обязанности по проведению строевых занятий и по поддержанию чистоты в корпусе. В обязанности этих же помощников входили полицейские функции, и кое-кто из них с успехом исполнял роль сыщиков. Надо сказать, что доносы и жалобы на товарищей начальству считались среди воспитанников корпусов самым тяжелым преступлением. Поэтому в корпусах редко наблюдались жалобы, а тем более доносы офицерам со стороны кадетов.

В то время в кадетских корпусах господствовал принцип «отрицательного воспитания», выражающийся в стремлении отыскать дурное в воспитанниках и преследовать его запрещениями и наказаниями. Воспитатели превращались в надзирателей. Они не пользовались среди молодежи авторитетом. Провинившихся воспитанников ставили в угол или к стене, оставляли без обеда или лишали только сладкого, не разрешали прогулок, запрещали увольнения в отпуск для встреч с родными и знакомыми, снижали балл по поведению, записывали на черную доску и так далее. Но самым впечатляющим воспитательным средством признавались розги.

Ярослав Домбровский. *Фото 1855 г.*

Особо часто к розгам прибегали офицеры и преподаватели в Бресте. Это объяснялось тем, что три четверти воспитанников Александровского Брестского корпуса имели польское происхождение, а каждого поляка царские власти считали мятежником, даже когда это были дети. Примером тому может служить описанный супругой Я. Домбровского случай.

По прошествии нескольких дней с момента зачисления Ярослава Домбровского в корпус, учебное заведение проездом посетил Николай I. Во время обхода строя кадетов он обратил внимание на одного из воспитанников неранжированной роты. Этот мальчик, которого в суматохе забыли постричь, стоял на левом фланге. Император подошел к нему, поднял на руки и спросил о фамилии и происхождении. Услышанные в ответ слова: «Домбровский, поляк», вызвали у Николая I вспышку гнева. Он резко опустил маленького кадета на пол. Мальчик упал, ушибся и потерял сознание[7].

Подобную картину наблюдал и О. Еленский в первый день своей кадетской жизни. Он стал свидетелем, как в присутствии осматривавших корпус великих князей Михаила Николаевича и Николая Николаевича наказывали сбежавшего из Бреста воспитанника. Утром корпус поротно вывели на плац, в центре которого стояла скамейка, а возле нее лежал ворох розог. Наказуемого привели в арестантской куртке, прочитали конфирмацию, потом под бой барабанов долго секли у всех на виду. Наутро Еленский, мать которого еще не уехала, долго плакал и упрашивал ее не оставлять его в корпусе.

Впоследствии пагубная практика сечь воспитанников привела к чрезвычайному происшествию. Среди особо жестоких преподавателей в Бресте был один ротный офицер, который чрезвычайно охотно

пользовался розгами. И вот однажды незаслуженное наказание кадета Тетюцкина привело его к самоубийству. По рассказам однокашников, Тетюцкин был добр по характеру, но в то же время чрезвычайно молчалив, замкнут. Ротный командир невзлюбил подростка с первого же дня – секли Тетюцкина и за дурные отметки, и за вполне невинные шалости. Дошло до того, что иной день пороли по два раза. На теле мальчишки раны не успевали заживать...

Однажды Тетюцкин получил с Дона, от отца, злополучное письмо, извещающее о смерти матери. Печальное известие сразило кадета, он принялся рыдать в присутствии всех. Бессердечный ротный тут же наказал «ослушника» розгами. После того, не выходя из цейхгауза, воспитанник перерезал себе сонную артерию перочинным ножом. Через несколько часов он скончался.

Это происшествие доставило много хлопот как местному начальству, так и петербургскому. Было назначено следствие, приезжали высокие столичные инспекторы. Впрочем, дело в конце концов замяли и ротный командир обошелся без всяких последствий для карьеры[8].

Поэтому не случайно, что первое стихотворение, которое выучивали новобранцы в Брестском корпусе, было посвящено розгам. Оно было напечатано практически во всех «букварях, следом за ежедневными молитвами»:

Розгочка дух святой
Деток бить – рада
Розгочка бьет, да
Здоровью не вредит…

Щербачев Григорий Дмитриевич *(1823–1900) – генерал-майор. Из дворян. Служил в гвардейской конной артиллерии. Участник Крымской войны (1853–1856). Во время осады Севастополя командовал ракетной батареей. Впоследствии директор Орловской военной гимназии, затем мещовский уездный предводитель дворянства. Оставил интересные записки (Двенадцать лет молодости. Воспоминания из времен царствования императора Николая I. М., 1892; Очерки моей деятельности в царствование Александра II. М., 1891). Автор работ по сельскому хозяйству и педагогике.*

Назначение на должность воспитателя неподготовленных лиц, практиковалось почти во всех кадетских корпусах. Поэтому чрезвычайно интересно наблюдение одного из директоров Г.Д. Щербачева о взаимоотношениях таких офицеров с кадетами. «Вообще, – писал Щербачев, – во внутренней своей жизни корпуса представляли враждебные лагеря, которые вели ожесточенную борьбу: с одной стороны, кадеты, а с другой – их начальники. Кадеты составляли сплоченную массу, имевшую в среде своей руководителей, которые давали своим товарищам желаемое ими направление и заставляли их безоговорочно действовать по их указаниям. Так, например, существовал обычай бить новичков и, несмотря на ужасные страдания, переносимые новичками, они не смели жаловаться офицерам. Если бывали редкие случаи, когда новичок обращался к защите начальства, то жизнь его делалась рядом истязаний, и он очень раскаивался в своем поступке. Сплоченность массы и отсутствие уважения к офицерам делали внутреннюю жизнь кадет непроницаемою для их наставников. Офицеры вовсе не знали своих воспитанников, а потому не могли сообразовать с их характерами своих воспитательных мер»[9].

Взгляд генерала Щербачева на взаимоотношения между воспитанниками, а также между кадетами и учителями подтверждают воспоминания самих кадетов. Так, воспитанник Александровского Брестского кадетского корпуса О. Еленский в точности повторяет слова директора. Имел он свое мнение и на счет офицеров корпуса. «Надо полагать, – писал О. Еленский, – что при назначении офицеров в кадетские корпуса вообще, а в провинциальные в особенности, никакого образовательного ценза не требовалось и даже особого выбора не делалось. У нас, по крайней мере, собраны они были, «кто с бору, кто с сосенки». Были такие, которые всю свою службу провели среди боевой обстановки и попали в корпус в качестве воспитателей, израненные и больные»[10].

Не удивительно, что основным средством воспитания многие офицеры считали розги. Но эта мера воздействия, по мнению Г.Д. Щербачева, «не только не могла улучшить нравственность воспитанников, но убивая в них самолюбие и очерствляя их сердца, не возбуждала даже особенного страха, так как самые отчаянные кадеты скоро с ней свыкались»[11].

Розги до такой степени озлобляли воспитанников против своих начальников, что не было такой неприятности, которую они бы не пожелали учинить им. Так, в Александровском Брестском кадетском корпусе учащиеся больше всего не любили воспитателя капитана Фишера и старались ему всячески навредить. По воспоминаниям кадетов, это был «злой, мстительный, окружавший себя шпионами и льстецами, дерзкий и жестокий человек». Перед начальством Фишер был хитрым и увертливым.

Нравственные представления многих кадетов формировались не только в стенах учебных заведений. Многие из них были из семей помещиков. «В число кадетов, – замечал современник, – попадали юноши, в науке не пошедшие дальше азбуки, но изучившие разврат в совершенстве, привыкшие в деревне давать раздолье своей барской воле над крепостной челядью и усваивать себе отрицательную сторону нравственности»[12].

Вообще же дисциплина в Александровском Брестском кадетском корпусе была не на высоте. Хотя правильнее будет сказать, что в Бресте пресекались всякие проступки: от серьезных до незначительных. Приказы по корпусу и журналы воспитательного комитета корпуса пестрят фамилиями воспитанников, подвергшихся наказаниям за детские шалости, за леность в занятиях, за неопрятность, непослушание, курение, драки, за грубость по отношению к товарищам, учителям, воспитателям, за многие другие проступки. Так, в 1850 г. воспитанники Гаврилов и Повало-Швейковский нарисовали на классной доске карикатуру, изображавшую нелюбимого кадетами преподавателя немецкого языка Ланкенау, за что первый получил двое суток ареста в карцере, а второй – 20 ударов розгами[13]. Вскоре после этого из Петербурга поступил запрос, что именно нарисовали наказанные кадеты. Директор корпуса генерал А. Гельмерсен собственноручно подготовил донесение: рисунок изображал преподавателя «довольно похоже», но «в карикатурно-смешном виде», «с большим носом, с огромной бородавкой на левом ухе (у господина Ланкенау действительно довольно большой нос и небольшая бородавка), с кривыми ногами и в пальто с поднятым до ушей воротником». Взвесив полученные сведения, петербургское начальство признало наказание правильным.

Обилие наказаний, в том числе и телесных, казарменная дисциплина вызывали иногда в среде кадетов организованный протест

против произвола воспитателей, системы воспитания. Протест проявлялся в различных формах: индивидуальных или групповых беспорядков, открытого или скрытого непослушания, грубого обращения с корпусными служителями, особенно нижними чинами, на которых вымещались все обиды и т. д.

Досуг в кадетских корпусах был однообразный. Немногие воспитанники имели в Бресте родственников или знакомых. Поэтому провести отпуск за пределами корпуса удавалось нечасто.

Театра в Бресте не было, гулянья и другие развлечения были очень редким явлением. Старшие воспитанники могли на праздники взять увольнительные к знакомым в город или поехать к помещикам Райнским, которые жили в нескольких верстах от города и, имея чуть ли не дюжину дочерей, через директора приглашали к себе до двадцати годных в женихи воспитанников. Младшие же во время праздничного затишья затевали экспедиции в самые отдаленные уголки крепости.

Кадеты чаще всего проводили время за книжкой. Особо любили читать в старших классах, главным образом, книги по истории. Достать их, правда, было почти негде, но кадеты ухитрялись. Корпусная же библиотека помогала слабо, кроме «Журнала для чтения воспитанников военно-учебных заведений» других книг не выдавали.

А.И. Чернышев

История создания этого журнала примечательна. По предложению великого князя Михаила Павловича генерал Ростовцев разработал проект журнала, который должен был отвлечь воспитанников военных учебных заведений от чтения запрещенной литературы. Впоследствии великий князь изложил свои соображения относительно необходимости

периодического издания для кадетов военному министру графу А.И. Чернышеву. «В военно-учебных заведениях, – писал Михаил Павлович, – совершенно пренебрежена одна из важнейших потребностей воспитания, а именно чтение воспитанниками книг: почему воспитанники во время пребывания в заведениях, вовсе не получая привычки читать, размышлять и соображать суждения о предметах собственным умом своим, ограничиваются усвоением понятий только сухих, не выходящих из предметов классного преподавания, а потому вовсе не приобретают к умственным занятиям любви и, по вступлении из заведения в быт гражданский, оставляя занятия классные и не ощущая потребности в чтении, забывают мало помалу все ими выученное и, по неимению, таким образом, для ума своего пищи, предаются вполне умственной крайности, действующей сильно и на их нравственность, и на пользу, какую могли бы они приносить и службе, и обществу, если бы от самого малолетства были в них вселяемы мерами, им приятными, побуждение и навык к дальнейшему себя образованию. От непривычки к чтению с малолетства проистекают, с одной стороны, и тот еще вред, что некоторые наиболее прилежные воспитанники, не получив в заведении строгого вкуса и благонамеренного в выборе чтения направления, по выходе на свободу, с жадностью бросаются на всякую книгу и не бывают в состоянии отличить полезного и вредного, истинного от ложного, хорошего от дурного и без всякого сомнения, увлекутся всегда, не умея размышлять, или тем, что будет льстить неопытному их воображению, или что прежде попадается им в руки».

Вот, например, что предлагал один из номеров этого журнала 1840-х гг. кадетам: стихи; басня Крылова; «Путевые письма из Англии, Германии и Франции»; «История и нынешнее состояние Черногории»; «Дело под Витебском и действия князя Багратиона от Несвижа до Мстиславля». Под рубрикой «Смесь» печатались заметки «Резиновая лодка» и «Похищение ребенка орлом».

Первоначально на каникулы домой уезжали только те кадеты, которые имели такую возможность. Остальные же оставались в корпусных стенах. Начиная же с 1845 г., когда император пожелал параллельно с научными знаниями развивать у воспитанников воинский дух, все кадеты после годовых экзаменов стали непременно выводиться в лагерь.

Лагерная стоянка Александровского корпуса располагалась от Бреста в десяти верстах, среди дремучих лесов. С одной стороны протекала небольшая, но глубокая река, на противоположном берегу которой находилась магнатская усадьба Ю.У. Немцевича «Скоки», а с другой стороны – имение Буховецкого. Место было красивое, хотя и не вполне приспособленное для проживания[14].

Н. Орда. ***Скоки***

Настоящим событием для учебных заведений, приносившим и радость, и огорчения, становились посещения кадетских корпусов императором. Если в 1842 г. Николай I сожалел о том, что ему не удалось побывать на открытии Александровского Брестского кадетского корпуса, то в мае 1845 г. он со всей тщательностью осмотрел это учебное заведение.

16 мая 1845 г. во время торжественного обеда в Бресте император сообщил директору корпуса о том, что он навестит его с неофициальным визитом. В 7 часов вечера Николай I прибыл со своей свитой. «Все чины корпуса были построены пред крыльцом, – писал А. Гельмерсен в своем отчете от 18 мая 1845 г. Я.И. Ростовцеву. – Государь осмотрел

рекреационный зал и поинтересовался поведением кадетов. Услышав что некоторые плохи, т. е. «требуют побуждения», Николай I сказал, что поведение и учение должны идти наравне, и что так только они могут делаться достойными того, к чему готовятся». Затем император осмотрел 1-ю, 2-ю и неранжированную роты, лазарет, столовую, аптеку и казарму служительской роты. Последняя не произвела на Николая I должного впечатления и он заметил генералу Дену, отвечавшему за строительство: «отделка строения не чиста, работа топорная, дом этот должен быть отделан как Моя квартира»[15].

Франц Иосиф I *(1830–1916) – император Австрии и король Венгрии с 1848 г., из династии Габсбургов. В 1867 г. преобразовал Австрийскую империю в двуединую монархию Австро-Венгрию; один из организаторов Тройственного союза 1882 г.*

17 мая Николай Павлович еще раз посетил корпус, но уже с официальным визитом. Он приехал в то время, когда воспитанникам подавали второе блюдо. Император отведал обед и похвалил его. После обеда состоялся строевой смотр, которым Николай I также остался доволен. Воспитанники заслужили его похвалу, а командир роты А.Е. Матвеев, офицеры князь Химшиев, поручик Сухарев – Высочайшую благодарность.

Событием для Брестского корпуса стало его посещение императором Николаем I по пути в Варшаву в начале сентября 1852 г. Он направлялся на свидание с австрийским императором Францем Иосифом I и прусским королем Вильгельмом IV.

В Варшаве проводились обстоятельные приготовления к приему высоких гостей. Королевский замок и Бельведер заново реставрировали. Из Бреста вышла целая дивизия для предстоящих смотров и маневров. В Варшаве и ее окрестностях было сконцентрировано до 150 тыс. войск.

Фридрих Вильгельм IV *(1795–1861) – прусский король с 1840 г., из династии Гогенцоллернов. С 1815 г. военный губернатор и наместник Померании. С 1817 г. участвовал в заседаниях Государственного совета. С 1857 г. в связи с психическим расстройством отошел от государственных дел, назначив наместником своего брата Вильгельма (будущий Вильгельм I).*

В Бресте императора встретил наместник Царства Польского князь И.Ф. Паскевич. Вместе со свитой государь отправился в корпус. Он осмотрел классные помещения, спальни, а затем обошел крепость.

На следующий день Николай I присутствовал на батальонных учениях воспитанников корпуса и остался ими очень доволен. Вспоминая события тех дней, кадет Еленский писал: «Я несколько раз видел государя Николая Павловича, но никогда не видел его в таком прекрасном расположении духа. После смотра он приказал нам составить ружья в сошки и начал тут же на плацу играть с нами в чехарду, в перегонки, позволял шалить с собою, хватать себя за фалды мундира»[16].

После отъезда императора в Варшаву вновь тихо и спокойно потекла кадетская жизнь. Однако Николай I не забыл о приятных минутах, проведенных в Александровском корпусе. Поэтому ему пришла мысль показать своих будущих офицеров Францу Иосифу. Тот выразил желание провести смотр брестским кадетам 22 сентября.

Потапов Александр Львович *(15.9.1818 – 24.10.1886) – генерал-адъютант, генерал кавалерии (1874). Из воронежских дворян. Участник подавления Венгерской революции 1848–1849 гг. (адъютант И.Ф. Паскевича), Крымской войны. В 1860–1861 гг. обер-полицмейстер в Москве, затем начальник штаба корпуса жандармов и управляющий III отделением Собственной е.и.в. канцелярии. В 1864–1865 гг. помощник виленского, ковенского, гродненского и минского генерал-губернатора по гражданской части. В 1866–1868 гг. наказной атаман Войска Донского. В 1868–1874 гг. – виленский, ковенский, гродненский и минский генерал-губернатор и командующий войсками Виленского военного округа. С 1874 по 1876 г. шеф жандармов и главный начальник III отделения.*

Вечером 17 сентября из царской резиденции в Брест был отправлен адъютант фельдмаршала Паскевича полковник А.Л. Потапов. 19 сентября он доставил директору корпуса предписание: «роте его высочества по 20 рядов во взводе, со знаменем, прибыть в Варшаву к вечеру 21-го числа сентября для встречи императора австрийского почетным караулом»[17].

Директор В.Н. Назимов и начальство «потеряли головы, приходя в отчаяние, как все это устроить в такое короткое время; кадеты же оживились, рассчитывая на удовольствия и развлечения»[18].

В назначенный срок, т. е. вечером 20 сентября, сборная рота из ста человек отправилась в почтовых каретах в Варшаву. 21 сентября в 8 часов вечера рота прибыла в Варшаву, покрыв около 200 верст. Она была размещена в казарме саперного батальона в Уяздове.

Сразу же по прибытии роты в Варшаву Николай I посетил кадетов, которых застал за вечерней молитвой. Император проверил, насколько хорошо они были устроены. Простившись с воспитанниками, Николай I сообщил директору корпуса, что вместо почетного караула

со знаменем, нужно подготовить два внутренних караула для встречи не только австрийского императора, но и прусского короля.

Утром 22 сентября государь вторично пожаловал к кадетам для осмотра выставленных караулов. Вечером коронованных особ встречали внутренние караулы и ординарцы от кадетского корпуса: австрийского императора – в Бельведерском, а прусского короля – в Лазенковском дворцах.

Николай I остался доволен воспитанниками и на следующий день пригласил директора корпуса В.Н. Назимова. Во время обеда император приказал кадетской роте быть готовой после обеда к смотру в присутствии императора и короля на Лазенковском плаце. Рота из Уяздова бегом прибыла на плац и к концу обеда была готова к встрече высоких гостей.

Николай I произвел учение. Он «рассыпал» роту постепенно до тех пор, пока в строю не остались знаменные ряды, а затем с улыбкой обратился к Вильгельму и Францу Иосифу: «кажется, уже больше этого сделать нельзя?». Затем он приказал «ударить» сбор и пройти церемониальным маршем повзводно. Когда высокие гости покинули плац, Николай Павлович поблагодарил кадетов и сказал им: «Помните, дети, что не всякому из вас достанется честь находиться на смотру трех государей!»[19].

После отъезда коронованных особ из Варшавы, государь вручил каждому из кадетов по пакету конфет и по рублю серебром. Кроме того, Николай I попросил князя Паскевича показать им Александровскую крепость и организовать посещение театров. Кадеты пробыли в Варшаве целую неделю. По словам очевидцев, за ними тщательно ухаживали – водили по театрам, дворцам и кормили до отвала.

Безусловно, это путешествие было прихотью всесильного царя, но сколько радости и удовольствия оно доставило кадетам. Начальство же, за эту поездку получило награды от трех коронованных особ. Директор корпуса В.Н. Назимов впоследствии любил щегольнуть тем, что брестские кадеты удостоились быть на смотру трех монархов[20].

Но не всегда так оканчивались инспекторские смотры. Наиболее строго за повседневным состоянием корпусов следил начальник штаба военных учебных заведений генерал Я.И. Ростовцев. Он не делал никаких поблажек и очень часто наказывал кадетов за малейшие неточности в порядке фронтовой службы.

Организация воспитательного процесса в Брестском кадетском корпусе имела свои особенности. Среди воспитанников корпуса преобладали уроженцы Беларуси и Царства Польского.

Воспитанники корпуса постоянно поддерживали связь со своими родственниками, которые зачастую не скрывали оппозиционного настроения и старались передать свои убеждения детям. «В корпусе нас (имеются в виду уроженцы Брестского уезда Юлий, Август и Феликс Ягмины. – Авт.) навещал нередко ксендз Шимкович, – вспоминал Ю. Ягмин. – Как-то раз я спросил его, почему, кроме истории Польши, он не рассказывал нам ничего о других народах, тогда он ответил мне: «Дитя мое, Польша – это твое отечество, и ты раньше всего и лучше всего должен знать события в жизни своего народа, чтобы быть достойным имени поляка». Зарождавшиеся во мне мысли, удовлетворяемые такими положительными ответами, твердо вкоренялись в моем уме…»[21].

В начале 40-х годов в Александровском Брестском кадетском корпусе образовался тайный кружок. Сначала он не имел четко выраженной политической направленности и состоял из воспитанников, желавших познакомиться с произведениями передовых авторов. «Насколько мне помнится, – вспоминал Еленский, – кадеты, особенно высших классов, читали довольно много... Кадеты доставали Лоренца, Беккера, Маркевича, Бантыш-Каменского на русском языке; Лелевеля, Немцевича, Короновича и др. – на польском»[22].

Руководство корпуса не подозревало, что у кадетов может возникнуть желание читать книги вне учебной программы. В то же время в учебном заведении начали появляться запрещенные правительством произведения. «Надзор за чтением был очень слаб, – писал Еленский, – а, по крайней мере, мы его в Бресте не чувствовали. Конечно, это происходило не от того, чтобы начальство наше благосклонно относилось к чтению каких-либо других книг, кроме учебников, а просто, или умели читать тайком, или же начальство не подозревало, что у кого-нибудь из нас могла явиться к чтению охота»[23]. Вообще, отношение к чтению в 1840-х годах в правящих кругах было крайне негативным. Все, начиная с самых высших лиц, смотрели на литературу как на неизбежное зло. Начальник же штаба военных учебных заведений Я.И. Ростовцев отзывался о ней так: «Ох, уж эта мне литература, с ней только одне хлопоты, – хотя бы ея и вовсе не было». Не удивительно, что так о ней думало и корпусное начальство.

Руководство военных учебных заведений стало уделять особое внимание тому, чтобы среди воспитанников не распространялся вредный образ мыслей. С этой целью в кадетских корпусах была установлена слежка, проводился осмотр вещей воспитанников. Вся переписка тщательно проверялась путем перлюстрации, а затем все письма стали вскрывать в присутствии учащихся. Книги, тетради, альбомы, где могли быть записи стихов и т. п., категорически запрещались. Разрешалось читать только «Журнал для воспитанников военно-учебных заведений».

Кадеты очень болезненно воспринимали стремление некоторых преподавателей выставить поляков в негативном свете. Так, по заведенной в корпусе традиции для лучшего изучения русского языка воспитанников младших классов еженедельно организовывались литературные вечера. Проводил их учитель русского языка Тюрин, который читал повести из времен борьбы поляков с казаками: времена Хмельницкого, Наливайко, где поляки представлялись в негативном свете. По воспоминаниям кадетов, такие чтения развивали в них чувство раздражения.

В то же время наиболее просвещенные преподаватели старались привить кадетам любовь к истории, способствовали формированию у воспитанников патриотических чувств. «Когда преподаватель истории рассказывал о древней Элладе и Риме с их героями, самоотвержение и любовь которых к своему отечеству волновали и пленяли мое воображение, – вспоминал кадет Ю. Ягмин, – то я сравнивал их обыкновенно с Жолкевскими, Ходкевичами, Баториями, Собесскими и другими представителями польской истории; благодаря этому, моя ненависть к России, Австрии и Пруссии развивалась все сильнее»[24].

Такая направленность педагогического процесса приводила к тому, что между воспитанниками корпуса на национальной почве возникали различные споры, которые зачастую перерастали в открытые столкновения. Так, в начале 1848 г. кадет Августинович стал распространять в корпусе слухи о том, что в Орле действуют поджигатели польского происхождения, что поляков не следует выпускать в офицеры, так как они могут поступать аналогично. Эти разговоры вызвали в кадетской среде ряд инцидентов. Начальство, само не чуждое полонофобии, вынуждено было принять строгие меры по отношению к Августиновичу. Он был лишен унтер-офицерского звания и потерял балл за поведение[25].

В конце 1840-х – начале 1850-х гг. в Александровском Брестском кадетском корпусе участились случаи столкновений воспитанников друг с другом на национальной почве. «Из этого, – говорилось в донесении одного из ротных командиров, – вышли между некоторыми из них споры, и тогда унтер-офицер Костомаров объявил в классах корпусному священнику, что есть глупые толки между воспитанниками, но он не хочет их передавать капитану до тех пор, пока не узнает что-либо важное»[26].

Пренебрежительно-негативное отношение к национальным чувствам большей части воспитанников корпуса привело к тому, что наиболее отчаянные кадеты стали собираться в группы и тайно обсуждать волновавшие их проблемы. В конце 1840-х годов кадетский кружок в Бресте окончательно оформился. Он состоял из воспитанников-уроженцев западных губерний и Царства Польского. По данным Д. Файнгауза, в 1849–1850 гг. в этот кружок входили кадеты Болтуч, Всеволод Костомаров, Липинский и Станевич. Кружок именовался польским или кружком единоверцев. «Я старался всегда принадлежать в корпусе к кружку единоверцев, – писал Ю. Ягмин, – потому что католическая религия отличала поляка от русского…»[27].

Идейными вдохновителями этого кружка были ксендз А. Козьмян и учитель истории Табаровский. По воспоминаниям кадетов, законоучитель и корпусной капеллан Козьмян был душою польской партии в корпусе и поэтому его всегда «почитали… выражая это тем, что на перебой бросались целовать ему руку…»[28]. Во главе кружка стояли Ярослав Домбровский, позже Богуслав Павлович.

К моменту организационного оформления кружка Я. Домбровский учился в старших классах, поэтому оказывал сильное влияние на своих младших товарищей. «Часто мы собирались вокруг его, – вспоминал Еленский, – чтобы послушать его рассказов. Речь у него лилась свободно и отличалась красотою; он фантазировал, заносился на седьмое небо, мечтал о Кавказе, о бранных подвигах… Часто, рассуждая между собою, мы пророчили ему блестящую будущность»[29].

Этот кружок, по предположению В.А. Дьякова, мог быть составной частью «Братского союза литовской молодежи», который возник в Вильно в 1846 г. под руководством братьев Далевских и объединял учащуюся, ремесленную и мелкочиновничью молодежь западных белорусских губерний и просуществовал до 1849 г. Однако есть и другие предположения. По мнению А.Л. Ильина, этот кадетский кружок

более логично связывать с деятельностью тайной организации, существовавшей в Брестском повете. По его мнению, «мерославчики (последователи Л. Мерославского. – Авт.) наверняка пытались иметь своих сторонников среди будущих офицеров российской армии»[30].

Деятельность кружка заключалась в том, что по вечерам кадеты часто собирались на различные праздники и вели тайные разговоры. При этом некоторые наиболее отчаянные головы рассуждали о том, что солдаты в царской армии не получают достаточно хлеба и пытались подбить на откровения рядовых из служительской роты. Воспитанник Керсновский даже затронул личность императора. Он говорил товарищам о том, что Николая I называют «белым царем», а на портрете лицо у него почему-то темное. Во время вечерних молитв, когда дело доходило до обязательных здравий императору, Керсновский демонстративно умолкал.

Мысли о несовершенстве существующих порядков, о необходимости ликвидации крепостничества, о восстановлении независимости Польши особенно часто занимали воспитанников Брестского кадетского корпуса в 1848 г. Весной этого года до них дошла весть о революционных событиях во Франции, Австрии, Пруссии и других европейских странах. Революция вплотную подошла к границам Российской империи. Царское правительство до предела закрутило все гайки внутри страны и еще раз приняло на себя позорную роль «жандарма Европы». Российская армия была двинута на запад и сыграла решающую роль при удушении Венгерской революции 1848–1849 гг. В Европе были восстановлены прежние порядки.

Все это не могло остаться незамеченным в корпусе хотя бы потому, что еще до начала венгерского похода Брестская крепость была приведена на военное положение, а по шоссе в сторону Варшавы почти ежедневно двигались войска или обозы.

В это время, не зная о существовании тайного кружка, руководство корпуса предприняло определенные меры по пресечению проступков, носивших явно выраженную политическую окраску. Так, в феврале – марте 1848 г. руководство корпуса узнало, что воспитанник Савицкий декламировал при всяком удобном случае и распространял в списках запрещенные польские стихи, заученные им наизусть еще в гимназии, рассказывал об отречении от престола шведского короля. При этом он утверждал, что «это преобразование скоро последует и

в прочих державах». Товарищ Савицкого, воспитанник Конашевский, который принес в корпус известие о короле после возвращения из отпуска из Варшавы, старался рассказать как можно большему числу лиц о том, что в Варшаве на царя «сыплются крики и карикатуры». Кроме этого, Конашевский пытался доказать, что царские офицеры по своему культурному уровню ниже любого французского солдата, обосновывая такой вывод ссылкой на одного знакомого майора, которому даже слово «республика» было неизвестно[31].

Воспитанники корпуса иногда не могли сдержать свои эмоции и старались публично продемонстрировать свои взгляды. Это приводило к печальным последствиям для некоторых из них. Так, наибольший резонанс в Александровском Брестском кадетском корпусе получило «дело» унтер-офицера Якова Костомарова. Очень неприятное для руководства корпуса, это дело велось в глубочайшей тайне. О проступке Костомарова говорилось в дополнении к приказу по Брестскому корпусу от 16 марта 1849 г.: «Воспитанник Гренадерской его императорского высочества наследника цесаревича роты Костомаров подал г.[осподину] инспектору классов сочинение, в котором ясно выразились: дурная его нравственность, самонадеянность, доходящая до дерзости, и самая черная неблагодарность. В сочинении этом он позволил себе дерзкие выражения против начальников и воспитателей, к которым, кроме доверенности, признательности и уважения, он не должен был питать ничего другого. Этого мало: воспитанник Костомаров был столь безумен и дерзок, что осмелился сомневаться в таинствах религии – священных и драгоценных для каждого человека. Мысль изложить эти сомнения, основанные, впрочем, на совершенной глупости воспитанника Костомарова, в сочинении, которое он должен был подать своему начальнику, есть верх дерзости и непростительной самонадеянности. При вопросах, сделанных ему мною и господином инспектором классов, он, оправдывая себя, старался запутать других изворотами очень неблагородными. Он говорил, что в сочинении этом он только выставил общий дух безнравственности всех воспитанников и их неуважительные разговоры о своих начальниках и воспитателях. Тогда, как по следствию, и в чем я был уверен заранее, ничего подобного не оказалось. Наконец, он уверял меня, что сочинения этого не знают его товарищи, и что оно написано им прямо набело, только в одном экземпляре. Но и это вышла неправда: другой экземпляр

находился у воспитанника той же роты Жолкевского. Жолкевский вместо того, чтобы показать дежурному по роте офицеру или своему ротному командиру, передал на сохранение унтер-офицеру неранжированной роты Липинскому 1-му, который, со своей стороны, тоже не сделал того, что от него требовали обязанность хорошего воспитанника и звание унтер-офицера, то есть, не представил этого сочинения своим ближайшим начальникам, а спрятал в резерве – на шкафу, в надежде, что там оно не будет никем отыскано.

Утверждая мнение созванного мною воспитательного комитета для обсуждения предосудительных этих поступков, предписываю: воспитанника Костомарова за дерзость, ложь и клевету посадить под арест впредь до приказания. Жолкевского, как уже замеченного в других предосудительных поступках, наказать телесно перед ротою и отделить от роты; а унтер-офицера Липинского 1-го сместить с унтер-офицерского звания, сбавить три балла за поведение, и как по летам он не может оставаться в неранжированной роте, то перевести его в 1-ю мушкетерскую роту»[32].

Были приняты все меры для того, чтобы в интересах петербургского и местного начальства поскорее замять эту историю. По словам директора корпуса генерала Гельмерсена, именно вследствие этого расследование не приобрело «никакого политического вида, дабы сим не родить в воспитанниках идеи, что их увлечения могут быть опасными». Между тем поступки названных воспитанников явно имели политическую подоплеку. Это подтверждается как дальнейшей судьбой провинившихся (некоторые из них стали впоследствии активными участниками национально-освободительного движения), так и свидетельствами современников. В них указывалось, что Костомаров, Липинский, Станевич и некоторые другие воспитанники являлись участниками конспиративного кружка, возглавляемого преподавателем истории Табаровским.

Однако в этом деле, как точно подметил А.Л. Ильин, есть одна загадка: среди членов кружка в кадетском корпусе Дьяков называет юнкера Якова Костомарова, а Файнгауз – Всеволода Костомарова. Отметим, что отставной корнет, поэт-переводчик Всеволод Костомаров (1837–1865) был известен как провокатор, выдавший охранке Николая Чернышевского и его соратников. Может быть, Дьякова заботила честь Брестского кадетского корпуса? Здесь нужно дополнительное

исследование. Хотя, в корпусе могли учиться и Всеволод, и Яков Костомаровы, которые, возможно, были дальними родственниками историка Николая Костомарова. Известно, что кадеты тайно читали не только польских историков, но и украинских – Д. Бантыш-Каменского и Н. Маркевича. Возможно, что Костомаровы были как-то связаны с тайным киевским Кирилло-Мефодьевским обществом, членом которого являлся знаменитый историк.

Наличие в корпусе неблагонадежных воспитанников беспокоило директора, поэтому он постарался избавиться от таких кадетов. Так, Костомаров и Жолкевский были выписаны в юнкера и отправлены для продолжения службы в резервную бригаду. Другой провинившийся, Болтунец, вместе с братом были отправлены в Минск родителям с формулировкой «из-за неуспеваемости», хотя отметки у братьев были неплохие. Ян Станевич и его брат Иероним вместе с Издебским были переведены в Дворянский полк, откуда Яна Станевича за «дурное поведение» отправили в Оренбургские линейные батальоны[33].

Раздел 5

УЧЕБНЫЙ ПРОЦЕСС

В начале 30-х годов XIX в. в кадетских корпусах произошли значительные изменения в организации учебного процесса. Это было связано с тем, что прежняя система подготовки офицерских кадров, основанная на собственных представлениях руководителей учебных заведений, не могла больше удовлетворять Николая I. Император требовал от руководства военного учебного ведомства унифицировать учебный процесс в кадетских корпусах, усилить военную подготовку кадетов и воспитание будущих офицеров в духе преданности самодержавию.

Однако работа по составлению единых условий обучения и воспитания растянулась почти на десять лет. Основные задачи воспитания учащихся в кадетских корпусах были изложены в принятом в 1830 г. «Уставе для военно-учебных заведений 2-го класса». Общий же для всех кадетских корпусов план обучения был принят только в 1836 г. Составление единых программ растянулось до начала 1840-х годов.

В принятом «Уставе для военно-учебных заведений 2-го класса» был определен перечень предметов, которые подлежали изучению в кадетских корпусах. К ним относились Закон Божий, русский, немецкий и французский языки, чистописание, рисование, черчение, геометрия, история, арифметика, алгебра с применением ее к геометрии, простая геометрия, прямолинейная тригонометрия, правила строевой, гарнизонной и лагерной службы с изложением главных правил тактики и войны, полевая фортификация, начальные понятия об артиллерии, военное судопроизводство и письмоводство. Помимо строевой подготовки, кадетов учили верховой езде, плаванию, фехтованию[1].

Воспитанников, которых предполагалось готовить в артиллерию и саперы, обучали коническим сечениям, начальным основам механики и гидравлики, начальным основам физики и химии, общим правилам долговременной фортификации, атаки и обороны крепостей, минному искусству. Кадетов учили различным играм, повышающим внимание и наблюдательность.

В 1836 г. был принят единый учебный план. В соответствии с ним вся программа обучения в кадетских корпусах разделялась на три части: двухлетний подготовительный курс, четырехлетний общий курс и двухлетний высший специальный курс (таблица 3). Первые два курса были во всех губернских кадетских корпусах. Это было связано с тем, что в губернские корпуса дети поступали без предварительной подготовки, зачастую имея слабые знания. По окончании таких кадетских корпусов воспитанники переводились на два года в Дворянский полк, где получали окончательное образование.

Начиная с 1842 г., выпускники губернских кадетских корпусов стали подвергаться поверочному испытанию в Дворянском полку. Первое такое сравнительное испытание было проведено в июне 1842 г. по программе, состоящей из четырех разделов (языки, физико-математические, политические и военные предметы). В 1843 г. общий публичный экзамен стал проводиться для воспитанников других классов губернских корпусов. Поверочные экзамены в Дворянском полку показали, что уровень подготовки во многих кадетских корпусах был невысоким.

Для оценки знаний воспитанников кадетских корпусов с 1834 г. применялась 12-балльная система. С 1835 г. имена отличников заносились на красные доски, а неуспевающих – на черные. При посещении классов руководством корпуса и проверяющими отличники выстраивались у красных, а неуспевающие у черных досок. С 1841 г. такие доски вывешивались и в ротах.

Открытие Александровского Брестского кадетского корпуса совпало с периодом, когда учебный процесс был в большей степени систематизирован. Существовал общий план и учебные программы по многим предметам. Руководство военных учебных заведений считало, что с принятием общего плана подготовки и учебных программ работа штаба выполнена. Реализацию директив на местах предполагалось возложить на педагогический персонал учебных заведений. На практике же оказалось, что учебные программы из-за своего разнообразия и обширности были не по силам воспитанникам.

В качестве учебных пособий в кадетских корпусах использовали сочинения столичных преподавателей, утвержденные «Советом о военно-учебных заведениях» и штабом главного начальника. Однако и они, по мнению кадетов, были до того «не разработаны,

бессистемны, а главное, сухи, что учиться по ним было невыразимо тяжело и скучно». Например, в литографированном учебнике географии все главные города Европы обозначались так: Париж – великолепный, Лондон – обширный, Вена – промышленный, Рим – вечный, Москва – древний, Петербург – регулярный. При этом среди учебных пособий иногда попадались и такие, которые приходилось немедленно изымать. Об этом свидетельствует, в частности, разосланная в 1850 г. секретная директива относительно «Исторических чтений из книг Ветхого Завета», использовавшихся до этого в качестве учебного пособия. «Замечено, – говорилось в директиве, – что текст пособия содержит подробности о жизни Иосифа Прекрасного, несовместимые с детским возрастом». Поэтому корпусному начальству было строго предписано «отобрать все экземпляры этого издания»[2].

Но больше всего учебный процесс страдал от отсутствия подготовленных педагогов. Эта проблема остро ощущалась в Бресте, удаленном от научных и культурных центров. В Александровском корпусе обучение часто возлагалось на неподготовленных в педагогическом плане офицеров.

Большинство преподавателей кадетских корпусов обучали воспитанников так, как могли, ограничиваясь раз и навсегда выработанными в личной практике приемами. Педагогическая литература в первой половине XIX в. в России была бедна, поэтому преподавателю приходилось больше всего обращаться к собственному опыту или к опыту коллег. Так, учитель истории Александровского Брестского кадетского корпуса Единевский в дополнение к «Краткой истории для военно-учебных заведений» Шульгина широко использовал наглядную систему Ждановича и Язвинского. Суть ее заключалась в том, что каждый кадет имел разграфленную на клеточки (20 столетий по 100 лет) доску. При ответах воспитанник заносил на доску каждое историческое событие именно в ту клеточку столетия, в котором оно произошло. Благодаря этому приему успеваемость кадетов значительно возросла. Но такие преподаватели встречались не часто.

Особые затруднения брестские кадеты испытывали с русским языком, который они начинали изучать в этом учебном заведении. Хороших учебников по русскому языку не было, поэтому все старания лучших учителей давали немногое. Об этом свидетельствовали результаты майских (1845 г.) экзаменов в первом классе

подготовительного курса. Вот что писал генерал Гельмерсен: «По экзамену воспитанников из русского языка... оказалось в чтении и письме успех замечен особенно у тех воспитанников, которые получили от 6 до 11 баллов. Таких всего 16, прочие успели очень мало, а воспитанники Захаров 2-й, Задарновский 2-й и Кржижановский 2-й, известные своею леностью в течение всего курса, как будто совсем ничему не учились. Вообще весь класс оказался слабым в употреблении разговорного языка и в умственном соображении»[3].

Но русский язык был не только учебным предметом. Он считался разговорным в Александровском Брестском корпусе. При этом руководство корпуса довольно строго, «не без оскорбительного злорадства», следило за тем, чтобы кадеты говорили между собою по-русски. Дело в том, что большинство поступающих в корпус из Царства Польского, белорусских и литовских губерний не владело русской разговорной речью. «Можно поэтому себе представить, – писал О. Еленский, – сколько стоило нам труда, пока мы выучивались говорить по-русски»[4].

Отсутствие достаточных познаний в русском языке создавало воспитанникам дополнительные трудности в изучении многих предметов. На это обращало внимание руководство корпуса. По мнению директора Гельмерсена, кадеты, которые плохо знают русский язык, отстают от своих товарищей[5]. Большую помощь воспитанникам корпуса в изучении русского языка оказывали учителя Лекторский, И.Е. Тюрин, Н.А. Лехович, Н.П. Некрасов. Благодаря их усилиям, знания кадетов возрастали от класса к классу. Как отмечалось в приказе директора корпуса (май 1845 г.), уже на экзамене по истории во 2-м классе общего курса в ответах воспитанников были «замечены весьма хорошие успехи в русском языке»[6].

В то время, когда овладение воспитанниками корпуса русской разговорной речью шло более или менее успешно, общий уровень подготовки значительно отставал. Руководством корпуса такое положение зачастую объяснялось леностью и нерадением кадетов. «В течение последних 4-х месяцев, – писал 10 мая 1845 г. в докладной записке на имя директора Брестского кадетского корпуса инспектор классов В.Б. Чистяков, – а особенно в марте и апреле замечено необыкновенное охлаждение воспитанников к наукам, которое, наконец, обратилось в столь упорную и всеобщую леность, что некоторые

преподаватели, занимаясь уже повторением пройденного, должны были по 10-ти раз и более назначать один и тот же урок, не достигая и этим средством удовлетворительных успехов»[7].

Но не следует забывать о том, что зачастую сами кадеты прилагали максимум усилий, чтобы сорвать тот или иной урок. В связи с этим небезынтересно признание одного воспитанника кадетских корпусов: «Вся мудрость кадета в классах сосредоточивалась на том, чтобы познать слабую сторону учителей. Тут товарищество и круговая порука работали вовсю; каждый старался оттянуть от учителя время для того, чтобы он меньше прошел, или чтобы меньшее число кадет спросил. Чихнет учитель, – тотчас начинает весь класс шаркать ногами и самым вежливым образом желать учителю здоровья. Когда же учитель отвернется или подойдет к классной доске, то внезапно лопается стекло на лампе, начинается копоть, одни лезут тушить лампу, другие бегут за ламповщиком и, разумеется, долго его не находят. Если же кто скоро найдет ламповщика, то такого класс присуждает к наказанию "шестованием". Оно состояло в том, что виновного клали на длинный стол вниз лицом; на спину и на ноги его садились 2–3 кадета, затем взад и вперед по столу возили виновного»[8].

Стекла на прежних масляных лампах лопались часто без всякой причины, но в то же время этому помогали и кадеты. Для этого из гусиных перьев делались маленькие спринцовки, из которых брызгали на раскаленное стекло горящей лампы, стекло лопалось, и этим средством легко было оттянуть минут десять от опросов на уроке.

Существовали определенные традиции ответа на уроке. Прежде всего кадет должен был встать, не торопясь, медленно обтянуть курточку, еще медленнее застегнуть стоячий воротник, несколько раз откашляться, вынуть платок, обтереться, а затем уже отвечать урок. Подсказывание разными способами было в большом ходу[9].

Очень часто кадеты прибегали и к помощи корпусного медперсонала, чтобы «отлынивать» от учебы. Поэтому медперсонал играл большую роль в кадетской жизни. «Бывало, – вспоминал один из кадетов, – скорчишь жалкую рожу перед дежурным офицером и просишь отправить в лазарет. Дежурные офицеры в этих случаях обыкновенно с дежурным дядькой отправляли в лазарет и разве только отказывали тем, которых уж знали, как профессиональных притворщиков»[10]. Среди кадетов, умеющих ловко притворяться, выделялся Люгайло,

который был «на все руки мастер». «Если такого “притворщика”, – вспоминал Еленский, – принимал в больницу наш старший врач Лезедов и притом догадывался, что болезни нет никакой, то он обыкновенно обращался к старшему фельдшеру Мальчевскому и спокойным голосом отдавал ему одно и то же приказание: “Габер суп ему давать и в кровати полагать”. Продержав такого больного дней пять или семь на пище Св. Антония и ежедневно осматривая его с полным вниманием, Лезедов также спокойно обращался к мнимобольному с такою речью: “Встаньте, ви теперь ganz здоровы, можете отправляться учиться”»[11].

Оценивая невысокую эффективность учебного процесса, преподаватели причину видели в том, что еще дома многие учащиеся привыкли к лени и там приобрели отвращение к науке. Такое объяснение не всегда соответствовало действительности. Конечно, в корпус попадали слабо подготовленные воспитанники. Однако присутствовало другое – невысокий методический уровень подготовки учителей, их неумение увлечь учеников, заставить с уважением относиться к научным занятиям. Это приводило к тому, что целые классы попадали в разряд неуспевающих. «Жалобы преподавателей относятся уже не к отдельным воспитанникам, а к целым классам, – писал Чистяков. – Равнодушие к незнанию простерлось до того, что получить 0 баллов сделалось вещью обыкновенною»[12].

Выход из сложившейся ситуации многие преподаватели видели в том, чтобы с помощью наказаний заставить кадетов учиться. Широко применявшиеся в то время телесные наказания не давали положительных результатов, а вызывали обратную реакцию.

В 1847 г. учебные программы было решено подвергнуть пересмотру. Речь шла о выработке единого руководства по организации учебного процесса. Об этом откровенно писал Ростовцев великому князю Михаилу Павловичу: «Составление однообразных руководств по всем без исключения предметам весьма важно не только в умственном, но и в политическом отношении; ибо без таковых руководств, во-первых, военно-учебные заведения никогда не достигнут единства в образовании своих воспитанников, а во-вторых, что еще гораздо важнее, высшее начальство никогда не будет определенно знать, в каком направлении воспитывает оно своих учеников, что при неблагонамеренности, хотя и малого числа лиц, может поспешно привести

Россию на край пропасти, ибо, пользуясь правом избирать для себя руководства (как это делается ныне в Министерстве народного просвещения и до сих пор делалось у нас), преподаватель может читать воспитанникам, что захочет. Когда же все наши руководства поспеют, тогда направление, средства и цель умственного образования будут, как лошади в вожжах, в руке главного начальника, захочет поворотит вправо, влево, остановит, прибавит рыси и т. д.; учитель же, отступавший произвольно от руководства, подвергается суду, как государственный преступник»[13].

Под общим руководством начальника штаба военных учебных заведений генерала Я И. Ростовцева по каждому предмету создавались комиссии. В состав этих комиссий вошли многие известные педагоги и ученые. Среди них известный российский математик профессор В.Я. Буняковский, атор учебника «Арифметика», впоследствии вице-президент Петербургской академии наук; академик Петербургской академии наук, математик и механик М.В. Остроградский; писатель, этнограф, лексикограф, автор «Толкового словаря живого великорусского языка В.И. Даль; поэт, критик, академик П.А. Плентев; российский историк, академик Н.Г. Устрялов и другие. Для руководства данными комиссиями, по указанию главного начальника военных учебных заведений великого князя Михаила Павловича, генералом Ростовцевым было составлено «Наставление для образования воспитанников военно-учебных заведений». 24 декабря 1848 г. Наставление было утверждено Николаем I, который наложил на документе следующую резолюцию: «Желать должно, чтобы все было хорошо выполнено и всеми понято не из послушания одного, а с убеждением»[14].

Наставление 1848 г. заключало в себе подробные указания как относительно общей цели воспитания и обучения в кадетских корпусах, так и относительно объема и методики преподавания в них каждого отдельного предмета. Основной целью учебного процесса определялось «приготовление воспитанников к военному поприщу. Они должны иметь и сведения общие, необходимые для образованного человека, для члена семейства и для члена гражданского общества». При разработке нового учебного плана главная задача состояла в том, чтобы каждому предмету было отведено достойное место, но без ущерба для других наук. Изложение учебных предметов, по мнению составителей документа, должно быть простым, доступным и освобожденным от составляющих частей.

Изложению частных целей, содержанию и объему преподавания каждого предмета была посвящена вторая часть Наставления. Так, в документе указывалось, что изучение Закона Божия не должно быть наукою: «пусть воспитанники воспринимают его не столько умом, сколько сердцем. Простое изложение религиозного учения должно быть основано на собственных словах и действиях Божественного нашего учителя, на изречениях и подвигах пророков, апостолов и великих отцов нашей церкви».

В Наставлении было указано еженедельное распределение лекций по всем классам и предметам. При этом продолжительность каждой лекции была определена в полтора часа, а общее количество учебных недель ограничено 30.

Новый учебный план имел существенные изменения по сравнению с планом 1836 г. Так, в самостоятельные предметы были выделены физика, химия, механика, география. Кроме того, было увеличено время на законоведение и военные науки за счет сокращения преподавания языков (таблица 4).

«Наставление для образования воспитанников военно-учебных заведений» было встречено современниками как стремление самодержавия подавить в обществе всякие намеки на развитие свободной мысли и направить интеллектуальную жизнь России по пути, угодному воле императора. Оно просуществовало до 1863 г.

Недостатки в учебной работе кадетских корпусов были хорошо известны руководству военных учебных заведений, принимавшему некоторые меры по их исправлению. Для развития интереса к изучению предметов было предложено сажать лучших учеников со слабыми. В классах на особом столе учитель имел список учащихся с отметками их успеваемости, программу своего предмета и два ящика с вопросами – в одном по пройденному материалу, в другом – по еще не начатому, «дабы по списку и по первым билетам посетитель мог вызвать воспитанников, а по билетам обоих ящиков или по программам судить о способе преподавания»[15].

В целях усиления контроля за преподаванием в каждом кадетском корпусе было предложено избрать наставников-наблюдателей, которые должны сличать программы у учителей, ведущих однородные предметы, наблюдать за ходом преподавания, применяемыми учителями методами, проверять успехи воспитанников, присутствовать на экзаменах.

Для улучшения подготовки воспитанников кадетских корпусов по иностранным языкам было рекомендовано не ограничиваться только подготовкой уроков в классах, а проводить дополнительные упражнения по переводу с русского языка на иностранный и обратно. В Брестском корпусе для этих целей, по приказу директора воспитанникам раздавали словари. Наиболее способным кадетам по окончании курса словари предоставлялись в дар.

Однако все эти мероприятия не решали главных проблем. Основное внимание в кадетских корпусах по-прежнему обращалось на военно-физическое и религиозно-нравственное воспитание кадетов в ущерб общеобразовательной подготовке.

Инспектор классов и учитель наук
в военно-учебном заведении, 1836–1840 гг.

Подбор преподавателей и постановка учебного процесса в кадетских корпусах находились в руках инспектора классов. На должность инспектора классов, как правило, избирался человек твердых правил, имеющий высшее образование и достаточный воспитательный опыт. Это мог быть как служащий военного учебного заведения, так и гражданский человек. Утверждение инспектора классов производилось императором. Примерно такие же требования предъявлялись и к кандидатуре помощника инспектора классов. На эту должность обычно назначались чиновники, имевшие высшее образование и опыт педагогической деятельности. Инспектор постоянно следил за ходом обучения, посещал уроки преподавателей, строго наказывал нерадивых учеников. Особое внимание уделялось переводным экзаменам. Они проводились достаточно серьезно и без поблажек.

В первое десятилетие существования Александровского Брестского корпуса, когда его возглавлял генерал Гельмерсен, непререкаемым авторитетом в вопросах обучения и воспитания был инспектор

классов В.Б. Чистяков (1842–1863). Вот что о нем писал О. Еленский: «Василий Борисович Чистяков... производил на нас самое лучшее впечатление. Он иногда ворчал, даже распекал, но все мы знали, что это только воркотня, и, что, в конце концов, она ничем дурным для нас не кончится. В то самое время, когда в других кадетских корпусах, как это видно из печатных воспоминаний, инспекторы классов были самыми рьяными пропагандаторами исправительной системы, посредством порки, Василий Борисович был злейший враг розог и в воспитателях наших является чрезвычайно мягким, добрым и глубоко симпатичным человеком. Будучи инспектором классов с основания корпуса до его закрытия, прослужив с пятью директорами, он, конечно, пережил немало гроз и невзгод, но, несмотря на это, до самого конца безупречно прошел долгий и тернистый путь инспектора, глубоко всеми уважаемый за свои благородные побуждения и стремления, которыми он, в отношении к нам, руководствовался. Это был лучший педагог того времени»[16].

Вообще, отношение к педагогам в то время было под стать современному: от них требовали чуда, но за это практически не платили. Прохождение службы по учебной части в военных учебных заведениях до середины 30-х гг. XIX в. не было регламентировано. В кадетские корпуса принимались преподаватели без всякого испытания и увольнялись по воле директора или инспектора классов. Это приводило к тому, что из-за неопределенности статуса подыскать хороших преподавателей было очень сложно. Неопределенными были как условия прохождения службы, так и материальное содержание. Учителя кадетских корпусов не имели прав государственных чиновников на пенсию и выслугу лет, а получаемое жалованье колебалось от 222 до 375 руб. в год в зависимости от преподаваемого предмета и класса.

На бедственное положение преподавательского состава кадетских корпусов впервые обратил внимание главный директор П.П. Коновницын еще в 20-е годы XIX в. В своей записке, поданной на имя главного начальника, он писал: «...[необходимо] улучшить содержание воспитателей и учителей до такой степени, чтобы не правительство искало достойных наставников и учителей для воспитания благородного юношества, но чтобы эти последние почитали себя счастливыми, удостоясь способствовать образованию оного»[17].

Коновницын Петр Петрович *(28.9.1764 – 28.8.1822), военный деятель, генерал от инфантерии, граф. В 1792–1794 гг. участвовал в военных действиях на территории Речи Посполитой. Во время войны 1812 г. командовал дивизией и пехотным корпусом. Отличился в Бородинском сражении. Был дважды ранен. С 1813 г. командовал Гренадерским корпусом. Во время заграничных походов 1813–1814 гг. отличился в сражениях при Лютцене, Лейпциге, при взятии Парижа. В 1815 г. участвовал во втором походе во Францию. С 1815 по 1819 г. военный министр. С 25.11.1819 г. главный директор Пажеского, 1-го, 2-го и Смоленского кадетских корпусов, Императорского Военно-сиротского дома, Дворянского полка и кавалерийского эскадрона, и Царскосельского лицея и пансиона (с 1822 г.). Одновременно с 1819 г. член Государственного совета.*

В 1836 г. было утверждено «Положение о службе по учебной части при военно-учебных заведениях сухопутного ведомства», которое состояло из четырех частей. Первая из них определяла порядок зачисления, увольнения и переходов в военные учебные заведения, вторая – порядок производства в чины и классы должностей, третья – права и преимущества служащих по учебной части и четвертая – пенсионное обеспечение и порядок выплаты единовременных пособий. Принятие данного Положения значительно повысило авторитет учителей кадетских корпусов.

Согласно Положению к чинам учебной части, определенным на государственную службу относились: инспектор классов, его помощники, преподаватели, репетиторы, библиотекари, смотрители кабинетов и музеев, а также помощники учителей фехтования, гимнастики, танцев, верховой езды и плавания.

В Брестском кадетском корпусе, как впрочем и в других губернских корпусах, большинство преподавателей было 3-го рода (разряда). К этому разряду относились преподаватели, учебная действительная служба которых проходила непосредственно в ведомстве военных

учебных заведений. При этом учителя третьего разряда могли преподавать не только в нескольких военных учебных заведениях, но и в других ведомствах. Однако на действительной службе они считались там, где велись их послужные списки. Утверждение учителей 3-го разряда производилось главным начальником военных учебных заведений.

Профессор и учитель
военного учебного заведения, 1836–1840 гг.

В качестве преподавателей в кадетские корпуса без испытаний допускались профессора и адъюнкты высших учебных заведений, лица, имеющие высшее образование, а также выдержавшие при одном из российских университетов экзамены на право преподавания; штатные преподаватели Министерства народного просвещения. При этом лица, окончившие университет и Главный педагогический институт и сразу поступившие на службу в военные учебные заведения, получали по 500 руб. единовременного пособия. Для преподавания военных предметов в военных учебных заведениях без испытания допускались лица, прослужившие не менее трех лет и окончившие специальные учебные заведения (Военную академию, Артиллерийское училище, Главное инженерное училище, Институт корпуса путей сообщения) или выдержавшие экзамен на право преподавания при Военной академии или Военно-ученом комитете.

Однако таких ученых преподавателей в Бресте было не сыскать. Все прочие кандидаты подвергались испытанию, состоявшему из конкурса и сочинения по избранному для преподавания предмету. В рамках конкурса каждый кандидат читал пробную лекцию в присутствии инспектора классов, преподавателей избранного предмета и профессора какого-либо высшего учебного заведения. Вакантное

место занимал соискатель, получивший первенство в конкурсе. Сочинения кандидатов на должность преподавателей губернских кадетских корпусов представлялись главному начальнику и рассматривались профессурой Царскосельского лицея или других столичных военно-учебных заведений. Если в губернском городе был университет, то сочинения кандидатов рассматривались на соответствующих факультетах этого вуза. Одобрительный письменный отзыв проверяющих давал право на зачисление в учителя губернских кадетских корпусов.

Учителя рисования, архитектуры, черчения, чистописания определялись в военные учебные заведения по одобрительным свидетельствам Академии художеств; учителя фехтования, гимнастики, танцев, верховой езды и плавания избирались или назначались главным начальником.

В военные учебные заведения могли поступать как классные чиновники, так и не имеющие чинов, и даже иностранцы, но при соблюдении общего порядка. При этом каждый из зачисленных в преподаватели первоначально считался на испытании по службе и утверждался в должности только после успешной сдачи его учениками первого годового экзамена.

На должность репетиторов избирались преимущественно военные или гражданские чиновники. При переводе их в учителя соблюдались установленные правила. Библиотекари, смотрители музеев подбирались из числа лиц, находящихся на гражданской или учебной службе, а иногда эти обязанности возлагались на любого чиновника военного учебного заведения, обладающего необходимыми знаниями. Помощники учителей фехтования и гимнастики готовились из военных кантонистов (детей солдат).

Для зачисления на работу кандидаты обращались непосредственно в кадетские корпуса. Они предоставляли заявление и другие документы, подтверждающие звания и право на зачисление на службу. Лица «евангелического» вероисповедания представляли сверх того и пасторское свидетельство о своем конфирмовании. Военные и гражданские чиновники, а также учителя других ведомств представляли только разрешение на занятие должности учителя от своего начальника. При зачислении на службу каждый учитель подписывал обязательство в том, что он не принадлежит ни к каким тайным обществам и впредь к ним принадлежать не будет.

Все учебные должности в военных учебных заведениях были разделены на шесть разрядов, каждому из которых присваивались особые классы (таблица 5). Утверждение в чинах до титулярного советника включительно производилось после четырехлетней выслуги главным начальником. Утверждение в чинах 8-го класса и выше, а также производство в чины по представлению руководства военных учебных заведений зависело от Сената, а за особые отличия – от императора.

Каждый чиновник, занимавший учебную должность, пользовался определенными правами и преимуществами, предоставленными соответствующему классу. Так, инспекторы классов и наставники-наблюдатели за выслугу 25 лет могли получить звание «заслуженного». Кроме того, сыновья чиновников учебной части и преподавателей дворянского происхождения в награду за «отлично-полезную» службу своих отцов могли поступать на воспитание в кадетские корпуса без соблюдения общей кандидатской очереди, но по особому представлению главного начальника. Этим правом пользовались лица, прослужившие в заведении или обязавшиеся прослужить не менее 6 лет. Для инспекторов классов и наставников-наблюдателей этот срок был сокращен до двух лет. В губернских кадетских корпусах право на определение сыновей без соблюдения общей кандидатской очереди предоставлялось всем без исключения чиновникам и учителям, имевшим дворянское происхождение. Единственным условием являлось обязательство прослужить в корпусе четыре года. Право на обучение офицерских детей в кадетских корпусах привело к появлению целых династий военных, вышедших из военных учебных заведений.

Все классные чины учебной части военных учебных заведений носили специально установленные мундиры гражданского покроя. При выслуге более 10 лет они получали право ношения мундира и после отставки (таблица 7).

Жалованье преподавателям военных учебных заведений назначалось из общей суммы, предусмотренной штатным расписанием. При назначении жалованья учитывались способности и заслуги каждого преподавателя и занимаемая должность (таблица 6).

Преподаватели Брестского корпуса были разными по уровню своей подготовки. Ботанику и зоологию в корпусе преподавал доктор медицины Данилов. «Он умел привлекать к себе кадет и возбуждать

их любовь к естествознанию, – вспоминал Еленский. – Благодаря ему, мы так полюбили садоводство, что в кадетском саду, на берегу Муховца, почти каждый из нас имел свой цветник, где мы разводили даже редкие экземпляры цветов»[19].

Топографию и черчение «ситуационных планов» в корпусе преподавал поручик Ф.Е. Тунцельман фон Адлерфлуг; математику – штабс-капитан барон Л.А. Шлиппенбах, штабс-капитан О.О. Глазенап, ставший позже инспектором классов, подпоручик К.М. Ходкевич, географию и арифметику – штабс-капитан Н.И. Рамзин[20].

Учителем истории был Антон Иванович Лакс. Это был небольшого роста, белокурый молодой офицер. По словам современников, А.И. Лакс был неординарной личностью. Это был человек, богато наделенный от природы «высокими качествами ума и сердца, к коим он присоединил величайший такт во всех своих делах». В 1862 г. Лакс в чине капитана был помощником инспектора классов Александровского кадетского корпуса, издавал журнал «Московское обозрение». Однако вскоре его журнал был закрыт, а сам Лакс уволен по неблагонадежности. «Не имея засим никакого состояния, ни протекции, – писал о нем товарищ, – обогащенный лишь порядочной семьей, он решил поступить именно в жандармское ведомство, по распоряжению которого с ним и случилась вся беда, рассчитывая, что на этом поприще, его дамокловом мече, он сумеет также усердно и честно служить, как и на всяком другом»[21].

Вот как описывается визит Лакса в жандармское управление в воспоминаниях А. Таборовского: «Является капитан Лакс к князю Василию Андреевичу Долгорукову, в то время шефу жандармов, и заявляет о своем желании. Князь сказал ему, что за отсутствием рекомендательных писем, о нем будут собраны подробнейшие сведения. После этого вопрос о приеме на службу и будет решен.

– Но ваше сиятельство должны знать меня, – возразил капитан Лакс.

– Как так? – удивился князь Долгоруков.

– Я имею честь находиться под надзором 3-го отделения: я принужден был закрыть свой журнал по обвинению меня в распространении неблагонамеренных, вредных идей, короче говоря, я, ваше сиятельство, по мнению 3-го отделения, – вредный человек, хотя таким себя я не считаю.

Долгоруков Василий Андреевич *(24.2.1804 – 6.1.1868) – государственный и военный деятель, генерал-адъютант (1845), генерал от кавалерии (1856), князь. Во время восстания декабристов находился при Николае I. Участник подавления восстания 1830–1831 гг. в Польше, Литве и Беларуси. В 1838–1839 гг. сопровождал цесаревича Александра Николаевича в заграничных путешествиях, с 1841 г. управлял его двором. С 1841 г. начальник штаба инспектора резервной кавалерии. С 1848 г.товарищ министра, а с 1852 г. военный министр. Член Военного (1849) и Государственного (1853) советов. В 1856–1866 гг. шеф жандармов и главный начальник III отделения Собственной е.и.в. канцелярии. С 1866 г. обер-камергер Двора.*

Долгоруков смотрел на смелого офицера “во все глаза” и не верил своим ушам.

– И вы… приходите проситься в наше ведомство? – рассмеялся князь.

– Именно, ваше сиятельство, так как по опыту уж знаю, как иногда несправедливо пишется история. При этом капитан Лакс подробно рассказал князю свою эпопею.

На следующий же день после этого разговора А.И. Лакс был зачислен в корпус жандармов…». На службе в жандармском ведомстве Лакс провел оставшуюся жизнь: был жандармским офицером в Тобольске при ссыльных поляках, служил в Ревеле и Риге начальником жандармского управления, дослужился до генеральского чина. Впоследствии был губернатором в Томске[22].

Немецкий язык в Брестском корпусе преподавали штабс-ротмистр Г.-Э.Г. Кольб и Ланкенау. Французский язык преподавали Морель и Жербе. «Жербе, – вспоминал Еленский, – всеми силами старался преподавание французского языка сделать для нас интересным, но это ему никак не удавалось»[23].

Наибольшее влияние на кадетов в корпусе оказывали учителя законоведения. «Но кто особенно из преподавателей оставил глубокие следы в нашей памяти, – вспоминал Еленский, – это два наших законоучителя: отец Горизонтов и ксендз Адам Иванович Козьмян. … Я несколько раз бывал на уроках Закона Божия о. Горизонтова. Стоя посередине класса, одушевленный сосредоточенным вниманием кадет, о. Горизонтов говорил увлекательно и притом близко и понятно детскому уму и сердцу. После его уроков все были как-то благочестиво настроены»[24].

В торжественные дни всех кадет-католиков после молитвы в католической каплице обычно отправляли на молебен в православную корпусную церковь. «О. Горизонтов служил как-то особенно хорошо, – записал Еленский. – Глядя на него, невольно как-то и нам хотелось молиться. И молимся, бывало, и горячо молимся!»[25].

Несмотря на существовавшие проблемы, в Брестском корпусе было много воспитанников, которые отличались хорошими знаниями и любознательностью. Например, участник восстания 1863–1864 гг. Т. Ф. Владычанский и А.П. Шанявский впоследствии окончили с отличием Дворянский полк и их имена были занесены на мраморную доску учебного заведения. Многие воспитанники Александровского Брестского корпуса с отличием окончили Военную (впоследствии Генерального штаба), Инженерную и Артиллерийскую академии.

Раздел 6

«КОСМЕТИЧЕСКИЙ РЕМОНТ»

Император Александр II *(1855–1881)*

Крымская война 1853–1856 гг. вскрыла многие недостатки российской армии, в том числе и в системе подготовки офицерских кадров. Поэтому уже в первые годы своего царствования Александр II, будучи главным начальником военных учебных заведений, пошел на проведение некоторых реформ в своем ведомстве. В 1855 г. штаб главного начальника военных учебных заведений был реорганизован в Главный штаб его императорского величества по военным учебным заведениям. Во главе штаба по-прежнему остался генерал Я.И. Ростовцев, но он получил права и обязанности главного начальника. Начальник Главного штаба имел право личного доклада у императора. Это свидетельствовало о высоком статусе руководителя из военных. Такое право имел только военный министр. Ростовцев стал членом Совета о военных учебных заведениях, Императорской Военной академии, председателем учебного комитета. Помимо этого, была учреждена должность помощника начальника Главного штаба с правами и обязанностями бывшего начальника штаба. На эту должность был назначен генерал-лейтенант Д.В. Путята.

После смерти Я.И. Ростовцева 6 февраля 1860 г. главным начальником военных учебных заведений был назначен великий князь Михаил Николаевич. Главный штаб его императорского величества по военным учебным заведениям был переименован в Штаб его

императорского высочества главного начальника военных учебных заведений. Начальником штаба остался генерал-адъютант Путята, которого в апреле 1862 г. заменил генерал-майор Н.В. Корсаков[1].

Во второй половине 50-х гг. XIX в. была проведена реформа военного образования, ставившая целью увеличить количество офицеров, выпускаемых прямо из кадетских корпусов. В 1857 г. были открыты специальные классы в губернских кадетских корпусах. С этого времени был прекращен выпуск кадетов в Дворянский полк.

В 1857 г. под председательством Ростовцева была образована специальная комиссия, составленная из директоров кадетских корпусов, инспекторов классов и главных наблюдателей в кадетских корпусах. Данная комиссия должна была выявить имеющиеся недостатки и выработать новые принципы организации учебно-воспитательного процесса.

Директорам кадетских корпусов было предложено высказать свои соображения по следующим вопросам: о распределении времени для занятий воспитанников, о предметах преподавания, об объеме и практической применяемости программ, о соответствии возрасту воспитанников существующих руководств, о своих предложениях, направленных на улучшение подготовки.

После обобщения предложений комиссия Ростовцева внесла некоторые изменения в учебный процесс. Так, с целью облегчения учебной программы было решено открыть пятый общий класс, в который переносилась часть занятий из общего и специального курсов. Число еженедельных уроков в каждом классе было ограничено 20, а свободное время предназначалось для самостоятельной подготовки. В четырех старших классах были введены дополнительные занятия по математике. В разряд необязательных переводились естественная история и второй иностранный язык. Учебные программы подлежали изменению в части перераспределения учебной нагрузки.

Программа специальных классов включала как военные дисциплины, так и общеобразовательные. В курс общеобразовательных дисциплин входили: Закон Божий (по два урока в неделю в общих классах), словесность, иностранные языки (по 4 урока), повторение математики (по 2 урока), химия (в первом специальном – по 4 урока), статистика и законоведение (по два урока). Из военных предметов читались: тактика (по 4 урока), артиллерия (в первом специальном –

4 урока, во втором – 6 уроков), военная история (во втором специальном – по 2 урока) и фортификация (по 2 лекции).

В царствование Николая I выпускники военных учебных заведений начинали службу с чинами разных классов в зависимости от успехов в учебе. Однако это правило относилось только к воспитанникам, окончившим полный курс наук.

К 1854 г. в подчинении главного начальника военных учебных заведений находилось 22 корпуса с общим штатом в 8288 воспитанников. Всех их можно было разделить на две группы. Корпуса первой группы – 1-й и 2-й кадетские, 1-й и 2-й Московские, Финляндский, Павловский, Александринский Сиротский, Пажеский корпус, Дворянский полк, Школа гвардейских подпрапорщиков и гвардейских юнкеров, – непосредственно готовили офицеров. С 1840-х годов в составе старших классов этих учебных заведений существовали одногодичные (а затем двухгодичные) артиллерийские и инженерные отделения, где преподавались соответствующие дисциплины. В 1854 г. в них добавлен третий класс для подготовки к переходу в Артиллерийское и Инженерное училища, а также Военную академию. Третьи специальные классы были открыты в Павловском, 1-м и 2-м кадетских корпусах в Петербурге, 1-м и 2-м Московских и Александринском Сиротском кадетских корпусах. Причем в каждом заведении они делились на три отделения – артиллерийское, инженерное и Генерального штаба.

Корпуса второй группы (так называемые губернские) – Новгородский графа Аракчеева, Орловский Бахтина, Михайловский Воронежский, Полоцкий, Петровский Полтавский, Александровский Брестский, Оренбургский Неплюевский, Сибирский, Александровский малолетний, Тульский Александровский, Тамбовский, Владимирский Киевский и малолетнее отделение при 1-м Московском кадетском корпусе переводили воспитанников в Дворянский полк или иногда в корпуса первого класса в Петербурге.

Первоначально в Дворянском полку обучалось 600 человек, а по штату 1816 г. – более 2000 воспитанников. Учащиеся этого военного учебного заведения получали в основном только военную подготовку и ускоренными выпусками направлялись в войска с офицерским чином. С 1832 г. Дворянский полк состоял из двух батальонов по 500 человек. В 1833–1836 гг. Дворянский полк был реформирован,

поскольку в него предполагалось переводить воспитанников губернских кадетских корпусов.

В 1836 г. Дворянский полк, состоявший из двух батальонов, формировался следующим образом: в первый батальон переводились выпускники губернских корпусов, а также принимались вольноопределяющиеся дворяне 14–16 лет, выдержавшие вступительный экзамен; во второй – по экзамену принимались 14-летние кандидаты кадетских корпусов, утратившие право поступления в приписанные учебные заведения. С 1837 г. в Дворянский полк запрещено было переводить нерадивых воспитанников. В этом же году было решено составить Дворянский полк из гренадерских рот губернских кадетских корпусов, в гренадерские роты переводились лучшие воспитанники. Поступавшие гражданские дворяне стали зачисляться в приемные роты. В 1851 г. прием со стороны был прекращен, т. к. все вакансии замещались выпускниками губернских корпусов.

Штаб-офицер 1-го кадетского корпуса и ***воспитанник Дворянского полка,*** *1844–1855 гг.*

Кадеты из губернских корпусов начали поступать в Дворянский полк в 1836 г. [сначала тульские, новгородские и полоцкие, потом – полтавские (1845), брестские и орловские (1849) и воронежские (1850)]. Первоначально гренадерские роты формировались исключительно из выпускников одного учебного заведения. При выпуске из полка воспитанникам именных рот в формулярных списках делалась соответствующая запись о том, что образование получено в новгородской или полоцкой ротах Дворянского полка.

В 1842 г. формирование рот Дворянского полка выпускниками одного учебного

заведения было отменено. Воспитанники губернских кадетских корпусов стали зачисляться в общий состав полка и носить форму этого военного учебного заведения (ранее носили погоны своих кадетских корпусов). Эта перемена была вызвана тем, что в губернских гренадерских ротах формировался своеобразный кастовый дух, который был нежелателен для начальства. «Кадеты, – говорилось в пояснении к постановлению, – составляя отдельные роты, не сливаются с составом Дворянского полка, удерживают свой отличительный провинциализм и свой так называемый esprit de corps. Через это, при образовании прочих губернских гренадерских рот, каждая из 8 рот Дворянского полка составит как бы особое целое, со своими местными достоинствами и недостатками, и полк не будет иметь должного единства»[2].

После окончания Дворянского полка воспитанники производились в офицеры. По правилам, существовавшим с 1830 г., после экзамена воспитательный комитет определял каждого выпускника в тот или иной род войск. Самые лучшие кадеты, окончившие курс наук по первому разряду, направлялись в гвардию прапорщиками или поручиками. Окончившие по второму разряду выпускались подпоручиками в армию или производились в прапорщики артиллерии и инженерных войск с прикомандированием к соответствующим училищам. В 1840–1853 гг. лучшие воспитанники также причислялись к Генеральному штабу для поступления через два года в академию. Все остальные, проходившие по третьему разряду, направлялись прапорщиками в армию. Слабоуспевающие воспитанники выпускались после первого специального класса прапорщиками в линейные батальоны, а достигнувшие 19 лет и неспособные к дальнейшей учебе после четвертого общего класса – во внутреннюю стражу. Для распределения в кавалерию надо было представить свидетельство о достаточном состоянии, так как служба в кавалерии требовала дополнительных расходов. Такие выпускники прикомандировывались на полгода в качестве юнкеров к образцовому кавалерийскому полку. Выпускники, неспособные по состоянию здоровья к военной службе, направлялись на гражданскую службу с чинами X, XII или XIV класса в зависимости от полученных баллов[3].

Старшинство при выпуске зависело не только от баллов, но и от унтер-офицерских званий, полученных воспитанниками в корпусе (фельдфебели имели преимущество перед унтер-офицерами,

а последние – перед кадетами). Однако старшинство производства соблюдалось не только внутри одного кадетского корпуса, но и вообще среди выпускников всех военных учебных заведений. При этом кадеты губернских корпусов пользовались старшинством Дворянского полка, а при одинаковых баллах и званиях преимущество отдавалось по старшинству учебных заведений. Например, воспитанник Полоцкого кадетского корпуса пользовался преимуществом перед воспитанником Александровского Брестского кадетского корпуса при одинаковом звании и баллах, поскольку Полоцкий корпус был учрежден раньше Александровского.

С 1854 г. окончившие третий специальный класс по 1-му разряду шли прапорщиками в гвардию или поручиками в армию, кроме того, они могли поступать в артиллерию и инженерные войска наряду с выпускниками соответствующих специальных училищ. Окончившие по второму разряду шли подпоручиками в армию или прапорщиками в артиллерию и инженерные войска, по третьему разряду – прапорщиками в армию. Окончившие только второй специальный класс выпускались прапорщиками в линейные батальоны. В 1854 г. выпуск в артиллерию и инженерные войска из второго специального класса был разрешен временно, а с 1856 г. это стало практиковаться постоянно.

В середине 50-х годов был проведен ряд изменений в правилах приема и выпуска из корпусов. В 1857 г. двухгодичные специальные классы были открыты во всех кадетских корпусах. Из этих классов разрешалось выпускать прапорщиками армию. Лучшие кадеты по окончании двух специальных классов, по желанию, переводились в 3-й специальный класс Константиновского кадетского корпуса (до 1855 г. – Дворянского полка). С 1861 г. вместо 3-го специального класса выпускники направлялись прямо в Артиллерийское и Инженерное училища. Таким образом, артиллерийские и инженерные отделения третьих классов слились с соответствующими училищами[4].

Кроме того, было восстановлено право производства кадетов в унтер-офицеры после окончания специальных классов и разрешено принимать желающих экстернами. Во все кадетские корпуса принимались на казенное содержание дети 10–12 лет, а своекоштные – 10–14 лет. Дворяне 14–17 лет могли поступать по экзамену сразу в соответствующий возрасту класс. Все дворяне со средним и

высшим образованием, а не дворяне – с высшим образованием могли теперь поступать экстернами (с правом проживания дома) в специальные классы кадетских корпусов. Действительная служба им засчитывалась с 16-летнего возраста. При этом все лица с высшим образованием должны были окончить только один третий специальный класс при Константиновском кадетском корпусе.

«В начале 60-х годов, – писал Д. Кайгородов, – в офицеры выпускались кадеты прямо из провинциальных корпусов, для чего при этих корпусах были учреждены два высших класса, называвшихся специальными. В первый из этих специальных классов принимались экстерном посторонние лица, окончившие курс гражданских средних учебных заведений. Для этих экстернов и форма одежды была установлена особенная: мы, кадеты, ходили в куртках и имели черные пальто, экстерны же – в сюртуках офицерского покроя и серых пальто из офицерского сукна; кроме того, погоны у них были обшиты вокруг галуном, как у юнкеров»[5]. Однако количество экстернов в губернских кадетских корпусах было не велико.

С 1862 г. все выпускники кадетских корпусов 1-го разряда, удостоенные к производству в гвардию, получали чин поручика армии, а к гвардейским полкам прикомандировывались лишь те, кто имел там ближайших родственников или по выбору самого гвардейского начальства[6].

В начале 1853 г. в Брестской крепости начались грозные и малопонятные для воспитанников приготовления. Вот что писал о своих наблюдениях О. Еленский: «Иногда нас водили для прогулок на крепостной бульвар, где по праздникам играла музыка. Комендант крепости генерал Бартоломей, начальник интендантского управления крепости генерал Самсонов, военные инженеры, плац-адъютанты и вообще все начальствующие лица, которых мы до того привыкли видеть всегда беззаботными и веселыми, с 1853 года мы начали замечать в них особенную сосредоточенность и озабоченность; когда же нас водили на гулянье в местечко Тересполь, в 2-х верстах от крепости, где в то время существовала еще таможенная граница между Царством Польским и империей – по Варшавскому шоссе мы встречали массы двигающихся войск и обозов: то пехоты, то кавалерии, то артиллерии. Все это наталкивало нас на множество всевозможных предположений»[7].

В марте 1853 г. начались работы в крепости. На валах ставили пушки и мортиры, свозили снаряды и укладывали их в правильные пирамиды, усиливали караулы. Все это разжигало любопытство кадетов. Ходили различные слухи. Одни утверждали, что это поляки снова хотят бунтовать. Но возвращавшиеся из Варшавы из отпуска кадеты рассказывали, что там все спокойно. Руководство же корпуса уклонялось от каких-либо разъяснений. «Под впечатлением всех этих военных приготовлений в 1853 году мы положительно хуже учились, чем в прежние годы, многие не выдержали экзаменов, – вспоминал О. Еленский, – в том числе и я остался на второй год, во 2-м общем классе. К довершению всего, по возвращении из лагерей по Высочайшему повелению несколько кадет выпущены были из 4-го общего класса в офицеры, что практиковалось только в военное время»[8].

Раздел 7

ВХОЖДЕНИЕ В СТОЛИЧНУЮ ЖИЗНЬ

Летом 1853 г. состоялся последний выпуск из Александровского корпуса в Бресте. Июльским утром 1853 г. из ворот Брестской крепости выехала вереница подвод. На передних сидели офицеры, остальные были заняты возбужденно переговаривающимися между собой кадетами, а затем под охраной нижних чинов двигались повозки с дорожными вещами и съестными припасами. За день до этого во всех ротах Брестского корпуса был торжественно зачитан приказ о переводе 33 старших воспитанников для продолжения образования в специальные классы Дворянского полка, находившегося в Петербурге. Другой приказ, отданный в день отъезда, назначал для сопровождения выпускников капитанов А.К. Верта и Р.Е. фон Бутлера, младшего лекаря Асмуса, фельдшера Никифорова, «дядьку» Анисия Осипова, унтер-офицера Фридриха Буйкевича и рядового Индрика Норица. В числе выпускников, помимо Домбровского, были будущие его соратники по борьбе Ян Подбельский и Михаил Келлер[1].

В конце первой декады августа кадеты прибыли в Петербург в расположение Дворянского полка. Приказ, отданный по полку в воскресенье 9 августа 1853 г., гласил: «Прибывших из Александровского Брестского кадетского корпуса нижепоименованных воспитанников зачислить налицо прикомандированными…».

Крымская война 1853–1856 гг. не обошла стороной Брестский кадетский корпус. В связи с объявлением крепости на военном положении 16 июня 1854 г. воспитанников учебного заведения было решено перевести в Москву и разместить в казармах 2-го учебного Карабинерского полка. Для организации переезда выделялось 10 тыс. руб. серебром, которые в корпус доставил штабс-ротмистр Косиковский[2].

Эта новость вызвала у офицеров неоднозначную реакцию, так как из них многие обжились в Бресте. А вот кадеты были рады такой перспективе. «… Лишь только мы узнали эту новость, – восторгам нашим не было пределов; увидеть Москву, о которой мы знали только понаслышке, увидеть старую столицу, где совершались самые видные события и где хранились древние памятники – представлялось для нас заманчивым и было от чего приходить в восторг», – вспоминал Еленский[3].

До начала июля готовились к отъезду. С 4 июля ежедневно отправляли по одной роте воспитанников. Все роты следовали по маршруту на вольнонаемных извозчиках. Что касается офицеров и служащих корпуса, то они 4 эшелонами должны были следовать вслед за кадетами.

Первой отправилась в долгий путь гренадерская рота. За гренадерской последовали другие роты. Путешествие в Москву, продолжавшееся около месяца, оставило у кадетов приятные воспоминания. Этому во многом способствовало дворянство Минской губернии, которое ассигновало значительную сумму для приема кадетов во время следования по губернии. «На границе Слуцкого уезда, – вспоминал Еленский, – нас встретил минский губернский предводитель дворянства с выборными от дворянства распорядителями, в числе которых был и мой отец [Еленский], живший в то время в г. Слуцке. Завтраки, обеды и ночлеги – все это дворяне устраивали, не жалея ни денег, ни хлопот. На месте, где по расписанию назначены были ночлеги, для каждого кадета поставлены были, в красиво отделанных зеленью ригах, новые крестьянские сани и в них устраивались для нас постели, на свежем сене»[4]. Не случайно за такой прием кадетов дворянству Минской губернии была объявлена Высочайшая благодарность.

В конце июля 1854 г. кадеты прибыли в Москву. За ними следовали обозы с имуществом, которые были отправлены четырьмя партиями. Таким образом, переезд корпуса прошел организованно и очень быстро. К 31 июля учебное заведение было окончательно собрано в Москве. Спустя некоторое время, Александровский Брестский кадетский корпус по случаю переезда получил на обустройство 4 тыс. руб. серебром.

Для размещения корпуса были выделены казармы 2-го Карабинерного полка (Красные казармы), в которых производились необходимые для обустройства работы. Общее наблюдение за подготовкой здания для приема Брестского корпуса было возложено на директора 1-го Московского кадетского корпуса генерал-лейтенанта Желтухина. А пока работы не были завершены, брестских кадетов поместили в здании 1-го и 2-го Московских кадетских корпусов – Головинском дворце.

В конце августа Александровский корпус перевели из Головинского дворца в так называемые Красные казармы, предназначенные

Красные казармы

для постоянного размещения корпуса. Хотя последние были менее величественны, чем помещения в Бресте, но они выигрывали своей просторностью. Рядом с Красными казармами располагался большой плац, отделявший здание корпуса от Анненгофской рощи. Плац и роща постоянно использовались: первый – для военных упражнений, а последний – для весенних и осенних прогулок кадетов.

За Анненгофской рощей располагался пороховой завод, построенный еще во времена Петра I, а слева от нее – Преображенское старообрядческое кладбище и монастырь. Вспоминая кадетские годы, О. Еленский писал: «Мы очень часто, конечно секретно, посещали и кладбище, и келейников, живших в монастыре под видом рабочих и служащих на кладбище: они охотно и не стесняясь беседовали с нами о вопросах веры. Мы объясняли это тем, что они знали, что мы были католики»[5].

Вступление на престол императора Александра II было особенно радостным событием для кадетов Александровского Брестского кадетского корпуса, так как император пожелал остаться шефом этого военного учебного заведения. Кадеты Александровского корпуса

получили императорский вензель на погоны, корону на кепи и две золотые нашивки на воротники, т. н. унтер-офицерский галун. Кроме того, первая рота корпуса была переименована в роту Его Величества. Офицеры корпуса получили право носить на мундирах шитье по образцу столичных кадетских корпусов[6].

В конце августа 1856 г. в Москве состоялась коронация Александра II, которая принесла воспитанникам Брестского корпуса массу впечатлений. Кадеты оказались в центре всех событий. На протяжении коронационных торжеств, которые продолжались до 4 сентября, вместо классных занятий у них проходили парады, разводы и смотры. А после окончания торжеств на кадетском плацу, около Анненгофской рощи, был устроен фейерверк. В память о коронации кадеты Александровского Брестского кадетского корпуса получили серебряные жетоны.

Что касается досуга кадетов в Москве, то он был более разнообразным, чем в Бресте. Хотя в Москве у большинства кадетов не было родственников и они не могли ходить по праздникам в гости, тем не менее у воспитанников появилась возможность бывать по выходным в городе. Правда, Москва в то время не представляла собой сколько-нибудь значительного центра досуга. Но кадеты старших классов все же посещали Румянцевский музей, Большой и Малый императорские театры. В основном воспитанники смотрели балеты, не пользовавшиеся в середине XIX в. особым успехом у местной публики. Иногда удавалось достать билет на выступление московской драматической труппы. В то время она во главе со Щепкиным, Садовским и Шумским была в апогее славы. Репертуар состоял из произведений Шекспира, Островского.

В конце мая все кадетские корпуса почти одновременно выходили в лагерь, расположенный тогда в десяти верстах от Москвы близ села Коломенского[7].

После окончания Крымской войны началась коренная перестройка армии. Перемены эти коснулись и воспитанников военных учебных заведений. Трехшеренговый строй был заменен двухшеренговым, упрощены и уменьшены ружейные приемы и построения, «тихий шаг» вообще был отменен. Произошли существенные изменения и в форме обмундирования. С этого времени воспитанники носили полукафтан из темно-зеленого сукна с закругленным воротничком, выпушкой и

подбоем из красного сукна, с золотым галуном на воротничке и обшлагах и с шестью пуговицами. У офицеров сюртуки заменены вицеполукафтанами без шитья.

Вместо длинной шинели и мундира с двумя задними куцыми фалдами кадеты получили пальто, значительно короче прежней шинели и полукафтаны, а вместо шапок – французское кепи. Новое обмундирование было гораздо удобнее и красивее прежнего, поэтому оно пришлось по вкусу кадетам. Единственным недостатком было кепи, которое несколько не гармонировало с общим мундиром. Правда, к нему вскоре привыкли, тем более что после замены шапок на кепи было отменено снятие головного убора при встрече с начальством. Вместо этого ритуала был введен другой способ отдачи чести: прикладывание руки к козырьку, что было раньше только привилегией офицерского состава русской армии. Кроме того, с введением кепи были ликвидированы наушники – «безобразнейший атрибут военного костюма», – замененные чрезвычайно практичными и удобными башлыками[8].

Изменились вооружение и вся система военных упражнений. Крымская война показала, что недостаточно уметь ходить церемониальным маршем на плац-парадах, недостаточно, чувствуя правым локтем своего товарища, соблюдать идеальное равнение, на что при обучении войск обращалось особое внимание. Условия войны, благодаря усовершенствованию вооружения, значительно изменились. Для создания боеспособной армии нужны были смелые реформы.

Вскоре кадеты почувствовали новые веяния в армии. Благодаря принятым мерам, фронтовые учения, бывшие до того жесточайшею мукою для воспитанников, стали для них почти развлечением. По словам одного из кадетов, они уже не слышали на учениях постоянных напоминаний вроде «не сметь думать во фронте». Напротив, отныне стали требовать от кадетов на учениях личной сообразительности.

После решения об открытии специальных классов во всех кадетских корпусах приступили к подбору преподавателей военных дисциплин. Безболезненно этот процесс прошел в корпусах, расположенных в крупных или столичных городах. Хуже дело обстояло с преподавателями в провинциальных кадетских корпусах.

Реорганизация Александровского кадетского корпуса пришлась на время директорства генерала Федора Филипповича Редигера.

Именно ему выпала честь провести реорганизацию учебного заведения. Новый директор хорошо понимал, что для того, чтобы поставить Брестский корпус в образовательном отношении на уровень со столичными заведениями, нужно было подобрать высокообразованных учителей; педагогов, которые заслужили бы полное доверие у воспитанников.

Редигер прибыл в Брест в мае 1854 г. Он руководил переездом корпуса из Бреста в Москву. «Генерал-майор Федор Филиппович Редигер (Ридигер) был очень высокого роста, стройный, с сильно выдающеюся грудью; с серыми, под гребенку остриженными, волосами, тщательно выбритыми щеками и небольшими усами. Трудно представить наружность более открытую и энергичную, какая была у него, – вспоминал Еленский. – Если Ф.Ф. был в духе, улыбка его была приветлива, и тогда он ласково разговаривал со всеми; но если он был чем-нибудь недоволен, он смотрел грозно, и признаться сказать, мы тогда его трусили. Вообще же, это был очень добрый человек, и отношения его к нам были и сердечны, и симпатичны. Все реформы и все улучшения, как в воспитательном, так и в хозяйственном отношениях, находили в нем энергического руководителя и покровителя»[9]. Вообще генерал Редигер заботился не только о том, чтобы все имело «внешний блеск». Он старался оставить о себе хорошую память. По воспоминаниям кадетов, его директорство было самой цветущей эпохой Александровского корпуса благодаря его честной, энергичной и разумной деятельности. Генерал Редигер был верным служакой царизму, и когда дело доходило до посягательств на существовавшие порядки, он был чрезвычайно жесток.

Введение специальных классов в Москве не встретило никаких затруднений. Образованный и знающий персонал преподавателей был найден без особого труда. В Москве в качестве преподавателей специальных дисциплин работали многие опытные специалисты из других военных учебных заведений. Тактику в корпусе читали полковник Генштаба А.Д. Горемыкин (впоследствии иркутский генерал-губернатор), фортификацию – сначала капитан Карцев, затем – капитан Берг, артиллерию – капитан Чепелевский.

Это были действительно талантливые педагоги. А.Д. Горемыкин умел так преподавать тактику, что спустя много лет его бывшие ученики могли свободно ориентироваться и решать тактические задачи.

Теорию он подтверждал примерами из военной истории и достигал этим, как хорошего знания своего предмета, так и живого интереса к науке вообще. Признавая, что история иностранного военного искусства обладает множеством примеров различной тактики, Горемыкин в то же время считал, что и история русского военного искусства имеет очень много поучительного. Он преподавал предмет, используя отечественную историю.

Капитаны Карцев и Берг хотя и преподавали фортификацию строго по учебникам, но знали ее хорошо. Капитан же Чепелевский до того любил артиллерию, что мог о ней рассказывать целыми часами.

При хорошем составе учителей общих и специальных предметов, улучшении общего отношения к наукам, при более мягких условиях воспитания подготовка в Александровском корпусе значительно улучшилась. «Если бы реформа нас застала в Бресте, – писал Еленский, – для нашего развития это было бы большим несчастием. Сколько бы ни прибавляли классов, провинциальные корпуса, особенно в таком захолустье, как Брест, были так дурно обставлены и учительским персоналом и учебными средствами, что прошедший полный курс учения кадет выходил из корпуса хорошим фронтовиком, но за то безусловно не выносил никаких познаний и если при этом был еще способностей слабых – выходил совсем тупицей, начиненный хламом никуда негодных сведений»[10].

Общее же обновление Александровского Брестского корпуса за 1857–1861 гг. составило почти 43 %, при увеличении штата с 44 до 58 человек[11].

В июле 1859 г. состоялся выпуск 50 офицеров из Александровского корпуса. При выпуске руководство корпуса обеспечивало новоиспеченных офицеров всем необходимым. Директор Александровского корпуса Ф.Ф. Редигер экипировал молодых офицеров по полной программе: они получили не только всю верхнюю одежду, т. е. сюртук, мундир, пальто, но и обувь, нижнее и даже постельное белье.

В 1859 г. в Александровском корпусе произошло чрезвычайное событие, которое повлияло на его дальнейшую судьбу. Во время императорского смотра учебного заведения на офицера корпуса капитана М.К. Фишера была подана коллективная жалоба. Еще в Бресте воспитанники жаловались на Фишера за более чем неблаговидные поступки, либо пытались воздействовать на него злыми шалостями.

После переезда корпуса в Москву помещения воспитанников оказались на втором этаже под квартирами офицеров. Воспользовавшись этим, кадеты днем и ночью устраивали страшный шум над жильем Фишера до тех пор, пока виновников не застали на месте преступления и не выпороли.

В 1859 г. почти вся подчиненная Фишеру рота взбунтовалась. Только после этого начальство признало невозможным держать его среди «воспитателей юношества» и дало указание «без шуму предоставить ему возможность переменить род службы»[12].

Вот что по этому поводу вспоминал кадет Ю. Ягмин: «Как раз в это время мои родители решили взять меня и моих 3-х братьев из корпуса, и мы уехали домой, … и только впоследствии до меня дошли слухи, будто воспитанники гренадерской роты взбунтовались против своего ротного командира в бытность государя в Москве, за что более виновные были разжалованы в солдаты, а менее виновные в юнкера на определенный срок». «Вспоминая об этом, – замечал Юлиан, – я радуюсь, что меня в то время уже не было в корпусе, иначе пришлось бы стоять за одно со всеми, а следовательно, и нести ответственность наравне с остальными»[13].

Во второй половине 50-х гг. XIX в. в общественной жизни России стали просматриваться либеральные тенденции, что положительно отразилось на состоянии педагогического процесса в военных учебных заведениях.

После перевода Александровского Брестского кадетского корпуса в Москву это учебное заведение, в отличие от Полоцкого корпуса, оказалось в центре общественной жизни России. Перевод корпуса практически совпал с окончанием времени правления Николая I. Вступивший на престол Александр II сохранил за собой звание шефа Брестского корпуса, что положительно сказалось на материальном обеспечении учебного заведения и преподавательском персонале. Вступление на престол Александра II ознаменовалось еще и тем, что была объявлена амнистия участникам восстания 1830–1831 гг. и революционного движения 1846–1848 гг. Для воспитанников Брестского корпуса это событие было чрезвычайно важным. По словам О. Еленского, почти все кадеты «имели близких родственников то в тюрьмах, то в ссылке, то эмигрировавших за границу»[14].

Особенно сильное влияние на воспитанников Александровского кадетского корпуса оказывали передовые преподаватели и воспитатели. Одним из них являлся Николай Петрович Некрасов, учитель русской словесности. По словам воспитанников, его лекции по литературе были привлекательны не только научными достоинствами, но и отличались глубоким стремлением развить в кадетах любовь к светлым человеческим идеалам. Николай Петрович часто говорил своим ученикам, что литературу нужно рассматривать не только как источник эстетического наслаждения, но как могущественное орудие, при помощи которого можно сотворить нового человека, облагородив его и вдохнув в него мир новых идей и стремлений[15].

Выделялся преподаватель законоведения Николай Викентьевич Альбертини. Уже в то время он принадлежал к числу известных публицистов и знатоков английского государственного строя. В конце 1850-х годов он был связан со многими оппозиционно настроенными лицами. «Его лекции до того были интересны и по изложению, и по существу, что иной раз не хотелось уходить из класса: так бы, кажется, и слушал и слушал», – писал позднее Еленский[16]. Более того он распространял среди воспитанников запрещенные сочинения, высказывал антиправительственные взгляды и был выслан в Архангельск.

Альбертини Николай Викентьевич *(12.8.1826 – 31.7.1890) – публицист. Окончил Остерское уездное училище (1839), 3-ю Московскую гимназию (1846) и юридический факультет Московского университета со степенью кандидата прав (1851). В 1851–1859 гг. преподавал законоведение и историю в московских кадетских корпусах. С 1857 г. сотрудничал с журналом «Отечественные записки». В 1859 г. оставил службу в военных учебных заведениях и всецело посвятил себя журналистике. В 1866–1872 гг. был выслан в Архангельск.*

Учитель статистики С.С. Муравьев знакомил кадетов с произведениями Герцена и Чернышевского. Его лекции всегда отличались чрезвычайно талантливым изложением.

Среди воспитателей корпуса наибольшее влияние оказывал дежурный офицер штабс-капитан Троадий Васильевич Шавров. Он происходил из дворян Московской губернии. После окончания 1-го Московского кадетского корпуса служил в армии. Участник Крымской войны и обороны Севастополя, Шавров, как никто другой, ясно

представлял пагубное воздействие на подготовку офицеров николаевских казарменных порядков. «Во время пребывания у нас в корпусе, – писал О. Еленский, – он чрезвычайно много способствовал к разъяснению нам того крутого перелома, который так резко стал изменять условия общественной жизни. Он первый сообщил нам о готовящейся реформе освобождения крестьян и до того увлек многих из нас своими рассказами о страданиях этой, как он выразился, “святой скотины”, что многие из кадет приходили в отчаяние, что родители их имели в своем владении крестьян и писали к ним с просьбою освободить их. Не больше года пробыл у нас Шавров, но новые идеи, новые явления общественной жизни сделались нам понятными, и в этом направлении стало проявляться дальнейшее наше развитие»[17]. В июне 1859 г. Шавров поступил в Николаевскую академию Генерального штаба и после ее окончания в декабре 1861 г. служил в штабе генерал-фельдцейхмейстера. В марте 1862 г. он подписал протест против телесных наказаний в армии; впоследствии – участвовал в работе петербургских офицерских кружков.

В Москве продолжал действовать кружок, возникший еще в Бресте. Более того, именно в это время фактически завершилась «борьба между польской и русской партиями». «Наши корпусные партии, – писал Ю. Ягмин, – возникшие еще в Брест-Литовском, продолжали процветать и в Москве. Они продолжали оспаривать между собою влияние и значение среди кадет, но, наконец, польская партия взяла перевес над русскою»[18].

В Москве кадетские корпуса находились в одном районе и совместно принимали участие в выходе в лагерь. Именно там кадеты Александровского кадетского корпуса знакомились с воспитанниками 1-го и 2-го Московских корпусов. «Сначала они к нам не особенно благоволили, – вспоминал О. Еленский, – неоднократно приходилось слышать от них кличку “полячки”, но это продолжалось недолго, и многие из нас сдружились с ними до того, что передавали друг другу свои заветные мысли, знакомили их с польской литературой, особенно с Мицкевичем, вышедшим в то время, с разрешения государя, полным изданием, и до самого выезда корпуса из Москвы в Вильну отношения наши были самые дружелюбные. Такие же отношения были у нас и с кадетами Сиротского корпуса, которые были ближайшими нашими соседями по лагерному расположению»[19].

Сближению воспитанников московских кадетских корпусов также способствовало и то обстоятельство, что некоторые офицеры преподавали одновременно в нескольких учебных заведениях. Так, Н.В. Альбертини помимо Брестского корпуса преподавал еще и в Александринском Сиротском и 2-м Московском, а С.С. Муравьев в Брестском и 1-м Московском кадетских корпусах. Это приводило к тому, что между кадетами-участниками военных кружков, существовавшими во всех московских корпусах, устанавливались прочные связи[20].

В Москве кадеты Александровского корпуса также стали общаться со студенческой молодежью, которая оказывала огромное влияние на кадетов. В конце 1850-х – начале 1860-х годов в Московском университете обучалось большое количество студентов, уроженцев западных белорусских губерний и Царства Польского. По подсчетам III отделения, в сентябре 1861 г. в университете обучалось 22 уроженца Царства Польского и 455 уроженцев западных губерний, из которых по вероисповеданию было 423 католика, 37 православных, 11 лютеран, 5 иудеев и один униат[21]. «В то время Московский университет был излюбленным университетом польской молодежи. Землячество среди студентов было тогда в полном ходу»[22].

Благодаря созданию выходцами белорусских и литовских губерний, Царства Польского сплоченной организации («огула»), имевшей свой руководящий центр, размах «польского» студенческого движения в столице достиг широких размеров. Студенческие огулы, являясь почти единственной массовой организацией уроженцев западных белорусских губерний и Царства Польского в России, сыграли наряду с кружком Домбровского – Сераковского в Академии Генерального штаба и петербургским национальным комитетом большую роль в подготовке и проведении восстания 1863–1864 гг.

По показаниям студента Бронислава Люгайло, который был выпускником Брестского корпуса и участником в восстании 1863–1864 гг., «польское» студенческое общество в Московском университете существовало со времени закрытия Виленского университета, т. е. с 1830-х годов. Но это не совсем точно. Безусловно, что обособленность у выходцев из западных губерний существовала уже в 30–40-е годы. Но это не означало существование

централизованной организации, какой стал впоследствии огул. По исследованиям Т.Г. Снытко видно, что его функционирование началось с осени 1858 г.

Первоначально московский огул делился на факультетские организации и секции, а после 1862 г. организационно перестроился на основе деления на «гмины» – объединения студентов по территориальному признаку. Ко времени прекращения деятельности огула (февраль 1863 г.) в гминах состояло: Виленской – 73 человека, Наддвинской – 30, Слуцкой – 42, Гродненской – 43, Новогрудской – 32, Жмудской – 48, Минской – 43, Ковенской – 50, Русинской – 17 (трое вычеркнуты), Могилевской – 25 человек. Общая численность Московского огула доходила до 420 человек[23].

В начальный период в члены огула принимались студенты-поляки без серьезных ограничений и испытаний, затем, с изменением целей общества, были установлены более строгие условия приема и испытательный срок. Первоначально цель огула сводилась к оказанию материальной помощи нуждающимся товарищам и академической взаимопомощи путем создания студенческой библиотеки, а также содействию умственному и физическому развитию студентов. Важным в деятельности огулов с самого начала было национальное и моральное воспитание членов общества.

До 1860 г. деятельность польской студенческой общины ограничивалась, как правило, рамками самого общества и по преимуществу носила характер воспитательный и образовательный. Часто проводились сходки по факультетам для обсуждения внутренних дел общества, а на собраниях в библиотеке и на более узких сходках, на частных квартирах обсуждались некоторые книги и «политические предприятия».

Принимали участие в таких сходках и воспитанники Александровского кадетского корпуса. Вот что писал по этому поводу О. Еленский: «Поляки-студенты жили небольшими группами, по 8–10 человек, на Грачевке, на Козихе у Патриарших прудов. Мы часто бывали у них. В тех кружках, которые мы посещали, студенты вели себя нравственно и серьезно занимались наукою. Во взаимном обращении они были всегда приличны. Нескромных разговоров никогда не слышали. Политический быт не только России, но и других государств подвергался осторожной критике. От студентов мы

научились хоровым польским песням, которые потом пели в Анненгофской роще и в лагерях. Вообще, такие кружки студентов не могли не иметь хорошего влияния на наше развитие»[24].

Студенты-члены огула создали две библиотеки, в которых хранились книги на польском, русском и многих иностранных языках. Кроме того, что очень важно, в таких библиотеках было много запрещенных изданий. В одной библиотеке были собраны книги, прошедшие цензуру, в другой – запрещенные к ввозу в Россию печатные издания, (например, Герцен), а также нелегальные печатные и литографированные издания, выпущенные в России. Эта последняя библиотека находилась в ведении особого библиотекаря и называлась «тайной» или библиотекой «запрещенной» литературы. Библиотекой Московского огула, в первую очередь «тайной», пользовались не только студенты, но и офицеры-поляки. Они в члены огула не вступали, но при поручительстве авторитетных членов общества принимались в члены библиотеки и платили определенные взносы. Именно этой библиотекой пользовались преподаватели Александровского корпуса, которые зачастую приносили запрещенную литературу для ознакомления с нею воспитанников.

Под влиянием своих старших товарищей в Александровском корпусе также стали проводиться вечера, на которых обсуждались насущные проблемы. Кружок кадетов старшего класса решил издавать газету на русском и польском языке. Редактором польского отдела был кадет Брунелли (в 1858 г. за неблаговидное поведение выписан юнкером), а редактором русского – В.П. Колесов. И хотя газета просуществовала не долго, «но во всяком случае, выпущено было десять номеров»[25].

Однако иногда воспитанники Александровского корпуса теряли бдительность, что приводило к плачевным последствиям. Вот что вспоминал один из кадетов: «Кто-то донес ротному командиру (только не кадеты, т. к. у нас такой подлости тогда и в заводе не было), а может быть это обнаружено случайно, что у вышеупомянутых трех кадет (Б., Ж. и С.) имеются запрещенные стихи и книги, которые они будто бы получали от студентов. Действительно, у нас в корпусе ходили тогда по рукам стихотворения Герцена, Огарева и других, которые мы читали с увлечением и переписывали. У Б., Ж. и С. сделали обыск,

Д.А. Милютин

нашли несколько рукописей запрещенных стихов, а главное, нашли берлинское издание комедии “Трумпер, принц немецкий”, – дедушки Крылова. Кадет Б., Ж. и С. продержали долгое время под арестом, исключили из корпуса и выслали в юнкера»[26].

Тем не менее, несмотря на жесткие меры со стороны руководства корпуса, тайный кружок продолжал существовать.

Вообще в конце 50-х – начале 60-х гг. XIX в. Военное министерство было чрезвычайно озабочено распространением в армии либерализма. В результате большое число офицеров оказалось вовлечено в политические преступления. Д.А. Милютин считал, что это «служило очевидным

Группа членов кружка Академии Генерального штаба

Зигмунд Сераковский *(1826–1863). Фото 1862 г.*

доказательством распущенности и ложного направления воспитания в этих заведениях». Тем не менее, этот процесс был необратим.

Впоследствии участники тайного кружка вошли в революционные организации военных училищ и военных академий. Многие из выпускников Александровского Брестского кадетского корпуса приняли участие в восстании 1863–1864 гг., а некоторые из них были руководителями этого восстания на территории Беларуси. Выпускник Александровского Брестского кадетского корпуса Я. Домбровский вместе с З. Сераковским был одним из организаторов кружка в Академии Генерального штаба. Помимо него, в эту организацию входили его товарищи по корпусу: Т.Ф. Владычанский, А. Гедройц, Н.Н. Голиневич, М. Загоровский, Э. Каверский, С. Неслуховский, З. Падлевский, И. Подбельский, К. Русецкий, Е. Рыдзевский, И. Станевич, а также воспитанники Полоцкого кадетского корпуса К.В. Левицкий, В. Липинский, И. Обезерский и Л. Струмилло. Организаторами кружка артиллеристов-«чернышевцев», действовавшего в Артиллерийской академии, также были воспитанники Александровского Брестского корпуса – В.К. Гейнс, В.П. Колесов, Б. Павлович, Е.В. Странден, Терпиловский. Кроме того, выпускники Брестского корпуса входили и в другие кружки.

В 1861 г. воспитанники Александровского и Полоцкого кадетских корпусов Я. Домбровский и А.А. Потебня явились одними из главных инициаторов создания Революционной организации офицеров русской армии в Польше. Кроме них в состав этой подпольной организации вошли многие из выпускников Брестского корпуса[27].

Потебня Андрей Афанасьевич *(19.8.1838 – 20.2.1863) – российский революционер. Из дворян, Родился в селе Перекопце Полтавской губернии (ныне Роменский район Сумской области), брат филолога А.А. Потебни. Окончил Полоцкий и Константиновский (1856) кадетские корпуса. Служил в Шлиссельбургском полку подпоручиком. В 1862 г. возглавил революционную организацию офицеров в Польше. Летом того же года, покинув полк, перешел на нелегальное положение. В ноябре 1862 г. вместе с организацией вошел в «Землю и волю». Был одним из авторов ряда революционных прокламаций от Комитета русских офицеров в Польше. Поддерживал связь с А.И. Герценом и Н.П. Огаревым. Во время восстания 1863–1864 гг. в Польше, Литве и Беларуси приезжал в Лондон для встречи с ними. Безуспешно пытался организовать русский легион в рядах повстанцев. Погиб в бою с царскими войсками у Песчаной Скалы (в Польше). Огарев посвятил Потебне «Надгробное слово» (опубликовано в «Колоколе» 1 мая 1863 г.).*

Всего же, по нашим подсчетам, в революционном и национально-освободительном движении 50–60-х годов XIX в. приняло участие более 70 воспитанников Александровского Брестского и Полоцкого кадетских корпусов[28]. Краткие биографические справки о них содержатся в приложении.

Раздел 8

СМЕНА ЭПОХ

Реформы конца 50-х – начала 60-х годов XIX в. внесли изменения в систему подготовки офицерских кадров. Однако половинчатые по своей сущности, они не смогли радикально улучшить качество подготовки и увеличить численность выпускаемых офицеров. В 1861 г. выпускники военных учебных заведений занимали всего лишь около четверти всех офицерских вакансий, пополняя главным образом гвардию и совершенно растворяясь в армии в среде офицеров, производимых из унтер-офицеров и юнкеров.

Оказавшись перед лицом хронического некомплекта командных кадров, самодержавие вынуждено было не только предоставить возможность офицерской выслуги добровольно поступившим на военную службу лицам всех «свободных состояний», но и допустить производство в офицеры лиц рекрутской службы, т. е. из податных сословий. В результате общий образовательный уровень большинства офицеров понизился. В 1861 г. около 54 % из них имели образование в объеме низших учебных заведений[1].

Таким образом, неотложность коренных преобразований в системе военных учебных заведений отчетливо проявилась в первое пятилетие царствования Александра II. Подготовке реформы военного образования во многом способствовала дискуссия о средней школе, которая развернулась в российском обществе после Крымской войны. Система классического образования перестала соответствовать требованиям времени.

Дискуссию открыл «Морской сборник», поместивший серию статей Бема, И.И. Давыдова и В.И. Даля о воспитании юношества. Особенно важным было выступление на страницах этого журнала известного хирурга и педагога Н.И. Пирогова. Его статья называлась «Вопросы жизни, отрывок из забытых бумаг, выведенный на свет неофициальными статьями “Морского сборника” о воспитании». Пирогов ратовал против раннего профессионализма. «Все готовящиеся быть полезными гражданами, – писал он, – должны сначала научиться быть людьми». Он звал к утверждению «нравственно-научного просвещения» всего народа.

Дискуссия сыграла значительную роль в выработке нового устава всех типов школы, составленного под руководством П. Ковалевского и опубликованного в феврале 1860 г. После переработки устав был вновь опубликован под названием «Проект устава общеобразовательных учебных заведений» (народные училища, прогимназии и гимназии). Уже в этом проекте было предусмотрено два типа гимназий: классическая и с преобладанием математики и естествознания. Дискуссия о судьбе средней общеобразовательной школы отразилась и на средней военной школе. Проводником новых веяний стал Д.А. Милютин. Он также, как и Пирогов, выступал против ранней профессионализации и считал необходимым преобразовать кадетские корпуса в военные гимназии.

К преобразованию военных учебных заведений приступили только летом 1860 г. Главный штаб военных учебных заведений, еще не состоявший в то время в ведении Военного министерства, запросил директоров кадетских корпусов высказать свое мнение о путях улучшения постановки учебно-воспитательной работы в подчиненных им заведениях. Полученные доклады не дали однако основания для решения вопроса. Директора ограничились указанием на отдельные недостатки и обошли вопрос о соответствии существующей системы подготовки офицеров требованиям военного дела. Тогда в 1861 г. главный начальник военных учебных заведений великий князь Михаил Николаевич обратился к ряду компетентных лиц, в том числе к Д.А. Милютину и А.В. Головнину, с просьбой высказать свои суждения о системе военного образования.

10 февраля 1862 г. Милютин изложил свою точку зрения в пространной записке «Мнение о военно-учебных заведениях». В ней Милютин говорил о необходимости уничтожения кадетских корпусов, считая, что «воспитание отроков и юношей должно совершаться дома и в заведениях гражданских. Заведения же собственно военные могут существовать только с одной целью, доставить научное специальное образование тем молодым людям, кои почувствовали в себе призвание к военной службе».

Высказывая такую точку зрения, Милютин руководствовался следующими соображениями. Во-первых, воспитание, основанное на строжайшей воинской дисциплине, дает свои плоды лишь в зрелом возрасте, «когда характер молодого человека успел самостоятельно

Михаил Николаевич (Романов) *(13.10.1832 – 5.12.1909) – великий князь, четвертый сын императора Николая I. Генерал-фельдмаршал (1878). Участник Крымской войны 1853–1856 гг. С 1856 г. член Государственного совета. С 9.2.1860 г. главный начальник военных учебных заведений. Под его руководством осуществлялась подготовка реформы военной школы. С 6.12.1862 г. наместник на Кавказе. При нем покорением Западного Кавказа была завершена Кавказская война. Во время русско-турецкой войны 1877–1878 гг. – главнокомандующий действующей армией на Азиатском театре. С 1881 по 1905 г. председатель Государственного совета.*

развиться». Военное же воспитание в детском возрасте, «когда характеру предстоит еще образовываться», наносит существенный ущерб «нравственным качествам юноши». Во-вторых, подобная система обрекает детей, независимо от их призвания, к военной службе, что отрицательно отражается на качестве офицеров, сплошь и рядом не имеющих склонности к военному делу[2].

Выступая за реорганизацию кадетских корпусов, военный министр также исходил из того, что ежегодный расход на содержание этих заведений составляет 4712 тыс. руб. серебром, при среднем выпуске 494 человека в год. Следовательно, на подготовку каждого «удовлетворительно обученного офицера» израсходовалось по 9538 руб.[3] Если учесть, что часть выпущенных из корпусов офицеров вскоре выходила в отставку, то расход на подготовку одного офицера, по мнению Милютина, должен был увеличиваться до 12–13 тыс. руб. Следовательно, главными аргументами за реорганизацию кадетских корпусов являлись: незначительный выпуск офицеров, невысокий уровень знаний выпускников и большие расходы на подготовку.

Главную причину плохой подготовки военный министр усматривал в совмещении в одном учебном заведении общего и специального образования. Милютин выступал за преобразование всех корпусов в военные гимназии. «В настоящее время, – писал военный министр, – корпуса суть заведения воспитательные, а не исключительно образовательные». По его мнению, развивая эту систему, правительство имело в виду не столько «приготовлять для армии образованных офицеров», сколько «дать средство к воспитанию детям тех лиц, которые служили или служат государству на поприще военном или гражданском, цель очевидно благотворительная». Из приведенных генералом цифр следовало, что военная школа поглощала 3314 тыс. руб., в то время как на общее образование ассигновывалось только 3409 тыс. руб. Таким образом, в России отношение военной и гражданской школ было 1:1, в то время как во Франции и Пруссии 1:9. При этом российские учебные заведения снабжали офицерами исключительно гвардию и специальные роды войск[4].

Ратуя за создание военных гимназий, Милютин вовсе не считал их постоянным типом военной школы. Скорее, он видел в них школу переходного типа, от которой можно будет отказаться, как только окончательно установится общеобразовательная средняя школа. Такую мысль он провел позднее в докладе по итогам работы министерства в 1863 г. «С упразднением строевого состава (в двух кадетских корпусах) заведения эти получат характер строго воспитательных заведений и сохранят свое особое назначение – приготовлять детей к поступлению в военные училища, только до тех пор, когда прилив в сии последние молодых людей, окончивших полное гимназическое образование на свой счет, сделает возможным постепенное уменьшение таких приготовительных учебных заведений в Военном ведомстве, постепенною же передачею их в Министерство народного просвещения»[5].

Таким образом, главное, чего добивался Милютин, состояло, во-первых, в ликвидации привилегированных закрытых учебных заведений, где учащиеся получали образование за счет государства. Он справедливо полагал, что дворянство вполне обеспечено и может решать эту задачу за собственный счет. И, во-вторых, – в расширении возможностей пополнения офицерских кадров из других социальных слоев (буржуазии, мещан, крестьян и т. д.).

Точку зрения Милютина поддерживал и министр народного просвещения А.В. Головнин. Он ратовал за передачу высвобождающихся средств на обеспечение народных училищ, гимназий и университетов. «На 3 млн. руб., затрачиваемых в настоящее время на содержание 8 тыс. кадетов, – писал Головнин, – можно иметь 10 университетов, где будет обучаться 10 тыс. студентов; 150 гимназий на 45 тыс. учащихся; 428 прогимназий на 64200 учащихся и 10 тыс. народных школ на 400 тыс. учащихся»[6].

Головнин Александр Васильевич *(25.3.1821 – 3.11.1886) – государственный и общественный деятель, действительный тайный советник (1879). Окончил Александровский лицей с золотой медалью (1839). В 1843–1848 гг. служил в секретариате Особенной канцелярии МВД. С 1850 г. прикомандирован к великому князю Константину Николаевичу для работы в Комитете пересмотра морских уставов, с 1854 г. камергер при великом князе, его ближайший помощник и советник по реформаторской деятельности, фактический руководитель журнала «Морской сборник». Не занимая формально высоких постов, оказывал большое влияние на подготовку и проведение преобразований. С 1859 г. член Главного правления училищ при Министерстве народного просвещения. С осени 1861 г. управляющий, в 1861–1866 гг. министр народного просвещения. С 1862 г. член Государственного совета. Почетный член Петербургской АН (1861).*

Против реорганизации кадетских корпусов выступал директор Павловского кадетского корпуса генерал-майор П.С. Ванновский (будущий военный министр при Александре III и министр народного просвещения при Николае II). Он ратовал за сохранение кадетских корпусов в прежнем варианте с их монархическим духом.

12 октября 1862 г. под председательством Главного начальника военных учебных заведений великого князя Михаила Николаевича был образован Особый комитет, который должен был выработать основные положения по реорганизации военных учебных заведений. В этот комитет вошли: генерал-адъютанты А.А. Баранцов, граф Ф.Л. Гейден и Н.А. Крыжановский, генерал-лейтенанты В.П. Желтухин, А.И. Веригин, тайные советники А.Ф. Постельс и В.Е. Воронцов, генерал-майоры К.П. Кауфман, В.А. Корсаков, Кинович,

М.П. Кауфман и П.С. Ванновский, полковники Г.Г. Данилович, Н.А. Бирилев, Слуцкий и надворные советники А.В. Эвальд и И.Е. Андреевский. Кроме того, в качестве экспертов были приглашены министр народного просвещения Головнин, граф С.Г. Строганов, генерал, профессор тактики и истории военного искусства барон Н.В. Медем. Они должны были высказать свои предложения по реформированию военных учебных заведений.

Уже на первом заседании Особого комитета единогласно было признано необходимым отделить общее образование от специального. Что касается целесообразности кадетских корпусов в системе военного ведомства, то по этому вопросу комитет пришел к заключению о желательности передачи их в ведение гражданского ведомства. Но пока не будет развита сеть реальных училищ, из которых молодежь шла бы в военные училища, то лучше их оставить в подчинении военного ведомства. Окончательный итог деятельности этого комитета подвел Александр II, который издал указ о реформе военных учебных заведений.

Главная цель военных учебных заведений была определена как подготовка офицерских кадров для всех родов войск. «Сохранить военные учебные заведения с тем назначением, – говорилось в нем, – которое им ныне предначертано,… в особенности для замещения старших воинских должностей, офицеров, получивших достаточное общее и военное образование. Число воспитанников в этих заведениях определить так, чтобы из них ежегодно поступало на службу от 400 до 500 офицеров». Было признано целесообразным отделить специальные классы от кадетских корпусов и объединить их в военные училища, а общие классы – реорганизовать согласно требованиям педагогики и прекратить в них фронтовые занятия, как несоответствующие возрасту воспитанников. Количество реорганизованных кадетских корпусов должно было быть сокращено[7]. Основные положения реформирования военных учебных заведений были утверждены в декабре 1862 г.

Дальнейшие изменения претерпел и учебный процесс. В 1862 г. главным начальником были затребованы от всех военных учебных заведений мотивированные предложения по изменению программы. В августе 1862 г., после рассмотрения представленных отзывов, комиссия под председательством великого князя Михаила Николаевича вторично внесла изменения в учебные программы.

Было уменьшено число преподаваемых предметов, сокращены и упрощены программы. Из курса кадетских корпусов были изъяты статистика, зоология, ботаника (часть тем включено в курс географии), история литературы (введена в курс теории словесности) и военная история. Иностранные языки преподавались только в общих классах, а в специальных были сохранены только письменные упражнения[8]. Эта упрощенная программа и легла в основу курса новых учебных заведений – военных гимназий.

6 декабря 1862 г. в связи с назначением наместником на Кавказе великий князь Михаил Николаевич оставил должность главного начальника военных учебных заведений[9].

В начале 1863 г. началось осуществление реформы. 21 января 1863 г. Штаб главного начальника военных учебных заведений и бывшее Управление училищ военного ведомства были объединены в Главное управление военных учебных заведений (далее – ГУВУЗ), которое подчинялось одному лицу и вошло в состав Военного министерства. Начальником ГУВУЗа был назначен попечитель Московского учебного округа генерал-майор Н.В. Исаков, его помощником – генерал-майор Н.В. Корсаков.

Исаков Николай Васильевич *(10.2.1821 – 25.2.1891) – российский военный деятель, генерал от инфантерии (1878), генерал-адъютант (1865). Окончил 1-й Московский кадетский корпус и Военную академию (1843). Участник войны на Кавказе, подавления Венгерской революции 1848–1849 гг. и Крымской войны. Состоял при Министерстве внутренних дел; принимал участие в подготовке и проведении крестьянской реформы. В 1859–1863 гг. попечитель Московского учебного округа. В 1863–1881 гг. главный начальник военных учебных заведений. Под руководством Д.А. Милютина проводил реформу системы военного образования. С 1881 г. член Государственного совета.*

С созданием ГУВУЗа был упразднен Совет о военных учебных заведениях, а Инженерное и Артиллерийское училища были подчинены своим Главным управлениям. Для обсуждения общих вопросов, касавшихся всех военных учебных заведений, при Военном министерстве был учрежден Главный военно-учебный комитет.

В августе 1863 г. были утверждены Положение и штат ГУВУЗа. Согласно Положению в ведении Главного управления находились: Пажеский и сухопутные корпуса, Николаевское училище гвардейских юнкеров, Константиновское военное училище, училища военного ведомства и Аудиторское училище (в 1864 г. было подчинено генерал-аудитору Военного министерства), а после открытия – и юнкерские училища.

ГУВУЗ должно было решать все вопросы, касающиеся приема, обучения, воспитания и выпуска воспитанников, а также хозяйственные вопросы. Управление проделало значительную работу по определению содержания и форм подготовки офицерских кадров всех ступеней. Все военные школы были разделены на 4 разряда. Военные академии, а также педагогические курсы при 2-й Петербургской военной гимназии вошли в 1-й разряд; Пажеский и Финляндский кадетский корпуса, юнкерские и военные училища – во 2-й; военные прогимназии и гимназии – в 3-й; технические, оружейные,

Вильно. *Фото 1865 г.*

топографические и фельдшерские школы составили 4-й разряд. Этим самым были определены основные звенья подготовки военных кадров высшей, средней и низшей квалификации.

Однако осуществление реформы военных учебных заведений совпало по времени с восстанием 1863–1864 гг. в Польше, Литве и Беларуси, что не могло не сказаться на судьбе Александровского кадетского корпуса.

Еще в конце 50-х годов XIX в. встал вопрос о необходимости возвращения корпуса на родину. 8 января 1859 г. Александр II приказал начать немедленную перестройку зданий Виленского военного госпиталя, в помещения которого предполагалось перевести Александровский корпус. Все строительные работы были возложены на военного инженера полковника Черника. Строительство новых зданий для корпуса предписывалось осуществлять уже после перевода учебного заведения. На эти цели было выделено 75 тыс. рублей[10].

Однако здание Военного госпиталя нуждалось в капитальном ремонте. Необходимо было осуществить перестилку полов, обновить штукатурку и т. д. Поэтому 21 февраля 1859 г. император распорядился оставить корпус в Москве до 1860 г. В 1860 г. Александровский кадетский корпус был наконец-то переведен в Вильно. Переводу во многом «способствовал» директор корпуса генерал Н.К. Баумгартен, который таким образом старался избавить своих воспитанников от студенческой «крамолы». По воспоминаниям кадетов, это был мягкий начальник, однако его не любили.

Баумгартен Николай Карлович *(9.2.1806 – 19.6.1886), генерал от кавалерии в отставке (1880). Окончил Царскосельский лицей. Во время русско-турецкой войны 1828–1829 гг. в составе Гвардейского корпуса совершил переход из Петербурга на театр военных действий; участвовал в осаде Варны (1828). Участник подавления восстания 1830–1831 гг., Крымской войны (1853–1856). С 1859 по 1863 г. директор Александровского (Брестского) кадетского корпуса в Москве и Вильно. После ликвидации корпуса состоял при М.Н. Муравьеве, участвовал в подавлении восстания 1863–1864 гг. Затем командовал пехотными дивизиями.*

В то время Вильно состояло из десяти предместий. Кадетский корпус был размещен в самом живописном – Антокольском, тянувшемся по берегу реки Вилии почти на 6 верст. Здесь на самом берегу находились некогда великолепные палаты, построенные

в 1690 г. полоцким воеводой Слушкою. После разрушения нижнего замка в них останавливались короли Речи Посполитой, когда приезжали в Вильно. Здесь же жил и Петр I. Впоследствии этот дом принадлежал Зайковским, затем служил казармой для гарнизонного батальона и наконец – каторжной тюрьмой.

Кроме того, одной из достопримечательностей предместья был костел Св. Петра и Павла. Он был воздвигнут гетманом Пацем в 1668 г. на том самом месте, где по преданию было капище богини Мильды и где во времена Ягайло был построен деревянный костел. Внешний вид храма напоминал знаменитый собор Св. Петра в Риме. Внутри храм был украшен двумя тысячами фигур, статуй, скульптурных групп, выполненных итальянцами Петром Перетти из Милана и Джованни Галли из Рима.

Костел Св. Петра и Павла *в Антоколе. Фото 1875 г.*

В этом же предместье находился обширный комплекс зданий с большим садом, сооруженных Сапегой. В XVI в. Сапега построил здесь великолепные палаты, которые были украшены фресками Дельбена. Впоследствии эти здания были переданы военному госпиталю. Именно в них разместился Александровский корпус.

В.А. Сухомлинов

За госпиталем возвышалась прекрасная по архитектурной композиции церковь Св. Михаила. Первоначально это был костел Иисуса Христа, построенный в конце XVII в. гетманом Я.К. Сапегой по образцу костела Св. Карла в Риме. На главном его престоле стояло изваяние Спасителя, привезенное, как гласила легенда, двенадцатью волами из Рима.

Заканчивался Антоколь Вершубкой, где раньше находился летний дворец великих князей литовских с обширным зверинцем. В 1853 г. А. Киркор начал проводить в этом районе раскопки и обнаружил фундамент дворца.

Одними из воспитанников Александровского корпуса в Вильно стали братья Сухомлиновы, которые в 1861 г. были зачислены в заведение. Будущий военный министр Владимир Александрович Сухомлинов так описывал жизнь воспитанников: «Зиму кадеты проводили в большом каменном здании в предместье Антоколь. Классные помещения, тронный зал и церковь находились в деревянных постройках. На лето корпус переходил в лагерь, устроенный на живописном берегу реки Вилии, – в нескольких верстах от города»[11]. Он отмечал, что половину всех воспитанников корпуса составляли католики. «В общем, содержали нас хорошо, – писал в своих воспоминаниях генерал, – кормили с избытком, хотя нередко “легкий, но сытный завтрак”

Н.А. Сухомлинов

состоял из куска черного хлеба, который в громадных корзинах приносили нам в камеры»[12].

Общественная жизнь в Вильно начала 1860-х годов шла обычным чередом. Местное население с недоверием относилось к русским чиновникам и приезжим. Большая часть жителей столицы былого Великого княжества Литовского ходило «в политическом трауре». По наблюдениям царского чиновника И.А. Никотина, появлялись «булавки с одноглавым польским орлом, медальоны с переломленным крестом, браслеты из цепей и другие эмблематические знаки».

Ощущая беспечность власти, подготовка к восстанию шла почти в открытую. Выбирались десятники, сотники, начальники округов, воеводы и т. д. Под разными предлогами проводились сборы денег для восстания, создавались «политические склады под названием магазинов для удовлетворения потребностей простого народа»; учреждались с ведома и разрешения властей библиотеки для чтения. Они использовались в качестве официальных мест для проведения совещаний, поскольку общественные собрания были запрещены в связи с действием военного положения в крае. По словам очевидцев, «все польское, или, правильнее сказать, ополяченное население городов приняло самое живое участие в этом деле».

Идея всеобщего восстания находила понимание и среди местных евреев. По воспоминаниям русских чиновников, в следственных делах было много указаний на то, что они участвовали в подготовке вооруженного восстания. Например, еврей Зельман Ландо из Варшавы не только распространял разные воззвания в Западном крае, но и сам писал их; Лейба Цалкис провозил двадцать пудов пороха по Рижско-Динабургской дороге для повстанцев. Правительство же, узнало о восстании только тогда, когда началась открытая вооруженная борьба[13].

Могла ли в таких условиях оставаться в стороне армия? Ведь в начале 1860-х годов каждый пятый офицер российской армии был уроженцем присоединенных западных губерний и Царства Польского. В это время в крае широкую огласку получило письмо, в котором говорилось о том, что офицеры-поляки не остаются в стороне от общего дела.

Особо активное участие в подготовке восстания принимали офицеры, входившие в различные тайные организации и кружки.

Свидетельством того служило письмо (по делу Иосафата Огрызко), присланное в Вильно. Оно ясно обрисовывало существовавшую тактику.

«С.-Петербург, 25-го марта 1862 года.

Зная хорошо твои благородные чувства к отечеству, я должен обрадовать тебя новостью, весьма утешительною для каждого поляка. Вы, верно, и не думаете, чтобы поляки, состоящие в русской военной службе, приготовлялись к освобождению отечества от ига, которым оно угнетено немилосердно. Все поляки судят несправедливо о поляках, состоящих на службе, но и эти последние так же мыслят, как настоящие поляки и самые истые патриоты; если же мы носим шкуру волков, то для приобретения познаний в военном искусстве, а что может быть нужнее в настоящее время для поляка? Потому говорю это, что мы не заслужили презрения со стороны патриотов на словах; когда наступит время восстания, мы докажем это на деле – в поле. Почему тот, кто так строго судит, не подумает, приятно ли носить на плечах эту рубашку Деянизы. О! они очень ошибаются; я сам заметил, что глаза некоторых смотрели на меня с презрением.

Поляки офицеры, находящиеся в трех военных академиях: в артиллерийской, инженерной и генерального штаба, очень часто имеют сходки, собираются у кого-нибудь одного и рассуждают о предметах, чрезвычайно важных для будущности Польши. Два офицера генерального штаба взялись писать польскую тактику, как войска, менее образованные, должны воевать с регулярными русскими войсками. Мы будем иметь много сведений о фортификации, о том, какие ставить препятствия русским войскам, как обучать военной службе партии и т. д., одним словом, очень важные наставления вовремя…

Я познакомился недавно с офицером поляком, выпущенным из Виленского корпуса, подпоручиком Рошковским. Это сильный духом поляк, редко встретишь такого. Мы часто толкуем с ним о вещах, касающихся освобождения отечества. Например: я сказал ему однажды, что очень много батарей стоит в Царстве Польском, а он на то отвечал с улыбкою: “тем лучше, больше их заберем”. Он крепко надеется отбить около ста орудий. В 1831 году едва ли целая польская армия имела столько орудий.

Если он так твердо уверен, то должен иметь к тому какое-нибудь обдуманное средство. Я мог бы сообщить тебе много важных и очень утешительных сведений… Брат Адольф»[14].

В это время активизировали свою деятельность участники тайного кружка в Александровском корпусе. По воспоминаниям кадета С.Ф. Ковалика, в корпусе заметно ощущались либеральные веяния 60-х годов. В 1861–1862 гг. воспитанники, входившие в тайный кружок (Ковалик называет его «кружком самообразования»), собирались по вечерам для чтения книг и журналов. Возглавлял этот кружок либерально настроенный унтер-офицер (или фельдфебель) Литвинов, который старался вести чтения и беседы «в духе настоящего самообразования»[15].

С началом восстания 1863–1864 гг. кадеты вовсе отказались от конспирации: они все чаще читали «выходившие тогда в Петербурге прокламации», и все более и более «проникались, если не революционными, то оппозиционными идеями».

Вскоре руководство корпуса заподозрило о «неблагонамеренности» многих воспитанников и «захотело что-то предпринять». Тогда кадеты, по словам Ковалика, «образовали небольшой кружок с целью сопротивления и борьбы с начальством. Это был своего рода «террористический кружок». Однако предпринять что-либо кадеты не смогли[16].

Если верить словам Ковалика, восстание 1863–1864 гг. не вызвало у кадетов «сколько-нибудь крупных откликов». Он упоминает только об одном воспитаннике Станкевиче, который не вернулся в корпус из отпуска, а примкнул к повстанцам[17]. Однако документы свидетельствуют об обратном. В начале февраля 1863 г., когда в здании корпуса была расквартирована 2-я стрелковая рота л.-гв. Финляндского полка, воспитанники попытались склонить солдат на сторону восставших.

Вот что доносил 2 февраля 1863 г. полковнику Крамеру командир 2-й стрелковой роты л.-гв. Финляндского полка штабс-капитан Засс о беседе кадетов Александровского корпуса с солдатами на политические темы: «Вечером 1 февраля за ужином солдат вверенной мне 2-й стрелковой роты подошли к ним несколько кадет и вступили в разговор со стрелками, предлагая им различные вопросы. Во-первых, что стали бы они бить женщину с ребенком на руках, хотя бы она действовала бы против правительства? На что унтер-офицер Ращин ответил, что бить не стал, а передал бы ее в полицию. Во-вторых, если бы собралась шайка в 10 и более человек и напала бы на армейских солдат, то стали бы они их защищать? На этот

вопрос вышеозначенный унтер-офицер Ращин ответил, что они, солдаты, конечно бы заступились за своих братьев, армейских солдат, которые точно так же, как мы, исполняют присягу на службу своему государю. Тогда воспитанники корпуса стали объяснять, что только один ум должен ставить человека на высшую или низшую степень в обществе и что человек, признанный умным, может даже управлять нами и быть царем, на что унтер-офицер Ращин заметил им строго, что государь император есть помазанник бога и что лицо его есть священное и что мы все должны защищать его своею жизнью до последней капли крови. Разговор был прерван приходом дежурного офицера»[18].

Появление среди воспитанников Александровского кадетского корпуса революционных настроений насторожило царские власти. 14 мая 1863 г. в Петербурге было принято решение о ликвидации учебного заведения. 23 мая виленский генерал-губернатор М.Н. Муравьев обратился по телеграфу к военному министру Д.А. Милютину с предложением ускорить перевод воспитанников в Петербург.

Виленский генерал-губернатор М.Н. Муравьев *(в центре) с группой офицеров российской армии. Фото 1863–1865 гг.*

Он мотивировал свою просьбу тем, что за спокойствие в корпусе нельзя ручаться. Более того, Муравьев высказывал опасение за безопасность для города, когда станет известно о расформировании учебного заведения. 1 июня 1863 г. кадеты на специальном поезде были отправлены в столицу, а имущество корпуса – распродано[19].

Генерал-губернаторский дворец *в Вильно. Фото 1860-х гг.*

Однако воспроизведем слова все того же Сухомлинова, свидетельства которого остаются едва ли не единственным материалом о жизни Александровского корпуса этого периода. «Однажды в свободное от занятий время, когда кадеты играли и гуляли на воздухе, появился командир полка генерал Ганецкий – маленький человек на необычайно большом коне. Несколько кадет, увлеченных игрою, не заметили его и не приветствовали генерала…. (По воспоминаниям С.Ф. Ковалика, кадеты кричали Ганецкому «дурак»).

Вообразив, что это был умышленный афронт со стороны кадет, генерал потерял самообладание и разразился руганью, к которой мы не привыкли и которая возбудила в нас смех, – да и сама фигура начальства представлялась нам в высокой степени комичной.

В то время, как генерал неистовствовал на дворе, то наезжая на одиноких кадет, то осаживая коня, – во всех окнах корпусного здания, вследствие поднявшегося шума, показались кадеты и подняли невероятный вой. Смущенный донельзя генерал круто повернул коня и поскакал к генерал-губернатору. Последний не замедлил явиться лично и учинить нам генеральский разнос.

Мальчишество изображено было мятежом, и в таком смысле было доложено в Петербург: через несколько дней нам пришлось выступать на вокзал, под конвоем казаков, для рассылки по другим кадетским корпусам»[20]. Таким образом Виленский корпус был расформирован.

В.Г. фон Бооль

Хотя, по словам Сухомлинова, ликвидация корпуса произошла из-за вышеописанного инцидента, это было не совсем так. В 1863 г., согласно реформе военных учебных заведений, Александровский корпус был включен в число заведений, подлежащих упразднению. Его ликвидация была заранее предусмотрена, а события, описанные генералом, лишь ускорили решение этого вопроса.

Вот как описывал события тех дней преподаватель 1-го кадетского корпуса Владимир Георгиевич фон Бооль: «В пятницу вечером, совершенно неожиданно для служащих, приезжает в Вильну помощник главного начальника военных учебных заведений генерал-майор Никита Васильевич Корсаков и объявляет, что корпус немедленно закрывается, что через два дня, т. е. в понедельник, воспитанники должны быть на вокзале железной дороги для отправки в Петербург... Белье, книги, библиотека, аптека и кабинеты физический,

химический и военные должны быть упакованы в ящики и отправлены в Петербург, а мебель должна быть продана теперь же…Так как покупщиками вещей являлись одни евреи, которые в пятницу вечером и в субботу ничего не покупают, то все имущество пришлось распродать в один воскресный день. Можно себе представить, за что пошли казенные вещи и что потеряли несчастные дежурные офицеры и ротные командиры, обязанные также продать в один день все свое добро евреям, которые конечно не упустили случая прижать невольных продавцов»[21].

По воспоминаниям Ковалика, воспитанников вывозили «таинственно, ночью», под большим конвоем солдат[22]. Решение о расформировании корпуса вызвало возмущение у некоторых воспитанников. Так, кадет Ячный, во время перевода корпуса из Вильно пытался уговорить солдат, эскортировавших «мятежников», перейти на сторону повстанцев. Однако его призыв не был поддержан. Ячного немедленно исключили из числа воспитанников и лишили права поступать в другие военные учебные заведения.

«По своем приезде в Петербург, – вспоминал преподаватель фон Бооль, – воспитанники Александровского Виленского корпуса были разделены на три части: одну часть поместили в здание 1-го кадетского корпуса на Васильевском острове, а две остальные на Петербургской стороне в Павловском и во 2-м кадетских корпусах. Офицерам и ротным командирам, даже и семейным, отвели каждому по одной классной комнате. На этом биваке, почти без всякого дела, воспитанники упраздненного Виленского корпуса провели время до конца июля, когда их постепенно распределили по разным корпусам: меньшую часть оставили в Петербурге [25 человек, лучших], а большую часть опять вывезли из Петербурга в разные губернские корпуса»[23].

Оценивая решение руководства военными учебными заведениями о немедленном закрытии Александровского корпуса, фон Бооль писал: «Как бы там ни было, но достаточно было перевести воспитанников специальных классов в другие кадетские корпуса, где и распределить их по 10-ти в корпусе; там их польские идеи среди русских детей не могли бы иметь никакого дурного влияния, и остальные классы можно было бы оставить на месте до августа, когда и пополнить ими другие корпуса, заместив ими открывшиеся вакансий.

Во всяком случае можно было не разорять ни несчастных служащих, ни казенное добро таким неожиданным закрытием; больше же всего пострадали дети, жившие без дела слишком два месяца»[24].

Что касается помещений и имущества Александровского корпуса, то здание корпуса передали военному госпиталю. Однако, как писал фон Бооль, «не нужда в госпитале заставила закрыть корпус, а оставшееся свободным здание, как ненужное отдано было госпитальному ведомству»[25]. Что касается имущества корпуса, то оно было вывезено из Вильно. Все кабинеты корпуса (артиллерийский, физический, минералогический и химическая лаборатория) были кое-как уложены в ящики и, по приказанию главного начальника, отправлены в здание 1-го корпуса. «Я, – свидетельствовал фон Бооль, – получил приказание разобрать все эти кабинеты, составить опись вещам, починить испорченные приборы и отделить для физического кабинета Финляндского корпуса те приборы, которых у них не значится по их описи, а артиллерийский и минералогический кабинеты целиком отправить в этот корпус». На это занятие у фон Бооля ушло более полугода. Потом он получил указание все упаковать в ящики и отправить в Финляндский корпус. Оставшаяся часть была передана в Тульский корпус[26].

После упразднения Александровского кадетского корпуса по приказу императора его реликвии были переданы во вновь открытое Александровское военное училище. Среди них было Знамя батальона корпуса, которое предписывалось выносить в строй батальона юнкеров. Оно было пожаловано Николаем I Брестскому корпусу 23 февраля 1844 г. На полотнищах знамени изображался красный крест с светло-синими и темно-зелеными углами пополам. 15 января 1845 г. знамя было торжественно вручено корпусу. По этому же поводу шеф корпуса цесаревич Александр Николаевич подарил учебному заведению свой портрет[27].

Кроме того, в военное училище передавались Евангелие в богатом окладе, образ Св. Александра Невского, написанный при рождении портрет наследника Александра Николаевича и пожалованный корпусу Николаем I, каска и два мундира, которые шеф корпуса надевал во время посещения заведения, золотая медаль, выбитая в память коронования Александра II и пожалованная корпусу 14 ноября 1856 г., формулярный список Александра Николаевича за 1847 г., рисунок

погона корпуса с литерой «А» и собственноручным добавлением Александра II, акт об открытии корпуса в 1842 г., белая мраморная доска в память посещения корпуса императором 20 октября 1860 г., серая мраморная доска с именами отличнейших по выпуску кадет за 1848 и 1852 гг. и две черные мраморные доски с именами умерших от ран и убитых на поле брани офицеров, бывших кадет корпуса[28].

26 апреля 1909 г. по инициативе выпускников Александровского Брестского корпуса, в первую очередь генерала В.А. Сухомлинова, бывшего в то время военным министром, состоялось высочайшее повеление о восстановлении памяти Брестского корпуса. Его преемником было приказано считать корпус императора Александра II. В это учебное заведение было передано находившееся на хранении в Александровском военном училище знамя бывшего Александровского Брестского кадетского корпуса, другие предметы[29].

11 декабря 1911 г. состоялась торжественная церемония передачи из Первого кадетского корпуса иконы Св. Александра Невского, подаренной цесаревичем Александром Николаевичем бывшему Александровскому Брестскому кадетскому корпусу. Для получения иконы в Первый кадетский корпус прибыла депутация в составе директора корпуса генерал-лейтенанта Калишевского и двух кадетов. В сопровождении священника икона была доставлена в карете к главному подъезду корпуса имени Александра II.

К этому времени в корпус прибыли начальник Главного управления военных учебных заведений генерал от инфантерии А.Ф. Забелин, многие бывшие воспитанники Александровского Брестского и императора Александра II кадетских корпусов. Икона была торжественно перенесена в корпусную церковь[30].

В 1917 г. после отречения императора от престола представители новой власти потребовали от директоров кадетских корпусов отправить корпусные знамена в Петроград для переделки – устранения на их полотнищах изображений корон и вензелей Николая II. Согласно приказу по военному ведомству от 4 апреля знамена следовало направлять в Технический комитет Главного интендантского управления «без соблюдения церемонии, установленной для отвоза знамен». Однако вскоре последовало разрешение военного министра приостановить отправку знамен и отложить вопрос об изменении их внешнего вида до окончания войны. При этом царские вензеля

должны были быть временно закрыты материей по цвету знамени. В сентябре 1917 г., в связи с состоявшимся преобразованием кадетских корпусов в гимназии военного ведомства, последовало указание начальника Главного управления о размещении знамен бывших кадетских корпусов в церквях гимназий.

В годы гражданской войны многие кадетские корпуса были восстановлены в прежнем порядке. Большинство из сохранившихся гимназий военного ведомства пробивалось на юг и восток. Там они готовили офицерские кадры для армий А.И. Деникина, П.Н. Врангеля и А.В. Колчака. Остальные гимназии и корпуса были ликвидированы в 1918 г. Что касается дальнейшей судьбы реликвий Брестского кадетского корпуса, то она неизвестна.

Жетон и нагрудный знак
Александровского Брестского кадетского корпуса

Знак Александровского (императора Александра) кадетского корпуса
в Петербурге (утвержден 1 мая 1910 г.) – преемника Александровского Брестского кадетского корпуса

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Вторая четверть XIX ст. была особым периодом в истории белорусских земель. Восстание 1830–1831 гг. отчетливо показало социальную напряженность в западных губерниях. Император Николай I повел жесткую политику полного слияния этих территорий с Российской империей. Репрессии против представителей дворянства Беларуси, так называемый разбор шляхты, решение о ликвидации униатской церкви, отмена действия Статута Великого княжества Литовского и введение российского законодательства, закрытие Виленского университета и многие другие действия правительства не могли разрешить проблему.

В обществе понимали, что проводимая экономическая и социальная политика должна быть более гибкой. На наш взгляд, одним из элементов такой политики и было решение Николая I о создании в Беларуси военных учебных заведений закрытого типа. Расчет был на привлечение на свою сторону молодых и образованных представителей шляхты. Не случайно поэтому первоначально комплектование Александровского Брестского кадетского корпуса осуществлялось в основном воспитанниками из белорусских губерний и Царства Польского. В то же время в число преподавателей выходцы из белорусских губерний не допускались.

Однако свою главную идеологическую задачу по формированию преданных престолу офицеров Брестский кадетский корпус в полном объеме выполнить не смог. Многие его выпускники стали активными участниками революционного движения. В их числе один из руководителей польской демократической эмиграции, генерал Парижской коммуны Я.В. Домбровский, революционер-народник С.Ф. Ковалик, командир отряда повстанцев 1863 г. в Литве Т.Ф. Владычанский, участник кружка «чернышевцев» В.К. Гейнс и многие другие.

Из Александровского Брестского кадетского корпуса вышли известные ученые. Среди них: картограф, генерал-лейтенант Э.А. Каверский; заслуженный профессор Николаевской инженерной академии

генерал-лейтенант А.Ф. Плюцинский; автор трудов по строительной механике, директор С.-Петербургского технологического института Х.С. Головин.

Выпускниками кадетского корпуса были талантливые художники братья А.Г. и Г.Г. Горавские.

В Александровском кадетском корпусе обучался В.А. Сухомлинов, ставший впоследствии военным министром Российской империи, членом Государственного совета, генералы Я.Ф. Барабаш, И.Ф. Барковский, А.С. Беневский, В.П. Булаев, П.В. Бертгольд, В.В. Гурчин, братья А.И. и В.И. Домбровские, Л.И. Драгат, И.Н. Жайковский, И.М. Зайцев, Г.И. Иванов, Я.С. Крживоблоцкий, И.В. Лясковский, Н.Ф. Марьянов, К.Н. Нищенко, И.М. Поволоцкий, Е.В. Соколов, А.В. Стерлигов, Н.А. Сухомлинов, А.Д. Туган-Мирза-Барановский, П.П. Харинский, А.П. Шанявский, А.Р. Шуляченко.

Таким образом, Брестский кадетский корпус был авторитетным учебным заведением. Его деятельность способствовала формированию новых подходов в образовательной политике, проводимой в белорусских губерниях, способствовала развитию просвещения в крае.

ИСТОЧНИКИ

Введение

1. *Бекцінееў Ш.І., Кірылава Н.М.* Брэсцкі кадэцкі корпус // Энцыклапедыя гісторыі Беларусі. У 6 т. Мн., 1994. Т. 2. С. 101.

2. *Куль-Сяльверстава С.* Брэсцкі кадэцкі корпус // Беларускі гістарычны часопіс. 1998. № 3. С. 48–53.

3. *Ильин А.* Брестский заговор 1846 года // Гістарычная Брама. 2003. № 3–4. С. 49–52.

4. *Богданов Г.В., Дьяков В.А.* Алфавит участников революционного движения в русской армии за 1861–1863 гг. // Восстание 1863 г. и русско-польские революционные связи 60-х годов. М., 1960. С. 489–637; *Дьяков В.А.* Ярослав Домбровский. М., 1969; *Дьяков В.А., Миллер И.С.* Революционное движение в русской армии и восстание 1863 г. М., 1964.

5. *Дьяков В.А.* Деятели русского и польского освободительного движения в царской армии 1856–1865 годов. (Биобиблиографический словарь). М., 1967.

6. *Снытко Т.Г.* Студенческое движение в русских университетах в начале 60-х годов и восстание 1863 г. // Восстание 1863 г. и русско-польские революционные связи 60-х годов. М., 1960. С. 176–322.

7. Полное собрание законов Российской империи с 1649 г. по 12 декабря 1825 г. СПб., 1830. Собрание I. Т. 1–45; Полное собрание законов Российской империи с 12 декабря 1825 г. по 1 марта 1881 г. СПб., 1830–1884. Собрание II. Т. 1–55.

8. Свод военных постановлений (далее – СВП). В 10 кн. СПб., 1838. Ч. 1. Кн. 3; Свод военных постановлений. В 10 кн. СПб., 1859. Ч. 1. Кн. 3.

9. *Мельницкий Н.Н.* Сборник сведений о военно-учебных заведениях в России (сухопутного ведомства). В 4 т. СПб., 1857–1860. Кн. 1–6.

10. Восстание в Литве и Белоруссии 1863–1864 гг. М., 1965.

11. Национальный исторический архив Беларуси (далее – НИАБ). Ф. 2613. Оп. 1. Д. 13, 14.

12. НИАБ. Ф. 2613. Оп. 1. Д. 16.

13. *Мельницкий Н.Н.* Указ. соч. Т. II. Ч. 4. С. 8–11.

14. Российский государственный военно-исторический архив (далее – РГВИА). Ф. 345. Оп. 1. Д. 1, 2.

15. РГВИА. Ф. 345. Оп. 1. Д. 33.

16. НИАБ. Ф. 2613. Оп. 1. Д. 12, 18.

17. СВП. СПб., 1838. Ч. 1. Кн. 3. Приложения.

18. НИАБ. Ф. 2613. Оп. 1. Д. 19, 20, 25; РГВИА. Ф. 345. Оп. 1. Д. 54-а.

19. НИАБ. Ф. 2613. Оп. 1. Д. 24, 26.

20. НИАБ. Ф. 2613. Оп. 1. Д. 23.

21. Военно-статистический сборник. СПб., 1871. Вып. IV; Декабристы. Биографический справочник. М., 1988.

22. Краткий отчет о положении и ходе военно-учебных заведений в двадцатипятилетнее царствование государя императора. СПб., 1850.

23. *Глиноецкий Н.П.* Исторический очерк Николаевской академии Генерального штаба. СПб., 1882; *Гольмдорф М.* Материалы для истории бывшего Дворянского полка до переименования его в Константиновское военное училище. 1807–1859. Очерк. СПб., 1882.

24. См.: Адрес-календарь. Общая роспись начальствующих и прочих лиц по всем управлениям в Российской империи на 1844 год. СПб., 1844. Ч. 1.

25. *Еленский О.* Мои воспоминания о забытом корпусе // Русская старина. 1895. Т. 83. № 6. С. 143–169; Т. 84. № 11. С. 185–203; *Еленский О.* Мысли и воспоминания поляка // Русская старина. 1906. Т. 127. № 9. С. 670–714; Т. 128. № 10. С. 200–242; *Кайгородов Д.Н.* Из времен польского восстания 1863 года. (Воспоминания старого кадета-полочанина) // Исторический вестник. 1907. № 6; *Ягмин Ю.* Воспоминания польского повстанца 1863 года // Исторический вестник. 1892. № 9.

26. Федор Яковлевич Миркович. 1789–1866. Его жизнеописание, составленное по собственным его запискам, воспоминаниям близких людей и подлинным документам. СПб., 1889. Т. 1.

Раздел 1

1. *Кропотов Д.А.* Жизнь графа М.Н. Муравьева в связи с событиями его времени и до назначения его губернатором в Гродно. Биографический очерк. СПб., 1874. С. 259–260.

2. Там же. С. 269–270.

3. Там же. С. 259–260, 269–270.

4. Там же. С. 275; *Копцік Ю.* …«учредить в белорусском городе Орше высшее учебное заведение» // Беларуская мінуўшчына. 1996. № 5. С. 34–36; *Пасэ У.С., Цяплова В.А.* Беларуская навучальная акруга // Энцыклапедыя гісторыі Беларусі. У 6 т. Мн., 1993. Т. 1. С. 382–383.

5. *Лалаев М.С.* Исторический обзор регламентации воспитания и обучения в наших военно-учебных заведениях от основания первых военных школ до последнего времени // Военный сборник. 1900. № 1. С. 121, 124; *Мельницкий Н.Н.* Сборник сведений о военно-учебных заведениях в России (сухопутного ведомства). В 4 т. СПб., 1857. Т. II. Ч. 3. С. 10.

6. *Мельницкий Н.Н.* Указ. соч. Т. II. Ч. 3. С. 11.

7. *Лалаев М.С.* Исторический очерк военно-учебных заведений, подведомственных Главному их управлению. (От основания в России военных школ до исхода первого двадцатипятилетия благополучного царствования государя императора Александра Николаевича. 1700–1880). В 3 ч. СПб., 1880. Ч. 2. С. 3–4.

8. *Мельницкий Н.Н.* Указ. соч. Т. II. Ч. 3. С. 58–59.

9. Там же. С. 64–65; *Лалаев М.С.* Исторический очерк военно-учебных заведений… Ч. 2. С. 7.

10. Свод военных постановлений. В 10 кн. Ч. 1: Образование военных учреждений. Кн. 3: Образование военно-учебных заведений с их управлениями (далее – СВП – 1838). СПб., 1838. С. 64; *Мельницкий Н.Н.* Указ. соч. Т. II. Ч. 3. С. 71.

11. СВП – 1838. С. 50. Первоначально штаб состоял из двух отделений, но в 1835 г. он был расширен до четырех, а в 1841 г. – до пяти. Функции этих отделений были следующие: 1-го инспекторского – переписка по вопросам приема и выпуска воспитанников; 2-го инспекторского – кадровые вопросы; 3-го учебного – вопросы, связанные с подготовкой воспитанников; 4-го хозяйственного – административно-хозяйственные вопросы; 5-го счетного – составление отчетности по всем заведениям. – *Лалаев М.С.* Исторический очерк военно-учебных заведений… Ч. 2. С. 10–12.

12. *Лалаев М.С.* Исторический очерк военно-учебных заведений… Ч. 2. С. 17, 19.

13. *Волков С.В.* Русский офицерский корпус. М., 1993. С. 104–105.

14. *Мельницкий Н.Н.* Указ. соч. Т. II. Ч. 3. С. 59–60.

15. *Волков С.В.* Указ. соч. С. 104–105; СВП – 1838. С. 49–50.

16. *Мельницкий Н.Н.* Указ. соч. Т. II. Ч. 3. С. 176.

17. Цит. по: *Арлоў У.* Таямніцы полацкай гісторыі. Мн., 1994. С. 376.

18. *Викентьев В.П.* Полоцкий кадетский корпус. 1835–1910. Исторический очерк. Полоцк, 1910. С. 51.

19. Дети учителей и гражданских чиновников губернских кадетских корпусов из дворян получали право поступления в кадетские корпуса наравне с дворянами приписанных губерний только при условии, что их отцы прослужили или обяжутся прослужить при губернском корпусе не менее 4 лет или умерли, находясь на службе в корпусе. См.: Мельницкий Н.Н. Указ. соч. Т. II. Ч. 3. С. 198.

20. *Щербачев Г.Д.* Двенадцать лет молодости. Воспоминания // Русский архив. 1890. № 1. С. 87.

21. Краткий отчет о положении и ходе военно-учебных заведений ... С. 34; *Мельницкий Н.Н.* Указ. соч. СПб., 1858. Т. III. Ч. 5. С. 100.

22. См.: Правила для определения малолетних дворян в кадетские корпуса 1845 г. // *Мельницкий Н.Н.* Указ. соч. Т. III. Ч. 5. С. 99–110.

Раздел 2

1. *Ильяшевич Л.* Несколько слов о составе корпуса офицеров нашей армии по вероисповеданию // Военный сборник. 1863. № 8. Часть неоф. С. 625; *Еленский О.* Мысли и воспоминания поляка // Русская старина. 1906. № 9. С. 673.

2. *Еленский О.* Мысли и воспоминания поляка // Русская старина. 1906. № 9. С. 673.

3. Из записок Ф.Я. Мирковича // Русский архив. 1890. № 3. С. 415–416.

4. *Дьяков В.А.* Ярослав Домбровский. М., 1969. С. 12–13.

5. Лаўроўская І. Ад гэтай царквы не засталося і следу // Беларускі гістарычны часопіс. 1994. №. 2. С. 36.

6. *Аворотаў У.А., Ходцава Т.М.* Брэсцкая крэпасць // Энцыклапедыя гісторыі Беларусі. У 6 т. Мн., 1994: Т. 2. С. 94–95.

7. *Ярашэвіч А.А.* Брэсцкі кляштар бернардзінцаў // Там же. С. 101.

8. Из записок Ф.Я. Мирковича // Русский архив. 1890. № 3. С. 414–416.

9. Там же. С. 420–421.

10. Там же. С. 422–423.

11. НИАБ. Ф. 320. Оп. 3. Д. 77. Л. 9.

12. Федор Яковлевич Миркович. 1789–1866. Его жизнеописание, составленное по собственным его запискам, воспоминаниям близких людей и подлинным документам. СПб., 1889. Т. 1. С. 262.

13. НИАБ. Ф. 320. Оп. 3. Д. 77. Л. 7а–7а об.

14. Там же. Л. 17–17 об., 18 об.

15. Там же. Л. 20–20 об., 25 об.

16. Там же. Л. 30. Аналогичные грамоты были даны дворянству Гродненской и Виленской губерний и Белостокской области.

17. Там же. Л. 32-а –32-а об.; *Викентьев В.П.* Указ. соч. С. 148.

18. НИАБ. Ф. 320. Оп. 3. Д. 77. Л. 7 об., 19 об., 23.

19. Там же. Л. 57–57 об.

20. *Мельницкий Н.Н.* Указ. соч. Т. II. Ч. 4. С. 237–238, 239.

21. *Еленский О.* Мои воспоминания о забытом корпусе // Русская старина. 1895. № 6. С. 145.

22. *Дьяков В.А*. Ярослав Домбровский. С. 14–15.

23. *Еленский О.* Мои воспоминания о забытом корпусе // Русская старина. 1895. № 6. С. 145.

24. Первоначально прием в корпус должен был проводиться по следующему распорядку: от Виленской губернии – 15, от Гродненской – 10, от Минской – 15, от Белостокской области – 2, от Королевства Польского – 10 (всего 52). – НИАБ. Ф. 320. Оп. 3. Д. 77. Л. 146. – Согласно этому предписанию были составлены списки кандидатов на первый прием. От Минской губернии в число 15 счастливчиков попали: Иван Казимир Вержбицкий, Бронислав Сармат Семен Тарновский, Эдуард Фердинанд Пузиновский, Константин Януарий Ковзан, Зенон Бронислав Фальковский, Иосиф Игнатий Коверский, Станислав Август Одинец, Адам Оржешкевич, Кастан Лука Чаплеевский, Казимир Рымашевский, Антон Франц Клишевич, Кастан Донат Марцинкевич. Трое подростков не попали в число кадетов по малолетству. После увеличения вакансий для каждой губернии был произведен

дополнительный набор кандидатов. В число девяти претендентов от Минской губернии попали: Казимир Адам Санькевич, Антон Корабанович, Киприан Константин Кеневич, Сатурмин Клементий Кер(с)новский, Казимир Свирский, Евгений Витольд Доманский, Константин Игнатий Гурский, Владислав Болеслав Русецкий, Николай Франц Зенкевич. – НИАБ. Ф. 320. Оп. 3. Д. 77. Л. 166–166 об., 250.

25. В течение же первых двух лет после упразднения эта сумма была несколько меньшей, т. к. определенная часть средств шла на выплату жалованья персоналу Щебржешинского училища. Спустя два года сумма в 6 тыс. руб. серебром стала полностью поступать в Александровский корпус. Из нее 5225 руб. 83 коп. пошли на уравнение штата Брестского корпуса с аналогичным штатом 2-го Московского кадетского корпуса (после перевода Брестского кадетского корпуса в Москву в 1854 г.), 600 руб. – на содержание трех воспитанников в Брестском, Полоцком и Владимирском Киевском кадетских корпусах, а остаток средств использовался для накопления суммы, на проценты с которой можно было содержать еще одного воспитанника. – *Мельницкий Н.Н.* Указ. соч. СПб., 1860. Т. IV. Ч. 6. С. 328, 330–331.

26. Там же. С. 348. – Из прошения Иосифа Круковецкого Ждановича от 23.9.1859: «Двоюродный дядя мой, помещик и бывший межевой судья Бобруйского уезда Иосиф Матеушов сын Круковецкий Жданович, духовным завещанием 4 декабря 1842 года учиненным и 1847 года ноября 27 в Минской палате гражданского суда совершенным, между прочим отказал 15.000 рублей серебром на увеличение капитала Александровского Брестского кадетского корпуса с тем, чтобы на следующие от этой суммы проценты, преимущественно содержались на воспитании его родственники». – НИАБ. Ф. 320. Оп. 1. Д. 360. Л. 26–27 об.

27. Федор Яковлевич Миркович. Его жизнеописание... Т. 1. С. 262–263.

28. Там же. С. 281.

29. Там же. С. 282.

30. НИАБ. Ф. 2613. Оп. 1. Д. 16. Л. 1.

Раздел 3

1. *Еленский О.* Мои воспоминания о забытом корпусе // Русская старина. 1895. № 6. С. 150.

2. Там же. С. 156.

3. Там же. С. 156–157.

4. *Викентьев В.П.* Указ. соч. С. 195.

5. *Мельницкий Н.Н.* Указ. соч. Т. II. Ч. 4. С. 138–139, 255–256; Т. III. Ч. 5. С. 132–133.

6. *Волков С.В.* Указ. соч. С. 72–84, 150–170.

7. НИАБ. Ф. 2613. Оп. 1. Д. 13. Л. 13 об.–14; *Мельницкий Н.Н.* Указ соч. Т. II. Ч. 4. С. 130–131.

8. РГВИА. Ф. 345. Оп. 1. Д. 54-а. Л. 1–147.

9. Там же; Адрес-календарь. Общая роспись начальствующих и прочих должностных лиц… на 1850 г. СПб., 1850. Разд. 3. С. 9–10; Адрес календарь ... на 1854 г. СПб., 1854. Разд. 3. С. 289.

Раздел 4

1. Цит. по: *Викентьев В.П.* Указ. соч. С. 178.

2. *Мельницкий Н.Н.* Указ. соч. Т. II. Ч. 4. С. 8–11; Викентьев В.П. Указ. соч. С. 72–73.

3. *Викентьев В.П.* Указ. соч. С. 77–78, 144.

4. *Лалаев М.С.* Исторический обзор регламентации… С. 129–130.

5. *Крылов Н.А.* Кадеты сороковых годов. (Личные воспоминания) // Исторический вестник. 1901. № 9. С. 944.

6. *Еленский О.* Мои воспоминания о забытом корпусе // Русская старина. 1895. № 6. С. 157–158.

7. *Дьяков В.А.* Ярослав Домбровский. М., 1969. С. 15.

8. *Еленский О.* Мои воспоминания о забытом корпусе // Русская старина. 1895. № 6. С. 157–158.

9. *Щербачев Г.Д.* Двенадцать лет молодости. Воспоминания // Русский архив. 1890. № 1. С. 89–90.

10. *Еленский О.* Мои воспоминания о забытом корпусе // Русская старина. 1895. № 6. С. 157.

11. *Щербачев Г.Д.* Двенадцать лет молодости // Русский архив. 1890. № 1. С. 89–90.

12. Цит. по: *Алпатов Н.И.* Учебно-воспитательная работа в дореволюционной школе интернатского типа. (Из опыта кадетских корпусов и военных гимназий в России). М., 1958. С. 78.

13. *Дьяков В.А.* Ярослав Домбровский. С. 16.

14. *Еленский О.* Мои воспоминания о забытом корпусе // Русская старина. 1895. № 6. С. 162.

15. Педагогический сборник. 1914. № 12. С. 549.

16. *Еленский О.* Мои воспоминания о забытом корпусе // Русская старина. 1895. № 6. С. 163.

17. Из прошлого... // Исторический вестник. 1883. № 3. С. 716.

18. *Еленский О.* Мои воспоминания о забытом корпусе // Русская старина. 1895. № 6. С. 164.

19. Из прошлого... // Исторический вестник. 1883. № 3. С. 716–718.

20. *Еленский О.* Мои воспоминания о забытом корпусе // Русская старина. 1895. № 6. С. 164.

21. *Ягмин Ю.* Воспоминания польского повстанца 1863 года // Исторический вестник. 1892. № 9. С. 569.

22. *Еленский О.* Мои воспоминания о забытом корпусе // Русская старина. 1895. № 6. С. 150–151.

23. Там же. С. 151.

24. *Ягмин Ю.* Воспоминания польского повстанца 1863 года // Исторический вестник. 1892. № 9. С. 569.

25. *Дьяков В.А.* Ярослав Домбровский. С. 21–22.

26. Цит. по: Там же. С. 22.

27. *Ягмин Ю.* Воспоминания польского повстанца1863 года // Исторический вестник. 1892. № 9. С. 569.

28. Там же. С. 569–570.

29. *Еленский О.* Мои воспоминания о забытом корпусе // Русская старина. 1895. № 6. С. 169.

30. *Ильин А.* Брестский заговор 1846 года // Гістарычная Брама. 2002. № 3–4. С. 51.

31. *Дьяков В.А.* Ярослав Домбровский. С. 22.

32. Цит. по: Там же. С. 23–24.

33. *Дьяков В.А.* Ярослав Домбровский. С. 24–25; *Он же*. Деятели русского и польского… С. 164; РГВИА Ф. 345. Оп. 1. Д. 26-а. Л. 29.

Раздел 5

1. *Мельницкий Н.Н.* Указ. соч. Т. II. Ч. 3. С. 79–80.

2. *Дьяков В.А.* Ярослав Домбровский. С. 18–19.

3. РГВИА. Ф. 345. Оп. 1. Д. 2. Л. 165.

4. *Еленский О.* Мои воспоминания о забытом корпусе // Русская старина. 1895. № 6. С. 147.

5. РГВИА. Ф. 345. Оп. 1. Д. 2. Л. 229 об.

6. Там же. Д. 2. Л. 171.

7. Там же. Д. 33. Л. 98.

8. *Крылов Н.А.* Кадеты сороковых годов. (Личные воспоминания) // Исторический вестник. 1901. № 9. С. 964.

9. Там же.

10. *Еленский О.* Мои воспоминания о забытом корпусе // Русская старина. 1895. № 6. С. 159.

11. Там же. С. 159–160. Младшим врачом в Бресте был доктор Стакман, человек «сведущий», ласковый и внимательный к кадетам. Третьим доктором был Асмус. Он лечил только руководство, и в редких случаях – кадетов.

12. РГВИА. Ф. 345. Оп. 1. Д. 33. Л. 98 об.

13. Цит. по: *Алпатов Н.И.* Учебно-воспитательная работа в дореволюционной школе интернатского типа. (Из опыта кадетских корпусов и военных гимназий в России). М., 1958. С. 65–66.

14. *Викентьев В.П.* Указ. соч. С. 178.

15. Цит. по: *Алпатов Н.И.* Указ. соч. С. 70.

16. *Еленский О.* Мои воспоминания о забытом корпусе // Русская старина. 1895. № 6. С. 148.

17. Школа российского офицерства. Исторический справочник / сост. Ю. Голушко, А. Колесников. М., 1993. С. 204–205.

18. *Мельницкий Н.Н.* Указ. соч. Т. II. Ч. 4. С. 73–104.

19. *Еленский О.* Мои воспоминания о забытом корпусе // Русская старина. 1895. № 6. С. 152.

20. Там же; РГВИА. Ф. 345. Оп. 1. Д. 54а.

21. *Таборовский А.* Антон Иванович Лакс (из воспоминаний) // Русская старина. 1890. №. 2. С. 583–585.

22. Там же.

23. *Еленский О.* Мои воспоминания о забытом корпусе // Русская старина. 1895. № 6. С. 152.

24. Там же. В момент написания мемуаров Еленского они оба еще работали: о. Горизонтов – протоиерем при Варшавской соборной церкви; ксендз Козьмян – каноником Виленской капитулы.

25. *Еленский О.* Мои воспоминания о забытом корпусе // Русская старина. 1895. № 6. С. 152–153.

Раздел 6

1. *Лалаев М.С.* Исторический очерк военно-учебных заведений… Ч. 2. С. 97–100, 109–114.

2. Цит. по: *Викентьев В.П.* Указ. соч. С. 127; см.: *Гольмдорф М.* Указ. соч. С. 16–17.

3. *Волков С.В.* Указ. соч. С. 106–107; СВП – 1838. С. 158–175.

4. *Волков С.В.* Указ. соч. С. 107, 110.

5. *Кайгородов Д.Н.* Из времен польского восстания 1863 года. (Воспоминания старого кадета-полочанина) // Исторический вестник. 1907. № 6. С. 800.

6. *Волков С.В.* Указ. соч. С. 67.

7. *Еленский О.* Мои воспоминания о забытом корпусе // Русская старина. 1895. № 6. С. 164.

8. Там же. С. 165.

Раздел 7

1. *Дьяков В.А.* Ярослав Домбровский. С. 27; *Он же.* Деятели русского и польского…С. 137, 78.

2. Из истории Брестского кадетского корпуса / подготовил А. Смирнов // Гістарычная Брама. 2002. № 1–2. С. 85.

3. *Еленский О.* Мои воспоминания о забытом корпусе // Русская старина. 1895. № 6. С. 166.

4. Там же. С. 166–167.

5. Там же. № 11. С. 186.

6. Историческое описание перемен в одежде и вооружении российских войск. Новосибирск, 1944. Т. 28. 1855 г. С. 9; *Еленский О.* Мои воспоминания о забытом корпусе // Русская старина. 1895. № 11. С. 191–192.

7. *Еленский О.* Мои воспоминания о забытом корпусе // Русская старина. 1895. № 11. С. 196.

8. Историческое описание перемен в одежде и вооружении российских войск. Новосибирск, 1944. Т. 28. 1855 г. С. 32, 47; *Еленский О.* Мои воспоминания о забытом корпусе // Русская старина. 1895. № 11. С. 192–193.

9. *Еленский О.* Мои воспоминания о забытом корпусе // Русская старина 1895. № 11. С. 189.

10. Там же. С. 201– 202.

11. Адрес-календарь. Общая роспись начальствующих и прочих должностных лиц… на 1857 г. СПб., 1857. Разд. 3. С. 274; Адрес календарь. Общая роспись ... на 1861 г. СПб., 1861. Разд. 3. С. 533–534.

12. *Дьяков В.А*. Ярослав Домбровский. С. 17–18.

13. *Ягмин Ю.* Воспоминания польского повстанца 1863 года // Исторический вестник. 1892. № 9. С. 570.

14. *Еленский О.* Мои воспоминания о забытом корпусе // Русская старина 1895. № 11. С. 192.

15. Там же. С. 190–191.

16. Там же. С. 191.

17. Там же. С. 194–195.

18. *Ягмин Ю.* Воспоминания польского повстанца 1863 года // Исторический вестник. 1892. № 9. С. 570.

19. *Еленский О.* Мои воспоминания о забытом корпусе // Русская старина. 1895. № 11. С. 187.

20. *Старый кадет.* Преподаватели // Разведчик. № 115. С. 550–551; *Ашенбреннер М.Ю.* Военная организация «Народной Воли» и другие воспоминания. (1860–1904 гг.). М., 1924. С. 5.

21. *Снытко Т.Г.* Студенческое движение в русских университетах в начале 60-х годов и восстание 1863 г. // Восстание 1863 г. и русско-польские революционные связи 60-х годов. М., 1960. С. 203–204.

22. *Еленский О.* Мои воспоминания о забытом корпусе // Русская старина. 1895. № 11. С. 198.

23. *Снытко Т.Г.* Студенческое движение в русских университетах в начале 60-х годов и восстание 1863 г. // Восстание 1863 г. и русско-польские революционные связи 60-х годов. М., 1960. С. 217–218.

24. *Еленский О.* Мои воспоминания о забытом корпусе // Русская старина. 1895. № 11. С. 198.

25. Там же; РГВИА Ф. 345. Оп. 1. Д. 26-а. Л. 14 об.

26. *Еленский О.* Мои воспоминания о забытом корпусе // Русская старина. 1895. № 11. С. 190.

27. См.: *Дьяков В.А.* Деятели русского и польского освободительного движения. С. 224–230.

28. *Дьяков В.А.* Деятели русского и польского освободительного движения; *Богданов Г.В.*, *Дьяков В.А.* Алфавит участников революционного движения в русской армии за 1861–1863 гг. // Восстание 1863 г. и русско-польские революционные связи 60-х годов. М., 1960. С. 489–637; РГВИА. Ф. 345. Оп. 1. Д. 26-а. Л. 1–88.

Раздел 8

1. Военный сборник. 1875. № 5. Часть оф. С. 138.

2. *Зайончковский П.А.* Милютин Д.А. Биографический очерк // Дневник Д.А. Милютина. М., 1947. Т. 1. С. 27.

3. *Зайончковский П.А.* Военные реформы 1860–1870 годов в России. М., 1952. С. 224–225.

4. *Бескровный Л.Г.* Русская армия и флот в XIX веке: военно-экономический потенциал России. М., 1973. С. 171–172.

5. Там же. С. 173– 175.

6. Цит. по: *Бескровный Л.Г.* Русская армия и флот в XIX в. С. 172.

7. *Зайончковский П.А.* Военные реформы. С. 228–229.

8. *Викентьев В.П.* Указ. соч. С. 225.

9. Там же. С. 226.

10. РГВИА. Ф. 345. Оп. 1. Д. 81. Л. 1.

11. Воспоминания В.А. Сухомлинова. М.; Л., 1926. С. 11.

12. Воспоминания В.А. Сухомлинова. С. 12.

13. Из записок И.А. Никотина // Русская старина. 1902. № 2. С. 333.

14. Цит. по: Из записок И.А. Никотина // Русская старина. 1902. № 8. С. 333–335.

15. Ковалик С.Ф. Автобиография // Гранат. 7-е изд. Т. 40. Стлб. 164–165.

16. Там же.

17. Там же.

18. Восстание в Литве и Белоруссии 1863–1864 гг. М., 1965. С. 107.

19. См.: ГИА Литвы. Ф. 378. Оп. 219, Д. 373, Л. 1–14; Восстание в Литве и Белоруссии… С. 107; Воспоминания В.А. Сухомлинова.

С. 12–13; *Бооль фон В.Г.* Воспоминания педагога // Русская старина. 1904. № 10. С. 75.

20. Воспоминания В.А. Сухомлинова. С. 12–13.

21. Бооль фон В.Г. Воспоминания педагога // Русская старина. 1904. № 10. С. 75.

22. Ковалик С.Ф. Автобиография // Гранат. 7-е изд. Т. 40. Стлб. 165.

23. *Бооль фон В.Г.* Воспоминания педагога // Русская старина. 1904. № 10. С. 75–76.

24. Там же. С. 76.

25. Там же.

26. Там же // Русская старина. 1904. № 8. С. 305.

27. *Мельницкий Н.Н.* Указ. соч. Т. II. Ч. 4. С. 66–67; т. III. Ч. 5.

28. Александровский Брестский кадетский корпус // Военная энциклопедия. СПб., 1911. Т. 17. С. 252–253.

29. Там же. С. 253.

30. Из кадетского императора Александра II кадетского корпуса // Педагогический сборник. 1912. № 1. С. 35.

ВОСПИТАННИКИ БРЕСТСКОГО КАДЕТСКОГО КОРПУСА

Адамович Петр Иосифович (? – 12.1869, Москва), поручик 2-го стрелкового батальона. Католик. Уроженец Виленской губ. Из дворян. Имением не владел. Окончил Брестский кадетский корпус и Константиновское военное училище. В 1861–1862 гг. учился в Николаевской академии Генерального штаба, после окончания (?) назначен во 2-й стрелковый батальон, дислоцировавшийся в Беларуси. Во второй половине 1862 г. Я. Домбровский, по собственному его признанию, просил Л. Звеждовского содействовать прикомандированию Адамовича к штабу 1-го армейского корпуса, где Звеждовский занимал должность старшего адъютанта. В 1863 г. Адамович был отправлен в 6-й резервный стрелковый батальон, находившийся в Нижнем Новгороде. Был близок к переведенному в Нижний Новгород Н.А. Михайлову, активному участнику революционной организации, возглавлявшейся Комитетом русских офицеров в Польше, одному из руководителей так называемого «Казанского заговора». Выйдя в отставку в 1864 г., поселился в Москве; был тесно связан с П. Маевским, Б. Шостаковичем и другими революционными деятелями. В показаниях Н. Ишутина (03.1867) назван в числе офицеров, создавших тайное общество под влиянием польской пропаганды. В 1868–1869 гг. Адамович привлекался к следствию по обвинению в укрывательстве «беглого поляка Поплавского» и «в революционных связях с поляками».

Барабаш Яков Федорович (12.5.1838 – после 1894), генерал-майор. Православный. Окончил Александровский кадетский корпус (1856), 2-е Константиновское военное училище (1858) и Николаевскую академию Генерального штаба (1864). Службу начал в 1861 г. поручиком в л.-гв. Литовском полку. С 1866 г. штабс-капитан Ген-штаба. С 1874 г. начальник Иркутского юнкерского училища, затем начальник штаба войск Приморской области. В 1884 г. назначен военным губернатором и командующим войсками Забайкальской области, управляющий гражданской частью и наказным атаманом Забайкальского казачьего войска. С 6.2.1888 г. военный губернатор и командующий войсками Тургайской области.

Барковский Иван Фомич (28.12.1831 – после 1894), генерал-лейтенант. Католик. Из дворян. Окончил Брестский кадетский корпус (1849?), Дворянский полк (1851) и Николаевскую академию Генерального штаба (1862). Участник Крымской войны, подавления восстания 1863–1864 гг. С 1864 г. чиновник особых поручений при генерал-провиантмейстере, а затем при генерал-интенданте Военного министерства. С 1867 по 1879 г. помощник заведующего статистической частью Главного интендантского управления. С 23.12.1881 г. совещательный член технического комитета Главного интендантского управления и начальник статистического отдела Министерства путей сообщения.

Беневский Аркадий Семенович (29.3.1840 – после 1894), генерал-лейтенант. Лютеранин. Из дворян. Окончил Брестский кадетский корпус (1856), 2-е военное Константиновское училище (1859) и Николаевскую академию Генерального штаба (1864). Службу начал поручиком. Служил в 8-м стрелковом батальоне. В 1865–1878 гг. в Генштабе. С 1878 г. командир 19-го пехотного полка. С 1880 г. помощник начальника штаба Восточно-Сибирского, а с 1884 г. – Приамурского военных округов, затем командир 2-й Восточно-Сибирской стрелковой бригады. С 1886 г. военный губернатор Амурской области, командующий войсками этой области и наказной атаман Амурского казачьего войска. С 14.3.1892 г. начальник штаба Киевского военного округа. С 12.3.1894 г. помощник начальника Главного штаба; член Военно-ученого комитета Главного штаба, постоянный член отделения по передвижению войск и военных грузов и комитета по мобилизации войск. Почетный гражданин Благовещенска. Из его детей наиболее известны: Иван Аркадьевич (1880–1921) – «толстовец» и Мария Аркадьевна Беневская-Степенок – эсерка-террористка.

Бертгольд Павел Васильевич (22.3.1841 – после 1894), генерал-майор, военный инженер. Лютеранин. Из дворян. Окончил Александровский кадетский корпус (1859), 2-е военное Константиновское училище (1860) и Николаевскую инженерную академию. Службу начал поручиком. С 1878 г. начальник Ковенской инженерной дистанции. В 1885–1894 гг. начальник Ковенского крепостного инженерного управления, помощник начальника инженеров Виленского военного округа. С 3.2.1894 г. начальник инженеров Виленского военного округа.

Булаев Василий Петрович (30.7.1832 – после 1894), генерал-майор. Православный. Из дворян. Окончил Брестский кадетский корпус (1850) и Дворянский полк (1852). Службу начал прапорщиком. В 1854–1856 гг. участвовал в Крымской войне. Служил в артиллерийских частях. Участник подавления восстания 1863–1864 гг. С сентября 1891 г. командир 30-й артиллерийский бригады.

Валицкий Анзельм. Католик. Из дворян Минской губ. Получил домашнее воспитание. Воспитывался в Брестском кадетском корпусе на стипендию дворянства Минской губ. 9.9.1859 г. «за весьма ненадежное поведение и вредное влияние на товарищей» выписан на действительную службу в армию юнкером.

Владычанский Теофиль (Феофил) Фадеевич (1833 – 09.1863), подполковник в отставке Генерального штаба. Католик. Из дворян Гродненской губ. Окончил Брестский кадетский корпус (1850), Дворянский полк (1852) и Николаевскую академию Генерального штаба (1857). Службу начал в л.-гв. Драгунском полку. В 1859–1863 гг. в Генштабе. В апреле 1863 г. подал в отставку и командовал повстанцами в Литве и Польше. Погиб.

Вольский Генрих Николай Игнатий Карлович (10.9.1840 – после 1861). Сын помещика, губернского секретаря Вольского. Католик. Из дворян. Первоначально получил домашнее образование. В 1851 г. зачислен в Брестский кадетский корпус, который окончил в 1861 г. с офицерским чином.

Гаврилов, отставной офицер Астраханского гренадерского полка. Поляк. Окончил Брестский кадетский корпус. В 1863 г., будучи заведующим государственными крестьянами в Ряжском уезде, вместе с отставным подпоручиком Богдзевичем, выражал «особенно живое сочувствие революционерам», а кампанию за подписание верноподданнических адресов царю называл «пошлой демонстрацией».

Гедройц Антоний Кликс Богуславович (1841 – ?, Вилейка), подпоручик. Католик. Из дворян Виленской (по другим сведениям – Минской) губ., сын уездного казначея. Окончил Александровский Брестский кадетский корпус (1861) и переведен в 3-й специальный класс Константиновского военного училища, а затем – в Артиллерийское училище. В 1862 г. поступил в Михайловскую Артиллерийскую академию; участвовал в кружке Сераковского – Домбровского. В 1862 г. оказался замешанным вместе с подпоручиком Рыдзевским

и другими офицерами академии в деле студентов Медико-хирургической академии Б. Степута и И. Бабашинского. В связи с этим за ним был установлен полицейский надзор. В феврале 1863 г. взял отпуск и выбыл из Петербурга в Вильно. В назначенный срок к месту службы не возвратился, причем, по сообщению виленского генерал-губернатора В.И. Назимова от 30.4.1863 г., объяснялось это его болезнью. В Виленской губ. присоединился к повстанцам; впоследствии эмигрировал в Париж.

Гейнс Владимир Константинович (16.10.1839 – 5.11.1888, Лондон), идеалист и позитивист, известный под именем Вильяма Фрея. Православный. Из дворян Эстляндской губ. Отец – генерал. Родился в военном лагере. Первые 10 лет провел в Севастополе. С детства отличался математическими способностями. Окончил Брестский кадетский корпус (1856), Константиновское военное училище (1858), Михайловскую артиллерийскую академию (1860) и геодезическое отделение Николаевской академии Генерального штаба (1864). В 1865–1869 гг. в Генштабе. Был лектором в академии, одновременно работал под руководством астронома Струве в Пулковской обсерватории. В качестве отличного специалиста по геодезии Гейнс был назначен представителем России в международной комиссии, учрежденной для точного определения дуги меридиана. В 1869 г. в чине капитана Генштаба планировалось назначение Гейнса в Туркестан, но он вышел в отставку. С начала 60-х принимал участие в деятельности тайных кружков и организаций. По словам М.П. Сажина, состоял в кружке «чернышевцев», возглавляемом П.Л. Лавровым; по свидетельству Л.Ф. Пантелеева, входил в «Землю и волю». В записной книжке Н.П. Огарева фигурировал в качестве петербургского связного Комитета русских офицеров в Польше. Впоследствии эмигрировал, жил в США и Англии, где безуспешно пытался создать различные идеалистические коммуны. В 1885 г. навестил Россию, где встречался с Л.Н. Толстым.

Голиневич (Голеневич) Николай Николаевич (1838–?), поручик Сибирского гренадерского полка. Православный. Из дворян Минской губ. Окончил Брестский кадетский корпус (1855), Константиновское военное училище (1857) и Николаевскую академию Генерального штаба (1861). С 1857 г. был репетитором по тактике в Брестском корпусе. С 1859 г. учился в Академии Генштаба, был

активным участником кружка Сераковского – Домбровского. По секретной депеше генерала Рамзая, во время нахождения в отпуске в Петербурге был арестован в ночь с 24 на 25.10.1862 г. Подготовка к аресту производилась по личным указаниям Д.А. Милютина, который 24.10 направил дежурному генералу графу Гейдену следующую записку: «Прошу арестовать находящегося в Петербурге причисленного к генеральному штабу поручика Голиневича и отобрать у него бумаги. Дальнейшее распоряжение объясню в отзыве моем, посылаемом вместе с сим по почте»... О том, как будет исполнено, буду ждать уведомления, [генерал-лейтенанту] Веригину можно будет объявить завтра. Д. Милютин». Арестованный был доставлен в Варшаву и водворен в Александровскую цитадель. Однако его виновность доказать не удалось. Вот что говорится об этом в донесении начальника штаба войск в Царстве Польском от 19.5.1863 г.: «При следствии поручик Голиневич объяснил, что хотя он и навещал штабс-капитана Домбровского как товарища по академии и слышал, что у него бывали литературные вечера, но сам на вечерах этих не находился и в чем состояли они, не знал. Поручик Варавский на дополнительных допросах показал, что он на Голиневича показал по ошибке. Затем поручик Голиневич конфирмацией его императорского высочества главнокомандующего, последовавшею на докладе о штабс-капитане Домбровском, освобожден из-под ареста и как совершенно оправдавшийся от подозрения по означенному делу отправлен к месту служения...». С 02.1863 г. служил в штабе Гренадерского корпуса. В 01.1864 г. «по воле начальства» был уволен от службы, так как не пользовался политическим доверием.

Головин Харлампий Сергеевич (1844 – после 1897), действительный статский советник. Из дворян. Окончил Александровский кадетский корпус, 2-е военное Константиновское училище и Николаевскую инженерную академию (1867). Профессор (1879). С 1868 г. читал лекции по механике в Николаевской инженерной академии. В качестве военного инженера принимал участие в русско-турецкой войне 1877–1878 гг. С 1879 г. профессор строительной механики С.-Петербургского технологического института. С 1888 г. профессор Харьковского технологического института. С 1891 г. директор С.-Петербургского технологического института. Автор трудов по строительной механике и учебных спецкурсов.

Горавские, братья-художники. Уроженцы имения Уборки Игуменского уезда Минской губ. Их творчество неразрывно связано с Беларусью.

Аполлинарий Гилярович (18.1.1833 – 1900), пейзажист и портретист. В 1843–09.1848 гг. учился в Брестском кадетском корпусе. 1.1.1846 г. был отмечен среди воспитанников 1-й мушкетерской роты за постоянное хорошее поведение. Учился в Петербургской Академии художеств (1850–1854), в 1855–1860 гг. на стипендию академии усовершенствовал мастерство в Женеве, Дюссельдорфе, Риме и Париже. С 1856 г. был близко знаком с русским художественным деятелем П.М. Третьяковым, помогал ему формировать художественную коллекцию. В 1869–1871 гг. путешествовал по России, Украине и Беларуси; собирал материал для своих картин. Часто бывал на родине, жил в Уборках (1860–1880-х), зимой выезжал в Петербург, где в 1862–1886 гг. преподавал в рисовальной школе Общества содействия художествам. Произведения А. Горавского отличаются жизненной правдивостью, глубокой народностью, высоким техническим мастерством, поэтично воспевают красоту белорусской природы, народный быт: «Болото» (1852), «Пейзаж с рекой и дорогой» (1853), «Вечер», «Пейзаж в имении Кушелева-Безбородки Краснополица» (оба 1854), «Вид дубравы около Бобруйска» (1855), «Липы» (1857), «На родине» (1860, написан в д. Бродец Минской губ.), «Пинские болота», «Река Березина», «Свислочь» (все 1868), «Вечер в Минской губернии», «Пейзаж с коровами» (1870-е), «Осень», «Время жатвы» (1890), «Цветет конюшина» (1895). Писал портреты, наиболее известные: К. Солдатенкова (1857), женщины с палитрой (1867), матери, «Женский портрет» (оба 1868), Ф. Бруни (1871), М. Глинки (1878), художника Л.Ф. Лагорио (1890-е). Высокими художественными качествами отличается картина «Старая молится» (1857). Делал зарисовки народных типов («Крестьянин», 1888 и др.).

Гилярий Гилярович, акварелист второй половины XIX в. В 1856–1862 гг. учился в Брестском кадетском корпусе. В 1862 г. покинул корпус «по домашним обстоятельствам». Учился в рисовальной школе Общества содействия художествам в Петербурге (до 1868), потом в Академии художеств (до 1873). Среди пейзажей: «Вид госпиталя Петропавловского собора» (1870), «Цветы» (1872) и др.

Ипполит Гилярович (1.7.1828 – ?), пейзажист. Специальное образование получил в школе Мощинского в Минске. С 1855 г. посещал занятия в Петербургской Академии художеств. Известны пейзажи «На берегах реки Березины» (1857), «Вид в окрестностях Бобруйска» (1858) и др. Возможно, учился в Брестском кадетском корпусе.

Геистор (Гектор). В 1852 г. зачислен в Брестский корпус как стипендиат от дворянства Минской губернии. После окончания кадетского корпуса в 1861 г. переведен в 3-й специальный класс Константиновского военного училища.

Горбатовский Антон Роберт Викентьевич. Из дворян Минской губ. Определен в Брестский кадетский корпус в 1851 г. По Высочайшему повелению, объявленном в отзыве Главного штаба е.и.в. по военным учебным заведениям от 13.8.1857 г. «за неуспехи в науках, выключен на действительную службу в армию юнкером».

Грекулов Сергей воспитанник Брестского кадетского корпуса. В 1862–1863 гг. был связан с В.С. Кувязевым и Н.Е. Мазаракием. В своих письмах выказывал антиправительственные убеждения.

Гурчин Витольд Викентьевич (? – после 1894), генерал-майор. Католик. Из дворян. Окончил Брестский кадетский корпус (1847), Дворянский полк (1849) и Николаевскую академию Генерального штаба (1859). Служил в л.-гв. Павловском полку, поручик. В 1861–1870 гг. в Генштабе, служил на Кавказе. В 1870–1874 гг. командир 82-го пехотного Дагестанского полка. С 1874 г. снова в Генштабе. Участник русско-турецкой войны 1877–1878 гг.; в 1878 г. начальник штаба действующего корпуса на турецко-кавказской границе. Награжден золотым оружием с надписью «За храбрость» с алмазами. Затем находился в распоряжении командующего Кавказской армией.

Двораковский Игнатий. Из дворян Минской губ. 16.6.1861 г. выпущен из Александровского (Брестского) кадетского корпуса на службу офицером.

Домбровский Адам Иорданович (22.12.1843 – после 1894), генерал-майор. Католик. Из дворян. Окончил Александровский кадетский корпус (1863) и Военно-юридическую академию (1876). Службу начал в 1863 г. подпоручиком. С 1876 г. помощник военного прокурора Кавказского военно-окружного суда. С 1881 г. военный следователь Киевского военного округа. С 1886 г. военный судья Казанского, а с 1.6.1889 г. – Омского военно-окружного суда.

Домбровский Викентий Иорданович (9.7.1845 – после 1894), генерал-майор. Католик. Из дворян. Окончил Александровский (?) кадетский корпус (1863), 2-е военное Константиновское училище (1864) и Военно-юридическую академию (1874). Службу начал в 1864 г. подпоручиком. С 1874 г. помощник военного прокурора Одесского военно-окружного суда. С 12.4.1884 г. военный судья Одесского военно-окружного суда.

Домбровский Ярослав Викторович (13.11.1836, Житомир – 23.5.1871, Париж), деятель революционного движения. Из дворян Волынской губ. Окончил Брестский кадетский корпус (1853) и Константиновское военное училище (1855). Служил в 19-й артиллерийской бригаде. Участник военных действий на Кавказе в 1855–1858 гг. В 1860–1861 гг. будучи слушателем Академии Генерального штаба (вып. 1861), вместе с З. Сераковским возглавлял революционный кружок, состоявший преимущественно из слушателей военных академий. Легальным прикрытием кружка являлись «литературные вечера», устраивавшиеся на квартире Домбровского и Варавского. В 1863 г. Петербургская следственная комиссия пришла к заключению: «Без особых улик, которых по делу нет, не представляется никакой возможности к открытию настоящей цели бывших у Домбровского сборищ, хотя по самовольной отлучке от места служения почти всех бывших в обществе его Домбровского офицеров не остается никакого сомнения в том, что сборища эти были вовсе не для литературных занятий». После окончания академии, получив назначение в Царство Польское в начале 1862 г., стал одним из руководителей Комитета русских офицеров и одновременно видным деятелем левицы красных (был членом ЦНК этой партии, возглавлял Варшавскую городскую организацию). В 08.1862 г. был арестован как «навлекший на себя сильное подозрение в преступных связях с партией злоумышленников и принятии личного участия в действиях этой партии», предан военному суду. Арестованный продолжал поддерживать связь с революционным подпольем из каземата Варшавской цитадели. Следствие длилось более года. Приговорен в 12.1864 г. к лишению чинов, дворянства, наград, «всех прав состояния» и к 15 годам каторги. В день опубликования приговора бежал из пересыльной тюрьмы в Москве. Длительное время скрывался в Москве и в Петербурге, а затем выехал

за границу. Впоследствии один из крупнейших деятелей польской демократической эмиграции, генерал Парижской коммуны.

Драгат Любомир Иосифович (01.01.1834 – после 1894), генерал-майор. Лютеранин. Из дворян. Окончил Брестский кадетский корпус (1850), Дворянский полк (1852) и Николаевскую академию Генерального штаба (1859). Службу начал в 1852 г. прапорщиком в л-гв. Волынском полку. В 1854–1855 гг. участник Крымской войны. В 1861–1870 гг. в Генштабе. С 1870 г. – командир 109-го пехотного Волжского полка. С 1875 г. Келецкий губернский воинский начальник. В 1878 г. назначен Люблинским губернским воинским начальником и начальником Люблинского военного госпиталя. С 1881 г. начальник 8-й местной бригады, с 1883 г. – командир 1-й бригады 41-й пехотной дивизии. С 26.12.1892 г. начальник 6-й местной бригады.

Еленский Иван. Из дворян Минской губ. 16.6.1861 г. выпущен из Александровского (Брестского) кадетского корпуса на службу офицером.

Еленский Октавий (1838, Борисов – после 1864), офицер лейб-гренадерского Екатеринославского полка. Из дворян. Окончил Брестский кадетский корпус (1859). Службу начал в 1859 г. и первое время находился в Муроме; позже служил в Москве. Участвовал в кружке оппозиционно настроенных офицеров, был знаком с Л. Звеждовским. Оставил интересные записки о Брестском корпусе.

Жабицкий Эварнет Ксаверьевич (1840 – ?), подпоручик 3-го стрелкового батальона. Из дворян Царства Польского. Окончил Брестский кадетский корпус (1859). Службу начал в 1859 г. В 1861 г. проявил «неблагонадежность», в 1862 г. вышел в отставку и поселился в Сувалках. Вероятный участник революционной организации офицеров русской армии в Польше.

Жайковский Иосиф Петрович (10.9.1841 – после 1894), генерал-майор. Католик. Из дворян. Окончил Брестский кадетский корпус (1859), 2-е военное Константиновское училище (1860) и Михайловскую артиллерийскую академию (1862). Службу начал в 1860 г. поручиком. С 1862 г. штабс-капитан. С 1867 г. помощник делопроизводителя, а с 1868 г. делопроизводитель канцелярии артиллерийского комитета Главного артиллерийского управления. С 07.02.1880 г. начальник отделения и совещательный член артиллерийского комитета Главного артиллерийского управления.

Загоровский Мечислав Алексеевич (1839 – ?), прапорщик л.-гв. Стрелкового батальона. Католик. Из дворян Минской губ. Окончил Брестский кадетский корпус (1856) и Константиновское военное училище (1859). В 1859 г. поступил в Инженерную академию, но за участие в «истории» был отчислен в часть. Был связан с членами кружка Сераковского – Домбровского.

Загорский Яков. Из дворян Минской губ. 16.6.1861 г. выпущен из Александровского кадетского корпуса на службу юнкером.

Зайцев Иван Моисеевич (? – до 1894), генерал-майор. Из дворян. Окончил Брестский кадетский корпус (1850), Дворянский полк (1852) и Николаевскую академию Генерального штаба (1859). Служил в л.-гв. Волынском полку, поручик. После окончания академии вернулся в строй, затем служил начальником отделения в Главном штабе. Генерал для поручений при начальнике Главного штаба.

Иванов Григорий Иванович (17.9.1841 – после 1894), генерал-майор. Православный. Из дворян. Окончил Брестский кадетский корпус (1859) и Николаевскую академию Генерального штаба (1864). Службу начал в 1859 г. прапорщиком. В 1865–1874 гг. – в Генштабе. Участник походов в Среднюю Азию 1870, 1871 г. и Хивинской экспедиции 1873 г. С 1874 г. командир 3-го Туркестанского линейного батальона. С 1876 г. заведующий передвижением войск по р. Волге и ее притоках и по Уральско-Горнозаводской ж.д. С 1878 г. состоял при штабе Харьковского военного округа. В 1878–1882 гг. – начальник штаба 6-й резервной, затем 34-й пехотной дивизий. С 1882 г. заведующий Азиатской частью Генерального штаба. С 15.06.1887 г. военный губернатор Семиреченской области, командующий войсками области и наказной атаман Семиреченского казачьего войска.

Каверский (Коверский) Эдуард (Эдвард) Аверьянович (Аврелианович) (17.3.1837, Игуменский у. Минской губ. – 17.7.1916), генерал-лейтенант, картограф. Окончил Брестский кадетский корпус (1853), Дворянский полк (1855), Михайловскую артиллерийскую академию (1857) и геодезическое отделение Николаевской академии Генерального штаба (1862). Католик. Из дворян Минской губ. В 1850 г. переехал с семьей в Ивенец. Службу начал в 1855 г. прапорщиком. С 1857 г. служил в 1-й полевой артиллерийской бригаде. В 1857–1858 гг. был репетитором во 2-м Петербургском

кадетском корпусе. С 1860 г. учился в Академии Генштаба; в 03.1862 г. подписал протест против телесных наказаний в армии. С 1863 г. в Генштабе. В 1881 г. начальник Геодезического отделения Военно-картографического отдела Главного штаба и член Военно-ученого комитета Главного штаба. Под его руководством впервые были составлены карты Азиатской части Российской империи, Прибалтики и др. 5.4.1896 г. получил награду Русского Географического общества «Золотой орел». Был основателем Алексеевского костела в Ивенцах (освещен в 1907 г.); пожертвовал на его строительство 30 тыс. руб. Похоронен в этом костеле.

Каплинский Гелиодор. Католик. Из дворян Минской губ. Получил домашнее воспитание. Воспитывался в Брестском кадетском корпусе на стипендию дворянства Минской губ. 09.09.1859 г. «за весьма ненадежное поведение и вредное влияние на товарищей», отправлен на действительную службу в армию юнкером.

Кеневич Владислав Феофилович (1831, Пинский уезд?–23.10.1879, Петербург), педагог, автор педагогических сочинений, историк литературы, библиограф, переводчик. Учился в Брестском кадетском корпусе. Окончил Дворянский полк. Во время учебы в полку были замечены способности Кеневича и он рекомендован для продолжения учебы в университете. После окончания Дворянского полка самостоятельно изучил греческий и латинский языки и выдержал экзамен в университет. По окончании университета (1852) был преподавателем в Дворянском полку, а потом в 1-м кадетском корпусе. Крупнейший знаток жизни и творчества русского баснописца Ивана Крылова; собирал о нем библиографические материалы, воспоминания современников. Фундаментальный труд Кеневича – «Библиографические и исторические примечания к басням Крылова» (СПб., 1878).

Ковалик Сергей Филиппович (13.10.1846, им. Свадковичи Чериковского у. Могилевской губ. – 26.4.1926), революционер-народник. После смерти в 1848 г. матери воспитывался отцом. В 1856 г. поступил в Александровский Брестский корпус. В 1863 г. после расформирования корпуса переведен во 2-й специальный класс Павловского военного училища. Во время учебы в училище увлекся химией, создал собственную лабораторию. Окончил Павловское военное училище (1864). В 1864 г. поступил вольнослушателем в

Петербургский университет. В 1865 г. сдал гимназический экзамен в Могилеве и был переведен в студенты. Из-за отсутствия финансовых средств снова перевелся в вольнослушатели (с 1868 г. – Киевского университета). Самостоятельно усиленно занимался по физике и химии. В 1869 г. в Киеве защитил кандидатскую диссертацию по математике. В 1873 г. выезжал в Цюрих, где встречался с М.А. Бакуниным, П.Л. Лавровым, П.Н. Ткачевым. В 1874 г. вернулся в Россию, организовал 10 народнических кружков, которые вели агитацию среди крестьян. В июле 1874 г. арестован в Самарской губ. вместе с Н.К. Судзиловским. Сначала отбывал наказание в Петропавловской крепости в Петербурге. На процессе 193-х (1877–1878) осужден на 10 лет каторги. С 1880 г. отбывал ссылку в Якутии. В 1898 г. несколько месяцев жил в м. Блонь Игуменского у. Минской губ. в имении А.В. Бонч-Осмоловского, до 1914 г. работал счетоводом в Минске. С 1915 г. прикомандирован к Земскому союзу, где работал вместе с М.В. Фрунзе. После Февральской революции 1917 г. заместитель председателя Минской городской думы, председатель Минского губернского земельного комитета. По политическим взглядам был близок к социалистам-революционерам. В 1918 г. во время германской оккупации принимал участие в деятельности Минской городской думы. В 1920–1922 гг. работал в Народном комиссариате социального обеспечения БССР. С 1922 г. преподавал высшую математику в Минском политехникуме. Председатель Минского отделения общества политкаторжан и ссыльных поселенцев. Автор воспоминаний «Революционное движение семидесятых годов и процесс 193-х» (1928), ряда статей в журналах «Былое» (1906), «Каторга и ссылка» (1924).

Колесов Владимир Петрович (1838 – ?), прапорщик лейб-гренадерского Екатеринославского полка. Православный. Из дворян, сын майора. Окончил Брестский кадетский корпус (1856), Константиновское военное училище (1858). В 1858–1861 гг. служил в Москве, где был близок к ряду участников революционного движения. В 1862–1863 гг., будучи слушателем Артиллерийской академии, имел контакты с петербургскими революционерами и в то же время поддерживал связь со своими московскими товарищами, в частности с участником восстания 1863–1864 гг. Игнатием Будзиловичем.

Крживоблоцкий Яков Степанович (29.7.1832 – 21.4.1900, Петербург), генерал от инфантерии. Православный. Из дворян. Окончил Брестский кадетский корпус (1849), Дворянский полк (1851) и Николаевскую академию Генерального штаба (1856). Службу начал в 1851 г. прапорщиком в л.-гв. Московском полку. В 1858–1866 гг. в Генштабе. Участник подавления восстания 1863–1864 гг. С 1866 г. по 1870 г. командир 3-го Нарвского генерал-фельдмаршала князя М.С. Воронцова пехотного полка. С 1870 г. снова в Генштабе. В 1870–1876 гг. – помощник начальника штаба, а в 1876–1882 гг. начальник штаба Одесского военного округа. Участник русско-турецкой войны 1877–1878 гг. С 1882 г. начальник 14-й пехотной дивизии. С 20.12.1890 г. командир 14-го армейского корпуса. Член Военного совета. Автор «Описания Костромской губернии» (СПб. 1861); редактор «Военного обозрения Одесского военного округа». Сотрудничал с «Военным сборником».

Кулеш Антон. Из дворян Минской губ. В 1861 г. выпущен из Александровского кадетского корпуса на службу офицером.

Кульчицкий Евстафий Болеслав Францевич (20.9.1842 – май 1863), подпоручик полевой пешей артиллерии. Католик. Из дворян Августовской губ. В 1850–1859 гг. учился в Брестском кадетском корпусе. Окончил Новгородский кадетский корпус (1861) и Артиллерийское училище (1862). В 1862 г. был произведен в подпоручики и зачислен в Михайловскую артиллерийскую академию. Вероятный участник петербургских офицерских кружков. В 1863 г. скрылся из Петербурга и присоединился к повстанцам в Витебской губ. В мае 1863 г. в Военное министерство поступила из Витебска следующая телеграмма: «45 себежских мятежников взяты в Дриссенском уезде войсками и крестьянами; начальник – офицер Артиллерийской академии Болеслав Францевич Кульчицкий; из прочих – Вельгорский, Мезуницкий, Балахович, возмущавшие полоцких кадет». Оказавшись плененным, застрелился.

Лилье Иван. Из дворян Минской губ. Окончил Александровский кадетский корпус (1861) и переведен в 3-й специальный класс Константиновского военного училища.

Литвинов, выпускник Александровского кадетского корпуса (1862 или 1863). Впоследствии закончил Артиллерийское училище

(1864 или 1865). В кадетском корпусе в Вильно возглавлял тайный кружок. Во время учебы в Артиллерийском училище, по словам С.Ф. Ковалика, «ходил в красной рубахе и вел самые революционные речи». В 1870-е гг. был воспитателем Пажеского корпуса и «уже не интересовался никакими общественными вопросами».

Лопатин (Лопатто) Фелициан. Из дворян Минской губ. В 1861 г. выпущен из Александровского кадетского корпуса на службу офицером.

Люгайло Бронислав Ольгерд Варфоломеевич (1840 – 7.3.1864, Ковно), поручик Полоцкого пехотного полка. Католик. Из дворян Виленской губ. Окончил Брестский (1855) и Константиновский (1857) кадетские корпуса. Службу начал в 1857 г. в Полоцком полку. В конце 1861 г. – начале 1862 г. был учителем истории в юнкерской школе, открытой в Житомире под начальством Н.Н. Кармалина. В 1862 г. подал прошение об увольнении со службы по домашним обстоятельствам. Уволен приказом от 02.08.1862 г. После увольнения из армии поступил учиться в Московский университет, где был активным деятелем «Огула». С началом восстания 1863–1864 гг. возглавлял повстанческий отряд в Ковенской губ. под псевдонимом Черноскальский. Отличался исключительной твердостью характера и непримиримостью к изменникам. Попал в плен и был повешен.

Лясковский Игнантий Викентьевич (1832 – после 1863), штабс-капитан пешей батареи Артиллерийского училища. Католик. Из дворян Минской губ. Окончил Брестский кадетский корпус (?). Участник Крымской войны. С 09.1860 г. был прикомандирован к Артиллерийскому училищу. Участник кружка Сераковского – Домбровского. Во время восстания 1863–1864 гг. видный повстанческий командир в Ковенской губ. После восстания находился в эмиграции. Брат Иосифа и Вильгельма Лясковских.

Лясковский Иосиф Викентьевич (16.5.1835 – после 1894), генерал-майор. Католик. Из дворян. Окончил Брестский кадетский корпус (1851) и Дворянский полк (1853). Службу начал в 1853 г. прапорщиком. Участник Крымской войны. Отличался при обороне Севастополя. С 1871 г. командир 6-й батареи 8-й артиллерийской бригады. С 1890 г. командир 3-й батареи 1-й гренадерской артиллерийской бригады. С 11.10.1893 г. командир Восточно-Сибирской артиллерийской бригады.

Лясковский Станислав Викентьевич (Вильгельм Станислав), 9.1.1840 – ?), поручик 1-й полевой артиллерийской бригады. Католик. Из дворян Минской губ. Первоначально получил домашнее образование. Окончил Брестский кадетский корпус (1856), Константиновское военное училище (1859) и Михайловскую артиллерийскую академию (1862). В 1859–1860 гг. – на службе. С 1860 г. учился в академии; посещал «литературные вечера» у Я. Домбровского. Участник восстания 1863–1864 гг. на территории Минской губ. В марте 1863 г. вместе с З. Сераковским участвовал в военном совете в Вильно, где обсуждался общий военно-стратегический план восстания. В апреле 1863 г. готовил восстание в Минской губ., организовал и возглавил повстанческий отряд в лесах Игуменского у. При отряде находился губернский комиссар Б. Свенто(р)жецкий, в составе отряда – революционер-демократ А. Трусов. Провел ряд боев с карателями: под Юровичами, под Логином. В июле захватил в плен царского генерала (был отпущен под слово чести). Осенью 1863 г. распустил отряд. В конце 1863 г. через Петербург сбежал за границу. В 1865 г. избран в состав «литовской делегации» в Париже, которая представляла интересы повстанцев-эмигрантов из Беларуси и Литвы. Позже жил в Бельгии.

Маевский Болеслав (Бронислав) Игнатьевич (около 1839 – ?), поручик 4-й артиллерийской бригады; активный участник революционной организации офицеров русской армии в Польше. Католик. Из дворян. Окончил Брестский кадетский корпус (1855) и Константиновское военное училище (1857). Службу начал в 1857 г. в 1-й полевой артиллерийской бригаде.

Малешевский Болеслав Фомич (6.12.1844 – после 1897), действительный статский советник. Из дворян Гродненской губ. Окончил Александровский кадетский корпус (до 1863) и Варшавскую главную школу (1868). За диссертацию «О гармонических и ангармонических соотношениях и их приложениях» в 1868 г. удостоился степени магистра физико-математических наук. До 1892 г. находился на частной службе. В 1892 г. назначен членом ученого комитета Министерства финансов. С 1894 г. директор Особенной канцелярии по кредитной части Министерства финансов. Принял ряд мер к упорядочиванию банковской деятельности, в том числе меры против чрезмерной биржевой игры.

Марьянов Николай Федорович (2.4.1842 – после 1894), генерал-майор. Православный. Из дворян. Окончил Александровский кадетский корпус (1859) и Николаевскую инженерную академию. Службу начал в 1859 г. корнетом. С 1890 г. командир 1-го Кавказского саперного батальона. С 19.8.1892 г. начальник Кавказской саперной бригады.

Мацкевич Франц Станиславович. Воспитанник Александровского кадетского корпуса от Новогрудского у. Минской губ. В апреле 1861 г. умер в лазарете корпуса.

Миончинский Виктор Станиславович (1842 – ?), подпоручик 10-го стрелкового батальона. Католик. Из дворян Люблинской губ. Окончил Александровский кадетский корпус (1862). В рапорте дежурного генерала Главного штаба командиру 4-го армейского корпуса от 6.9.1862 г. указывалось, что Миончинский не вполне благонадежен «по своему образу мыслей». Военный министр Д.А. Милютин, опасаясь, чтобы Миочинский «не оказал своим образом мыслей вредного влияния на других офицеров-сослуживцев», приказал установить за ним строгий секретный надзор. В 1863 г. подал прошение об увольнении по болезни. До решения этого вопроса он был прикомандирован к Петербургскому батальону внутренней стражи. Уволен приказом от 17.10.1863 г. и выехал в Галицию.

Неслуховский Станислав Юзеф Иосафатович (1842 – ?), подпоручик. Католик. Из дворян Минской губ. Окончил Александровский кадетский корпус (1861) и переведен в 3-й специальный класс Константиновского военного училища, а затем – в Артиллерийское училище, которое окончил в июне 1862 г. с зачислением в Артиллерийскую академию. Был близок к Е.А. Рыдзевскому, А. Гедройцу и другим участникам кружка Сераковского-Домбровского. В феврале 1863 г. переведен в 15-ю артиллерийскую бригаду; прибыл туда в июле 1863 г. и сразу подал в отставку по болезни.

Нищенко Константин Никанорович (19.1.1844 – после 1894), генерал-майор. Православный. Из дворян. Окончил Александровский кадетский корпус (1862) и 2-е военное Константиновское училище (1863). Службу начал в 1863 г. поручиком. Участник русско-турецкой войны 1877–1878 гг. С 1878 г. командир 19-го стрелкового батальона. В апреле 1888–1892 гг. командир 68-го лейб-пехотного Бородинского Его Величества полка. С 22.6.1892 г. начальник 2-й Восточно-Сибирской стрелковой бригады.

Обырн Иван (Ян), воспитанник Брестского кадетского корпуса. В 1859 г. выписан на службу за «неблагонадежное поведение».

Павлович Богуслав Семенович (1841 – 19.7.1863, Брест-Литовск), прапорщик 13-й полевой артиллерийской бригады. Католик. Из дворян. Окончил Александровский кадетский корпус (1861). Службу начал в 1861 г. в 13-й артиллерийской бригаде. С 05. по 09.1862 г. был прикомандирован к Михайловской артиллерийской академии, но не сдал экзамен и был отправлен в бригаду, находившуюся в Херсонской губ. Самовольно отклонился от маршрута, жил некоторое время в Варшаве, за что был наказан двумя неделями ареста на гауптвахте. В январе 1863 г. «выехал» из Варшавы в часть, но, как оказалось, в феврале 1863 г. перешел к повстанцам и был адъютантом Р. Рогинского. Впоследствии попал в плен и был расстрелян.

Падлевский Зыгмунт Владиславович (1.1.1836, Малые Чернявцы, близ Бердичева – 15.5.1863, Плоцк), поручик гвардейской конной артиллерии. Католик. Из дворян Волынской губ. Окончил Брестский кадетский корпус (1855), Константиновское военное училище (1857) и Михайловскую артиллерийскую академию (1859). После окончания академии остался на службе в Петербурге. Активный участник кружка Сераковского – Домбровского. В 1861 г., взяв 11-месячный отпуск, выехал за границу, стал преподавателем польской военной школы в Генуе-Кунео, возглавив левое крыло эмигрантского Общества польской молодежи. С осени 1862 г. член ЦНК партии красных; повстанческий начальник Плоцкого воеводства; расстрелян в Плоцке.

Пиленко Евгений Р. (около 1845 – ?), воспитанник Александровского кадетского корпуса (Вильно). Православный. Из дворян Зеньковского у. Полтавской губ. В 1862 г. вместе с другими воспитанниками читал «Современник», «Молодую Россию» и заявил о своем почтении к Н.Г. Чернышевскому и Н.А. Добролюбову.

Плюцинский Александр Федорович (6.3.1844 – 17.2.1900, Екатеринослав), генерал-лейтенант. Заслуженный профессор Николаевской инженерной академии (1892). Православный. Из дворян Полтавской губ. Обучался в Полоцком, окончил Александровский кадетский корпус (1862), Михайловское артиллерийское училище (1863) и Николаевскую инженерную академию (1865). Службу начал в 1863 г. подпоручиком в 14-й артиллерийской бригаде. В том же году переведен

в Николаевскую крепостную артиллерию. С 1868–1875 гг. репетитор, а в 1875–1882 гг. – преподаватель по фортификации Николаевской инженерной академии и училища. С началом русско-турецкой войны 1877–1878 гг. добровольно отправился на театр военных действий. Первоначально был прикомандирован к 5-му саперному батальону. После перехода армией границы руководил постройкой батарей на Нижнем Дунае у Галаца и Рени. Впоследствии руководил постройкой 23 батарей на 86 орудий у Журжева (на левом берегу Дуная, напротив Рущука). Батареи были возведены по его личному проекту, позволившему хорошо их замаскировать. В 1878 г. вернулся в академию. С 1882 г. профессор, с 1892 г. – заслуженный профессор Николаевской инженерной академии. В 1898–1899 гг. комендант Осовецкой крепости. С 4.8.1899 г. командующий, а затем начальник 34-й пехотной дивизии. Умер от воспаления легких, простудившись во время смотра войск. Вот характеристика, данная Плюцинскому сотрудником «Нового времени» В. Петерсеном: «... те типы, те принципы новой фортификации, которые дал покойный генерал-инженер, послужили не только нам, но и оценены за границей для установления новой фортификации, далеко оставившей за собой логикой и гением труды всех последователей Бриальмона и всех тех германских инженеров, которым мы рабски поклонялись, когда вместе с покойным слушали курс А. Квиста в Николаевской инженерной академии. В этой области чисто стратегической фортификации, в простоте и яркости его идей, в логике его построений А.Ф. Плюцинский не имел себе равного. По счастью, он оставил после себя много сочинений, отличных учеников и продолжателей, которые сумеют поднять имя учителя в своих собственных творческих трудах. Неутомимый в работе, как все талантливые люди, упорный и резкий в выводах и положениях своих, не покладистый характером и незыблемо твердый в принципах своих, покойный генерал являл в своей особе опять тот же великий образ убежденного кадета, который уже столько сделал добра и столько послужил на благо родины...».

Поволоцкий Иван Максимович (20.7.1842 – после 1896), генерал-майор. Православный. Из дворян. Окончил Александровский кадетский корпус (1861), 2-е военное Константиновское училище (1862) и Николаевскую академию Генерального штаба (1870). Службу начал в 1862 г. подпоручиком. В 1863 г. в составе войск Киевского

военного округа принимал участие в подавлении восстания 1863–1864 гг. С 1870 г. в Генштабе. В 1870–1875 гг. служил в Харьковском военном округе; в 1875–1877 гг. офицер для особых поручений при командующем войсками Киевского военного округа. В 1877 г. за отличие, вне правил, был произведен в полковники и назначен офицером для особых поручений при командующем войсками, находившимися в тылу Действующей армии. Во время русско-турецкой войны 1877–1878 гг. командовал отрядом войск. В 1878–1887 гг. начальник штаба 33-й пехотной дивизии. С 1887 г. командир 45-го пехотного Азовского полка; с 1890 г. начальник штаба 10-го армейского корпуса. Одновременно, с 1891 г. начальник Харьковского военного госпиталя. С 17.3.1895 г. начальник штаба Виленского военного округа.

Подбельский Иван (Ян) Андреевич (1836, Ломжа – май 1863). поручик Белевского пехотного полка. Католик. Из дворян Царства Польского. Окончил Брестский кадетский корпус (1855), Константиновское военное училище (1860) и Николаевскую академию Генерального штаба (1862). Во время учебы в академии был членом кружка Сераковского – Домбровского. В 1863 г. был уволен со службы. Участник восстания 1863–1864 гг., погиб в бою с регулярными войсками.

Ратынский Эрнест. Католик. Из дворян Минской губ. Получил домашнее воспитание. Воспитывался в Брестском кадетском корпусе на стипендию дворянства Минской губ. 9.9.1859 г. «за весьма ненадежное поведение и вредное влияние на товарищей», выписан на действительную службу в армию юнкером.

Роберт Марьян Августинович (1838 – ?), отставной юнкер. Католик. Из дворян Плоцкой губ. Воспитывался в Брестском кадетском корпусе до 1854 г., затем выписан в часть рядовым. В 1856 г. уволен со службы в чине юнкера. Служил по питейно-акцизному ведомству в Могилевском у. Участник восстания 1863–1864 гг.; осужден на 4 года каторги.

Рошковский Генрик Бонавентурий Людвикович (1840 – ?), прапорщик 8-й полевой артиллерийской бригады. Католик. Из дворян Гродненской губ. Окончил Александровский кадетский корпус (1860?) и 3-й специальный класс Константиновского военного училища (1861). В 1861–1862 гг. находился в Петербурге. Готовясь к вступительным экзаменам, а затем обучаясь в Артиллерийской академии,

был активным участником кружка Сераковского – Домбровского, и в то же время собирал у себя революционно настроенных экстернов Константиновского училища. В 01.1863 г. откомандирован в Динабургскую крепостную артиллерию, куда прибыл в марте 1863 г., а в мае 1863 г. подал в отставку.

Русецкий Константин Людвикович (1841 – ?), инженер-подпоручик. Католик. Из дворян Минской губ. Окончил Александровский кадетский корпус (1861) и 3-й специальный класс Константиновского военного училища (1862) с зачислением в Инженерную академию. Входил в кружок Сераковского-Домбровского. 23.3.1863 г. подал прошение об отставке по домашним обстоятельствам и выехал из Петербурга «без всякого вида». Участник восстания в Виленской губ., впоследствии эмигрировал во Францию.

Рыдзевский Евсевий Антонович (? – ?), подпоручик 16-й полевой артиллерийской бригады. Католик. Из дворян Минской губ. Окончил Брестский кадетский корпус (1859). В 1861–1862 гг. учился в Николаевской академии Генерального штаба; был членом кружка Сераковского – Домбровского. С 26.3 по 8.5.1862 г. был в отпуске в Варшаве. 31.12.1862 г. подал в отставку по болезни. Во время восстания был в отрядах А. Валигурского и М. Гейденрейха (Крука); впоследствии бежал во Францию, был активным деятелем эмигрантских организаций.

Савицкий Ян (Иван Федорович) (1831–1911), полковник Генерального штаба. Из дворян Ковенской губ. Католик. Окончил Брестский кадетский корпус (1847?) и военную академию Генерального штаба (1852). Во время учебы был близок к «Союзу Литовской молодежи». На службу вступил из фельдфебелей Дворянского полка (1849). Служил в гренадерском полку. С 1854 г. служил в Генштабе: в штабе Отдельного гвардейского корпуса; с 05.1857 г. по 04.1858 г. – в Оренбургском корпусе; затем – начальник штаба 1-й и 6-й кавалерийских дивизий. Участвовал в походах гвардии в 1849 г. в Венгрию и в Крымской войне. В 1861 г. переведен в Курск на должность начальника штаба 4-й кавалерийской дивизии. С августа 1862 г. – снова в Петербурге, в распоряжении Военного министерства. 7.4.1863 г. подал прошение об увольнении в отставку, предъявив явно фиктивное свидетельство о болезни, подписанное врачом 2-го Петербургского кадетского корпуса Г.Р. Городковым, и выехал за границу. Был одним

из ближайших друзей и единомышленников З. Сераковского, входил в революционный кружок, возглавлявшийся им и Я. Домбровским. Близкий соратник Н.Г. Чернышевского и Н.А. Добролюбова. Поддерживал дружественные отношения с землевольцем А.Н. Столпаковым. В конце 1863 г. – начале 1864 г. находился в Галиции, был начальником штаба в повстанческих формированиях Ю. Высоцкого и Э. Рижицкого. После восстания, находясь в эмиграции, поддерживал контакты с А.И. Герценом.

Свеолинский Антон. Из дворян Минской губ. 16.6.1861 г. выпущен из Александровского кадетского корпуса на службу офицером.

Серватович Антоний (около 1844 – ?), прапорщик Псковского батальона внутренней стражи. Католик. Из дворян Царства Польского. Окончил Александровский кадетский корпус в Вильно (1862). Определен на службу в Пермский батальон. Во второй половине 1862 г. находился в Варшаве на лечении, добился перевода в Псковский батальон, но туда не явился. В январе 1863 г. отправился в Равский у. и перешел на сторону повстанцев; командовал стрелками в отряде К. Цешковского.

Скирмунт Владислав Юлиян Антонович. Дворянин Пинского у. Минской губ. Воспитанник Брестского кадетского корпуса. Приказом от 8.12.1858 г. № 8177 по военным учебным заведениям, «по неблагонадежному поведению и вредному на товарищей влиянию выписан на действительную службу в армию юнкером, с выслугою в сем звании, до производства в первый офицерский чин, до июня 1863 г.».

Соколов Евгений Васильевич (1836? – до 1894), генерал-майор. Из дворян. Окончил Брестский кадетский корпус (1848), Дворянский полк (1850) и Николаевскую академию Генерального штаба (1857). Служил в л.-гв. Волынском полку. В 1857–1858 гг. был причислен к Генштабу. С 1858 г. репетитор тактики в Новгородском кадетском корпусе. Впоследствии воинский начальник Черского отдела Варшавского у. и начальник Троцкого у. Командовал 135-м пехотным Керч-Еникальским полком. С 1878 г. командир 1-й бригады 34-й пехотной дивизии.

Соколов Николай Васильевич (1835–1889), подполковник Генерального штаба. Из дворян. Окончил Брестский кадетский корпус (1848), Дворянский полк (1850) и Николаевскую академию Генерального штаба (1857). После окончания академии был командирован

на Кавказ. В 06.–09.1860 г. был в Англии и посетил А.И. Герцена, а в промежутках между поездками жил в Петербурге; был знаком с Н.Г. Чернышевским, Е. Благосветловым, сотрудничал в «Современнике» и в «Русском слове». Имел связи с П.Л. Лавровым, А.И. Энгельгардтом и другими участниками революционных кружков. В 1859–1863 гг. в Генштабе. 03.01.1863 г. подал в отставку и выехал за границу, чтобы не оказаться в карательных войсках. В 1860-х гг. – прудонист. В 1866 г. после издания книги «Отщепенцы» был арестован. После полуторагодового заключения в Петропавловской крепости был сослан в Архангельскую, а затем Астраханскую губ. При помощи «чайковцев» бежал из ссылки за границу. В эмиграции присоединился к бакунистам. В похоронах Соколова в Париже принимали участие русские и польские революционеры, а также коммунары.

Соколовский Федор Станиславович (26.11.1840 – ?). Сын титулярного советника Станислава Федоровича Соколовского. Католик. Из дворян Минской губ. Получил домашнее воспитание. В 1851 г. зачислен в Брестский кадетский корпус на вакансию дворянства Минской губ. 9.9.1859 г. «за весьма ненадежное поведение и вредное влияние на товарищей» выписан на действительную службу в армию юнкером.

Стабровский Александр Гаврилович (1839 – июль 1863), подпоручик л.-гв. Павловского полка. Католик. Из дворян Минской губ. Окончил Брестский кадетский корпус (1859) и Константиновское военное училище (1860). Службу начал в Невском пехотном полку. В мае 1862 г. переведен в гвардию и служил в Петербурге. Вероятный участник петербургских офицерских кружков и революционной организации офицеров русской армии в Польше. 21.4.1863 г. бежал из части и перешел к повстанцам под псевдонимом Любич. Погиб.

Стабровский (2-й) Константин Гаврилович. Воспитанник Александровского Брестского кадетского корпуса. Из рапорта старшего лекаря корпуса коллежского советника Лезедова от 18.5.1858 г. № 94: Константин Стабровский 2-й, «поступивший в корпусной лазарет 22-го февраля, а 18-го сего мая умер».

Станевич Ян Онуфрий Фердинандович (1832–?), штабс-капитан. Католик. Из дворян Виленской губ. Окончил Брестский кадетский корпус (1849), воспитывался в Дворянском полку, откуда исключен в 1850 г. «по дурному поведению» и направлен в Оренбургский

отдельный корпус. В 1855 г. произведен в чин прапорщика и получил разрешение служить, где пожелает. Подпоручик Оренбургского № 5 линейного батальона. В 1857–1859 гг. учился в Николаевской академии Генерального штаба (вып. 1859). В 1861–1863 гг. в Генштабе. 4.1.1863 г. просил разрешения начальства на 11-месячный отпуск, но не получил его. В мае 1863 г. подал в отставку по домашним обстоятельствам и поселился в Москве. Был одним из ближайших друзей и единомышленников З. Сераковского с 1850 г., а, может быть, и с более раннего времени. Поддерживал дружеские отношения с Т.Г. Шевченко в ссылке и после его возвращения в Петербург. Сотрудничал в «Современнике», был близок к Н.А. Добролюбову. Являлся одним из наиболее активных деятелей кружка Сераковского – Домбровского.

Станевич Иероним Фердинандович (1834 – ?), поручик 6-го саперного батальона. Католик. Из дворян Ковенской губ. Окончил Брестский кадетский корпус (1851) и Дворянский полк (1853). Службу начал в 1853 г. прапорщиком. В 1858–1859 гг. имел перерыв в службе. В 1859–1861 гг. учился в Николаевской академии Генерального штаба; входил в кружок Сераковского – Домбровского, являлся одним из его активных участников. В 04.1863 г. «уволен от службы с чином титулярного советника и отправился через Ригу на Жмудь».

Стерлигов Андрей Васильевич (8.11.1842 – после 1894), генерал-майор. Православный. Из дворян. Окончил Александровский кадетский корпус (1860) и 2-е военное Константиновское училище (1861). Службу начал в 1861 г. прапорщиком. С 26.10.1863 г. по 3.12.1864 г. находился в отставке. С 1867 г. поручик. С 1869 г. помощник старшего адъютанта, с 1870 г. – старший адъютант, а с 1879 г. – правитель дел Московского окружного артиллерийского управления. С ноября 1891 г. начальник Петербургского оружейного склада огнестрельных припасов. С 28.12.1893 г. был начальником оружейного артиллерийского склада Московского военного округа.

Странден Евгений Владимирович (1843 – ?), прапорщик 2-й полевой артиллерийской бригады. Православный. Из дворян Архангельской губ. Окончил Брестский кадетский корпус (1859) и Константиновское военное училище (1860). Был близок к кружку «чернышевцев», участвовал в студенческих беспорядках 25.9, 27.9 и 2.10.1861 г., за что присужден к месячному аресту на гауптвахте.

Вероятный участник революционной организации офицеров русской армии в Польше.

Сухомлинов Владимир Александрович (4.8.1848 – 2.2.1926, Берлин), военачальник, генерал-адъютант. Православный. Из дворян. Обучался в Александровском кадетском корпусе в Вильно (1861–1863), окончил 1-ю С.-Петербургскую военную гимназию (1865), Николаевское кавалерийское училище (1867) и Николаевскую академию Генерального штаба (1874). Службу начал в 1867 г. корнетом в л.-гв. Уланском е.в. полку в Варшаве. В 1874 г. в чине штабс-ротмистра причислен к Генштабу. Участник русско-турецкой войны 1877–1878 гг. Первоначально состоял в распоряжении главнокомандующего Дунайской армией, затем в штабе 1-го армейского корпуса. Отличился при штурме Троянского перевала (награжден орденом Св. Георгия 4-й ст., 1878), других сражениях. С 1878 по 1884 гг. правитель дел Николаевской академии Генерального штаба. Одновременно преподаватель тактики в Николаевском кавалерийском училище, Пажеском корпусе и Михайловском артиллерийском училище. С 1884 г. командир 6-го лейб-драгунского Павлоградского е.в. полка. С 1886 г. начальник Офицерской кавалерийской школы. В 1886–1897 гг. преподавал тактику великим князьям Петру Николаевичу, Георгию и Сергею Михайловичам. В 1897–1899 гг. командующий 10-й кавалерийской дивизией. В 1899–1902 гг. начальник штаба, а в 1902–1904 гг. – помощник командующего войсками Киевского военного округа. С октября 1904 г. командующий войсками Киевского военного округа, а с октября 1905 г. одновременно киевский, подольский и волынский генерал-губернатор. В 1908–1909 гг. начальник Генерального штаба. С 11.3.1909 г. по 13.4.1915 г. – военный министр. Одновременно с декабря 1911 г. член Государственного совета. В апреле 1915 г. после поражения русских войск на германском фронте уволен, с оставлением членом Государственного совета. 15.7.1915 г. под давлением общественного мнения начато следствие по обвинению Сухомлинова в «противозаконном бездействии, превышении власти, служебных подлогах, лихоимстве и государственной измене». В апреле 1916 г. арестован и помещен в Трубецкой бастион Петропавловской крепости, затем находился под домашним арестом. После Февральской революции 1917 г. вновь арестован и в 09.1917 г. приговорен судом

к пожизненной каторге, замененной затем заключением в крепость. 1.5.1918 г. в связи с достижением 70-летнего возраста освобожден и эмигрировал в Финляндию, а затем в Германию. В разное время сотрудничал с журналами «Разведчик», «Военный сборник» и газетой «Военный инвалид». Оставил «Воспоминания» (Берлин 1924).

Сухомлинов Николай Александрович (27.7.1850 – после 1911), генерал-лейтенант. Из дворян Волынской губ. В 1861–1863 гг. учился в Александровском кадетском корпусе в Вильно. Окончил 1-ю С.-Петербургскую военную гимназию (1866) и Николаевское кавалерийское училище (1868). Службу начал в л.-гв. Уланском е.в. полку. Во время русско-турецкой войны 1877–1878 гг. был ординарцем у командующего гвардейским корпусом генерала графа Шувалова, а с сентября 1877 г. – генерала И.В. Гурко. Участвовал во многих сражениях. С 1884 г. по 1888 г. командир эскадрона. В марте 1888 г. зачислен в постоянный состав Офицерской кавалерийской школы. В 1890 г. прикомандирован к Николаевскому кавалерийскому училищу, а в августе 1890 г. назначен командиром эскадрона юнкеров. В 1897 г. штаб-офицер для особых поручений при Главном управлении военных учебных заведений. С 1897 г. по 1903 г. командир 38-го драгунского Владимирского е.и.в. великого князя Михаила Николаевича полка. В 1903–1909 гг. командир 1-й бригады, а с января 1909 г. – командир 9-й кавалерийской дивизии. С сентября 1911 г. оренбургский губернатор и наказной атаман Оренбургского казачьего войска.

Терпиловский (1841 – ?), прапорщик 13-й полевой артиллерийской бригады. Православный. Из дворян Гродненской губ. Окончил Александровский кадетский корпус (1861) и Артиллерийское училище (1863). Вероятный участник петербургских офицерских кружков. В 1863 г. взял отпуск и перешел к повстанцам. Участвовал в стычках под Боровлянкой и др.; после восстания эмигрировал в Париж.

Туган-Мирза-Барановский Александр Давыдович (1847 – после 1900), генерал-майор. Из татар. Обучался в Александровском кадетском корпусе в Вильно (до 1863), окончил 1-ю С.-Петербургскую военную гимназию (1865), 2-е военное Константиновское училище (1867) и Николаевскую академию Генерального штаба (1874). Службу начал в Эриванском гренадерском е.в. полку. Через два года был прикомандирован, а затем и переведен в 1-й Кавказский

саперный батальон. С 1874 г. в Генштабе. Во время русско-турецкой войны 1877–1878 гг. в должности старшего адъютанта штаба 41-й пехотной дивизии входил в состав Эриванского отряда. Отличился в боях. В 1878–1885 гг. занимал должности заведующего передвижением; старшего адъютанта штаба Кавказского военного округа; офицера для поручений при штабе Харьковского военного округа. В 1885–1887 гг. командир 17-го стрелкового батальона, в 1887–1891 гг. – начальник штаба Ивангородской крепости. В 1891–1895 гг. командир 4-го Стрелкового, а в 1895–1897 гг. – 7-го пехотного Ревельского полков. В 1897–1899 гг. начальник штаба Варшавской крепости. В 1899–1900 гг. командир 2-й бригады 27-й пехотной дивизии. С 1900 гг. начальник 4-й Туркестанской стрелковой бригады.

Туровский Ян (1832, Жуков – ?), отставной штабс-капитан. Окончил Брестский кадетский корпус, Дворянский полк и Николаевскую академию Генерального штаба (1861). Служил в 11-й артиллерийской бригаде поручиком. В 1862 г. вышел в отставку и вернулся в Польшу. Участвовал в восстании 1863–1864 гг., был военным начальником Плоцкого воеводства после З. Падлевского; получил повстанческий чин полковника; был ранен, впоследствии эмигрировал.

Турцевич Болеслав. Из дворян Минской губ. Окончил Александровский кадетский корпус (1861) и переведен в 3-й специальный класс Константиновского военного училища.

Харинский Павел Петрович (24.6.1845 – после 1898), генерал-майор. Православный. Из дворян Псковской губ. Окончил Александровский кадетский корпус (1863), Михайловское артиллерийское училище (1864) и Михайловскую артиллерийскую академию (1869). Службу начал в 1864 г. подпоручиком в Кронштадской крепостной артиллерии. В 1869 г. в чине штабс-капитана полевой пешей артиллерии назначен в исполнительную комиссию по перевооружению армии винтовками Крынка. В 1873 г. зачислен поручиком в гвардейскую конную артиллерию, затем переведен заведующим мастерскою Литейного гильзового отдела Петербургского патронного завода; с 1880 по 1883 – начальник отдела, а затем оружейного отделения Главного артиллерийского управления. В 1890–1897 гг. делопроизводитель исполнительной комиссии по перевооружению армии трехлинейными винтовками. С 1897 г. помощник начальника Главного артиллерийского управления.

Цилиакус Владимир. Воспитанник Брестского кадетского корпуса. В 1858 г. проявил неуважение к священнику, за что по просьбе матери переведен в Павловский кадетский корпус.

Шанявский Адольф (Альфонс) Павлович (? – до 1894), генерал-майор в отставке. Из дворян. Окончил Брестский кадетский корпус (1854), Дворянский полк (1856) и Николаевскую академию Генерального штаба (1860). С 1856 г. служил в л.-гв. Гатчинском полку. В 1862–1876 гг. в Генштабе. В 1876 г. был уволен по болезни в отставку.

Шепелев Владимир Петрович (10.11.1845 – после 1894), генерал-майор. Православный. Из дворян. Окончил Александровский кадетский корпус (1863), Михайловское артиллерийское училище (1864) и Михайловскую артиллерийскую академию. Службу начал в 1864 г. подпоручиком. С 1880 г. начальник Охтенского капсюльного отдела Петербургского патронного завода. С 1892 г. начальник Петербургского патронного завода, а с 1893 г. одновременно совещательный член артиллерийского комитета Главного артиллерийского управления.

Шпаковский Гелиодор. Католик. Из дворян Минской губ. Получил домашнее воспитание. Воспитывался в Брестском кадетском корпусе на стипендию дворянства Минской губ. 9.9.1859 г. «за весьма ненадежное поведение и вредное влияние на товарищей» направлен в армию юнкером.

Шуляченко Алексей Романович (17.3.1841 – после 1894), генерал-майор. Военный инженер, заслуженный профессор Николаевской инженерной академии. Православный. Из дворян Киевской губ. Окончил Александровский кадетский корпус (1859), 2-е военное Константиновское училище (1860) и Николаевскую инженерную академию (1864). Службу начал в 1860 г. прапорщиком, с зачислением в Инженерную академию. В 01.1861 г. был исключен из академии за участие в «истории». С 01.1862 г. – снова в академии. С 1864 г. – преподаватель химии, профессор, заслуженный профессор Николаевской инженерной академии и училища. С 1886 г. инспектор классов Николаевской инженерной академии и училища, а с 21.5.1892 г. одновременно член инженерного совета Министерства путей сообщения.

Ягмин Юлиан (в православии Александр) **Феликсович** (1840 – ?). Католик. Из дворян Гродненской губ. В 1851–1857 гг. учился в Брестском кадетском корпусе. Окончил частный пансион в

Варшаве. В 1863 г. секретарь штаба в повстанческом (Брестском) отряде Стасюкевича. В 1864 г. сдался властям, был заключен в Гродненской тюрьме. После освобождения перешел в православие. Автор воспоминаний. Среди воспитанников корпуса упоминаются его братья.

Ямонт Матвей Матвеевич. Окончил Брестский кадетский корпус, Дворянский полк и Николаевскую академию Генерального штаба (1855). В 1856–1862 гг. в Генштабе. В 1862 г. уволен по болезни подполковником.

Ячный. Воспитанник Александровского кадетского корпуса. В 1863 г. во время расформирования корпуса и перевода воспитанников из Вильно в Петербург пытался уговорить солдат перейти на сторону повстанцев; за это был исключен из числа воспитанников и лишен права поступать в другое военное учебное заведение. Однако смог поступить экстерном в Артиллерийское училище, где, по данным агентуры III отделения, «отличался революционным направлением». Сразу после окончания училища вышел в отставку и поступил в Технологический институт; там принимал участие в студенческих сходках.

ТАБЛИЦЫ

1. Распределение вакансий в Александровском Брестском кадетском корпусе (чел.)

Губернии	1842 г.	1843 г.	1844 г.	1845 г.
Виленская	21	21	22	22
Гродненская	14	14	14	14
Минская	21	22	22	22
Белостокская обл.	2	2	2	2
Царство Польское	15	16	16	16
По назначению правительства от русских или отзейских губерний	27	25	24	24
Всего	100	100	100	100

2. Распределение вакансий в Полоцком и Александровском Брестском кадетских корпусах (1849 г., в чел.)

	Полоцкий корпус	Брестский корпус
Виленская губерния	60	–
Минская губерния	23	68
Ковенская губерния	62	–
Витебская губерния	11	–
Смоленская губерния	1	–
Могилевская губерния	4	–
Гродненская губерния	–	54
Царство Польское	10	63
Всего	171	185

3. Программа кадетского корпуса 2-го класса 1836 г. (часов в неделю)

Предметы	Отделения							
	Подгото-вительное		Общее				Специаль-ное	
	Классы							
	I	II	I	II	III	IV	I	II
Закон Божий	1	1	1	1	1	1	1	1
Французский язык	4	4	3	3	3	3	2	2
Немецкий язык	4	4	3	3	3	3	2	2
Русский язык и словесность	4	4	4	3	3	3	2	2
Математика	3	3	5	6	5	3	3	3
Естественные науки	2	2	–	–	2	2	2	2
География и статистика	–	–	3	3	2	2	2	2
История политическая	–	–	2	3	3	3	3	3
Законоведение	–	–	–	–	–	–	1	2
Чистописание	3	3	1	–	–	–	–	–
Рисование	1	1	1	1	1	1	–	–
Черчение	–	–	–	–	–	1	1	1
Военные науки	–	–	–	–	–	–	7	8
Всего часов в неделю	22	22	23	23	23	22	26	28

4. Программа кадетского корпуса 2-го класса на 1848 г. (часов в неделю)

Предметы	Общие классы				Специаль-ные классы	
	I	II	III	IV	I	II
Закон Божий	2	2	1	1	1	1
Русский зык	3	3	2	2	2	2
Французский язык	4	4	3	2	2	2
Немецкий язык	4	4	3	2	2	2
Математика	3	4	6	4	2	–
Механика	–	–	–	–	–	2
Естественная история	2	2	2	1	–	–
Физика	–	–	–	3	–	–
Химия	–	–	–	–	2	–
Космография	–	–	–	–	–	3
География	2	2	2	2	–	–
История	2	2	3	3	2	2
Статистика	–	–	–	–	2	2
Законоведение	–	–	–	–	2	2
Тактика и военная история	–	–	–	–	2	2
Артиллерия (с черчением)	–	–	–	–	2	2
Фортификация (с черчением)	–	–	–	–	2	2
Топографическое черчение	–	–	1	1	1	–
Рисование	1	1	1	1	–	–
Писание	1	–	–	–	–	–
Всего часов в неделю	24	24	24	23	24	24

5. Распределение учителей кадетских корпусов по разрядам и классам

Должность	Разряд	Класс по Табели о рангах
Инспектор классов	I	6
Помощник инспектора классов, наставники-наблюдатели	II	8
Старшие учителя	III	9
Младшие учителя	IV	10
Учителя искусств	V	12
Иные	VI	14

6. Оклады учителей в военных учебных заведениях (в руб. ассигнациями) 1836 г.

Нагрузка (в часах)	Наставник-наблюдатель	Старший учитель	Младший учитель	Учителя искусств
15	2600	2250	2000	1800
12	2250	2000	1800	1600
9	1800	1600	1400	1200
6	1400	1200	1000	900
Менее 6	1200	1000	900	700

7. Пенсионное обеспечение служащих по учебной части (1836 г.)

Выслуга	Размер пенсии
от 10 до 15 лет	Единовременное пособие
от 15 до 20 лет	1/3 оклада
от 20 до 25 лет	2/3 оклада
25 и более лет	Полный оклад
30 и более лет	Полный оклад + 1/5
35 и более лет	Полный оклад + 2/5

Научное издание

Бригадин Петр Иванович
Лукашевич Андрей Михайлович

Мятежный корпус: из истории Александровского Брестского кадетского корпуса (1842–1863)

Редактор *В. В. Пупа*
Верстка *Т. А. Зенькович*
Корректор *И. М. Томильчик*

Подписано в печать 07.06.2007. Формат 60x84/16. Бумага офсетная.
Гарнитура Times New Roman. Печать офсетная. Усл. печ. л. 10,69. Уч.-изд. л. 9,37.
Тираж 200 экз. Заказ №

Учреждение образования «Государственный институт
управления и социальных технологий БГУ: ЛИ № 02330/0056772 от 17.02.2004.
220037, Минск, ул. Ботаническая, 15.

Отпечатано с оригинала-макета заказчика в Республиканском унитарном
предприятии «Издательский центр Белорусского государственного университета».
ЛП № 02330/0056850 от 30.04.2004. 220030, Минск, ул. Красноармейская, 6.